

НА Боевом посту

4 · 1989

**СЕГОДНЯ
НАМ
ЛЕНИН
ОСОБЕННО
НУЖЕН**

■ Не всем по нраву строгие требования военного коменданта особого района г. Еревана. Зачем иметь при себе паспорт? Почему введен комендантский час? Десятки, сотни раз приходилось капитану Б. Мартыненко отвечать на эти и другие вопросы.

НА УЛИЦАХ ЕРЕВАНА

■ Посты у Театральной площади — самые ответственные. Здесь часто кипели страсти, грозившие перерасти в массовые беспорядки. Поэтому настороже солдаты. Поэтому солдаты в средствах защиты.

Поэтому строг и внимателен ефрейтор С. Терещенко.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

4·1989

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Издается с 1958 г.

В НОМЕРЕ:

Сегодня нам Ленин особенно нужен	3	
■ КУРСОМ XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС		
БАКАТИН В. Время действий	5	
■ НАВСТРЕЧУ СЪЕЗДУ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР		
МОРОЗОВ С. Фундамент полновластия	11	
■ К 119-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА		
ЛОССАН Б. Четвертая рота	14	
КРИВЕЦ В. Держал связь с простыми людьми	16	
■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ: ПРОДОЛЖАЯ РАЗГОВОР; О НАБОЛЕВШЕМ; НАМ ОТВЕЧАЮТ; ЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ		18
■ ЗАКАВКАЗЬЕ: МЕСТО СОЛДАТСКОГО ПОДВИГА		
КАРПОВ Б. Сердцетрясение	24	
■ КОММУНИСТ: ПОЗИЦИЯ В ПЕРЕСТРОЙКЕ		
ФЕЛЬК В. Право дать ответ	30	
■ ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ		
«Презумпция виновности»	32	
■ КАК ЖИВЕШЬ, ГЛУБИНКА!		
ВЕСНИН И. Сор из избы	36	
■ ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ		
КУЗЬМЕНКО В. Биолокация в охране объектов	38	
■ ТРИБУНА ПОЛИТРАБОТНИКА		
ЕНЯГИН В. Условия меняются. А результат?	41	
■ НАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ		
МАЛАШОНОК А. Отдачу — сполна	43	
■ БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ		
ДЗАРАГАЗОВ П. Степень напряжения	45	
СОНИНСКИЙ В. Руку, новичок!	47	

Аграрные преобразования неотделимы от осуществляемых ныне политической и экономической реформ, в центре которых — удовлетворение многообразных потребностей человека, раскрытие его трудовой и социальной активности.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на мартовском (1989 г.) Пленуме ЦК КПСС.

«Презумпция виновности» — так называлась корреспонденция-расследование, опубликованная в декабрьском номере нашего журнала за прошлый год.

Пришли отклики...

с. 32

В три часа снова раздался звонок «вертушки». Голос был тот же, тихий, глухой:

— Алло, простите, что я вас так поздно тревожу, это Сталин говорит...

Отец, испытывая звенящую горделивую радость, сказал, что он счастлив слышать Иосифа Виссарионовича...

с. 71

На 1 странице обложки фотоэтиюд В. Гуккаева.

■ РУКОВОДИТЕЛЯМ ГРУПП ПОЛИТЗАНЯТИЙ

АЛЕКСАНДРОВ Г. Воспитательная роль соревнования 49
 НОВИКОВ А. Комната, куда спешат солдаты . . . 54

■ В ВОЕННЫХ УЧИЛИЩАХ

АРТЮХОВ Е. Альма-матер, или Размышления о жизни солдат четвертого года службы . . . 56

■ НА ТЕМЫ МОРАЛИ

ДРОГНЕВ А. Чужое горе 63

■ ДЕЛА И ЗАБОТЫ КОМСОМОЛЬСКИЕ

БЫСТРОВ А. Кошунство 66

■ ИЗ ИСТОРИИ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

СЫСОЕВ Н. «...Заговор в войсках НКВД» 68

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

СЕМЕНОВ Ю. Ненаписанные романы 71
 БОРИСОВ М. В измерении времени (стихи) . . . 91

■ ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

ГУСЕВ М. Будем жить надеждой 92
 ■ И в шутку, и всерьез 94

Главный редактор А. Г. Горлов.

Редакционная коллегия: В. В. Асташин, В. В. Барсуков, Б. Р. Борукаев, Ю. В. Дурнев, Н. М. Захарченко, А. П. Котляров, И. Т. Козлов, В. Н. Лосев, Г. А. Малюшкин, Г. М. Масленников, Е. А. Нечаев, Л. А. Панкратов, Л. Н. Печевой, А. В. Пономарев [ответственный секретарь], Ю. Л. Ражев [зам. главного редактора], А. С. Сокок, В. Н. Усков, В. А. Шошин, В. В. Щуров.

Корректоры Е. А. Богданова, И. Ю. Семибратова.

Технический редактор И. В. Володина.

Художественное оформление Е. К. Селиковой.

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250. Телефоны: секретариата — 361-82-57, Отделов: боевой службы — 361-85-23, пропаганды — 361-82-87, обучения и воинского воспитания — 361-86-27, партийно-политической работы — 361-81-54, литературы, культуры и быта — 361-85-28, писем и информации — 361-89-39, издательства и подписки — 361-80-97.

Сдано в набор 6.02.89.
 Формат бумаги 70×108^{1/8}.
 Уч-изд. л. 11,5.
 Заказ 287

Подписано к печати 20.02.89 г.
 Усл. печ. л. 8,4+вкл. 1/4 п. л.
 Цена 40 коп.
 Г-25910

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

СЕГОДНЯ НАМ ЛЕНИН ОСОБЕННО НУЖЕН

АПРЕЛЬ, КАК ВЕЧНЫЙ СИМВОЛ обновления жизни, связан в нашем сознании с днем рождения Владимира Ильича Ленина, указавшего пути построения социализма.

О Ленине нам известно далеко не все, и все же мы знаем столько, чтобы с щемящей остротой ощутить необходимость его присутствия именно сегодня. Ныне мы, как с живым говоря, чутко вслушиваемся в его слова, оценки и нашего прошлого и теперешнего перестроечного времени.

Перестройка как бы вернула нам не хрестоматийного, а действующего в нашей жизни Ленина, его могучую мысль и человеческий облик, теплоту его чувств. Он вырван из пут догматизма, его идеи участвуют в обновлении нашего общества. Ленинскому слову возвращена его истинная ценность, оно становится подлинным руководством к действию.

Мы ощущаем это с великой радостью, ведь были годы, когда ленинские идеи, а еще чаще цитаты использовались как своего рода пропагандистский щит. И чем больше возникало проблем, тем больше толковали о торжестве ленинизма, а на деле увеличивали разрыв между высокой мерой его заветов и реальными делами.

Четыре года минуло после апрельского Пленума ЦК КПСС, состоявшегося 23 апреля 1985 года, когда слово «перестройка» вошло в нашу жизнь. Эти годы убедительно показали, как важно сверять свои действия с Лениным, обращаться к его учению во всем его богатстве.

Одна из магистральных ленинских идей — идея учиться, учиться всему, что необходимо для торжества нового строя: учиться хозяйствовать, управлять делами общества и государства, **УЧИТЬСЯ ЗАЩИЩАТЬ РОДИНУ**, в целом учиться умению жить в новом обществе. А применительно к нам, людям военным, — это идея **УЧИТЬСЯ ВОЕННОМУ ДЕЛУ НАСТОЯЩИМ ОБРАЗОМ**, крепить дисциплину, бдительность и боевую готовность, повышать роль воина — защитника социалистического Отечества.

С ПЕРВОГО ДНЯ образования Советского государства В. И. Ленин постоянно заботился об охране и защите молодой Республики Советов. В этом году мы будем отмечать 70-летие ленинского декрета о войсках внутренней охраны, в котором были определены классовые цели и задачи охраны пролетарского государства, подчеркнута ее роль в укреплении страны. И сегодня, как отмечалось на XXVII съезде КПСС, постоянная готовность защищать великие завоевания социализма должна оставаться одной из важных задач партии и народа.

С большим воодушевлением восприняли воины войск утвержденный одиннадцатой сессией Верховного Совета СССР Указ «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка». Он вызвал у воинов политическую активность, воодушевил на новые ратные свершения. Об этом свидетельствуют мужество и стойкость военнослужащих частей и подразделений, привлекающихся к поддержанию общественного порядка в Закавказье и других регионах страны. Десятки, сотни солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров удостоены высоких государственных наград.

Недавно большая группа офицеров — командиров частей и подразделений, политработников награждена орденами и медалями за успехи в служебной деятельности.

«Солдатами порядка» называет нас сегодня народ. И это справедливо. Советские люди видят в воине внутренних войск защитника их конституционных прав и свобод. И так будет всегда.

СЕГОДНЯ НАМ ЛЕНИН ОСОБЕННО НУЖЕН. Как важно сейчас сверяться с ним, обращаться к его учению, его заветам. Словом, еще раз оглянуться на пройденный путь и, как требовал в таких случаях Владимир Ильич, сосредоточить внимание на нерешенных задачах.

Что греха таить, живут еще среди нас иные военнослужащие, которые годами работают с прохладцей, не проявляя инициативы, выполняя минимальный объем работы. Требования нынешнего времени, концепция развития общества, перестройка работы и своего мышления — все эти вопросы проходят мимо них, не оставляя в душе никакого следа.

Строго спросить с таких людей, опереться на их скрытые возможности, преодолеть силу инерции, совершить поворот в их умах и настроениях — дело каждого руководителя, каждой партийной и комсомольской организации. Пусть не создается иллюзий, что партийные требования об ответственности касаются лишь руководителей. Нет! Требования эти относятся к каждому, кто служит во внутренних войсках.

Сегодня важно осаживать и тех, кто подменяет перестройку разговорами, топить ее в словах. Нельзя, как предостерегал Ленин, «дать волю крикунам и фразерам, которые позволяют себя увлечь «яркой» революционностью, но на выдержанную, продуманную, взвешенную, учитывающую и труднейшие переходы революционную работу не способны».

В свое время В. И. Ленин лаконично и образно сформулировал своеобразный «кодекс поведения» руководителя: «Жить в гуще. Знать НАСТРОЕНИЯ. Знать все. Понимать массу, уметь подойти. Завоевать ее абсолютное доверие. Не оторваться руководителям от руководимой массы...» Этой ленинской заповедью каждый командир и политработник, каждый офицер должен повседневно руководствоваться в своей работе.

В борьбе с недостатками для нас особую ценность представляют практические достижения. Нам дорог каждый успех перестройки, каждый росток нового. И с этой точки зрения исключительно важна установившаяся атмосфера гласности. Гласность не только наш верный помощник в борьбе с негативными явлениями. Она незаменима в поддержке, пропаганде, распространении передового опыта.

Именно гласность должна быть нашим союзником в поддержании огня социалистического соревнования, развернувшегося в войсках под девизом «Зорко стоять на страже государственных интересов, надежно защищать конституционные права советских людей!» Только в атмосфере гласности и здоровой товарищеской состязательности могут погибнуть микробы «дедовщины», станет чище моральный климат в наших воинских коллективах.

НАША ЗАДАЧА — без колебаний идти избранной дорогой творческого созидания, добиваться, чтобы перестройка дошла до всех без исключения, до каждого коллектива, каждого человека. За перестройку надо бороться по-ленински страстно, настойчиво — так, как боролись большевики за революцию, за победу социализма.

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЙ

Генерал-лейтенант В. В. БАКАТИН,
член ЦК КПСС,
Министр внутренних дел СССР

Сегодня в жизни нашего социалистического общества происходят бурные перемены. Они определяются все более и более возрастающей активностью советских людей по реализации курса XXVII съезда КПСС, XIX партийной конференции. Курса на перестройку, на демократизацию и гласность, ради ускорения социально-экономического развития, ради духовного и нравственного самоочищения, возрождения гуманистического облика социализма.

Со всеми этими процессами в той или иной степени связаны задачи, возложенные партией и правительством на кадры Министерства внутренних дел. В нашей повседневной работе мы обязаны, с одной стороны, учитывать, а с другой — прямо обеспечивать успешную реализацию политической и правовой реформ, социальную справедливость, укрепление социалистической законности и правопорядка.

Однако, как отмечал М. С. Горбачев, перестройка идет непросто, не без трудностей и противоречий, не без ошибок и обострений. Ее диалектика сложна и требует высшей объективности, честности в оценках положения дел, без драматизации ситуаций и сглаживания острых углов.

Личный состав МВД в большинстве своем безоговорочно принял перестройку, но вот кардинальных, адекватных происходящим в стране процессам, глубоко профессиональных мер оказалось недостаточно.

ЦК КПСС в постановлении «О состоянии борьбы с преступностью в стране и дополнительных мерах по предупреждению правонарушений» справедливо указывает на медлительность в перестройке деятельности правоохранительных органов. Мы сделали далеко не все, что должны были сделать для выполнения требований партии и народа к органам внутренних дел.

В силу объективных и субъективных причин многие принципиально новые явления в социально-политической, духовной жизни и экономике страны не сразу укладывались в сознание и практику нашей сложной и порой инертной системы, породили у части кадров психологию выжидания. Между тем обстановка требует особой отточенности, инициативы и энергии. Ведь в правовое государство не входят. Его строят, создают общенародными усилиями. Не везде и не все это поняли в органах МВД. Многие ждут приказов

сверху. Но суть перестройки, ее сила как раз в мощной подвижке и снизу, и сверху.

Нам медлить и ошибаться в прогнозах нельзя. Тем более нельзя приглаживать действительность, давать удобные оценки, прогнозы, статистику. Это может очень дорого стоить делу перестройки, партии и народу.

С января прошлого года идет стабильный процесс роста выявленной преступности, который до сих пор не остановлен.

В 1988 году рост общей преступности составил 3,8 процента. Убийства выросли на 14, тяжкие телесные повреждения — на 32 процента. Что же касается разбоев и грабежей, то их прирост (почти наполовину) вообще является беспрецедентным. Кражи личной собственности выросли на 36,6 процента и уже далеко перешагнули за полумиллионный рубль.

За последнее время снизилась активность службы БХСС. По информации нашей ведомственной науки, сегодня выявляется всего только около 2 процентов взяточничества, 46 — хищений в торговле, 25 — в местной, 6 процентов — в мясо-молочной промышленности.

Что особенно тревожит! При общем снижении количества выявленных лиц, совершивших преступления, резко растет уровень преступности несовершеннолетних. Подростков 14—17 лет — на 11 процентов. 88 тыс. несовершеннолетних [на 15,1 процента больше, чем в 1987 году] совершили преступления в группе. На четверть возросло количество подростков, совершивших преступления в состоянии опьянения.

Если рецидив среди особо опасных преступников возрос на 6,9 процента, то среди несовершеннолетних — на 19,2. Рост преступности в городах определила уличная преступность, возросшая на 40 процентов.

Все эти негативные изменения в динамике и структуре преступлений обусловили повышение ее уровня в стране — с 639 до 657 на 100 тыс. населения. Вырос он почти во всех союзных республиках. Наиболее высок уровень преступности в Латвии, Эстонии, Молдавии, Туве, Хабаровском крае, в Иркутской, Курганской, Томской и других областях РСФСР.

Эти цифры нельзя ставить в вину непосредственно руководителям органов МВД соответствующих регионов, но они в опре-

деленной степени констатируют сложившуюся сегодня в стране криминогенную обстановку.

Статистика, хотя она и не раскрывает истинного лица преступности, вызывает беспокойство. Об этом же убедительно свидетельствует общественное мнение, отраженное средствами массовой информации, и поток писем граждан, дающих весьма не лестную оценку нашей работе по охране общественного порядка.

Главная и основная мысль — дать бой преступности. Никто за нас не сработает, не обеспечит общественный порядок и законность. Это наша обязанность. Это важная задача всех наших кадров. В работе с ними на первое место надо поставить внимание к интернациональному воспитанию. Нельзя не видеть разлагающей опасности националистических настроений в службах и подразделениях ряда органов МВД. Особенно это заметно сегодня в Прибалтике. К чему может привести отход от интернационализма в милиции, наглядно показали чрезвычайные события в Армении и Азербайджане.

Национальное размежевание недопустимо, губительно для правоохранительной работы. Быть на страже закона может только интернационалист по идейным убеждениям, по своему духу и долгу.

Так же определенно мы должны высказаться и по вопросам национального языка. Каждый работающий в органах МВД национальной республики обязан владеть языком народа этой республики. Но в такой же степени каждый обязан владеть и языком межнационального общения. Русским языком. Преступность экстерриториальна и межнациональна. Наверное, не надо объяснять, что получится, если уголовный розыск страны заговорит сразу на ста языках.

Вторая по важности задача в кадровой работе — подбор, подготовка и расстановка кадров политорганов. В нынешних условиях реальной политической борьбы, при умелом использовании различными деятелями твердо проводимого ЦК КПСС курса на гласность, на социалистический плюрализм для нападок на партию, на социализм, для подрыва уважения и авторитета власти и т. п. политработник в органах МВД должен быть настоящим современным идеологическим работником, уметь убедительно, аргументированно противостоять стремлению политических демагогов, незрелой части молодежи к спекулятивному использованию складывающейся в процессе демократизации общества обстановки для удовлетворения личных амбиций и посягательства на существующий в стране общественный строй.

Идеологическое разложение милиции с использованием всех средств — весьма ясная и нехитрая задача этих сил. Примеров тому множество. Возьмите последний — выступление «Комсомольской правды» за 4 февраля «Честь мундира». На каком же уровне работает политаппарат МВД, если молодые офицеры милиции до сих пор не разобрались, кому они присягали!

И что такое Советская власть! И если по идейным соображениям законы и указы Советской власти и приказы по службе кого-то не устраивают, то ведь в таком случае служить в милиции бесчестно. Эта служба очень тяжелая и очень ответственная. И здесь [кроме профессиональных качеств] на первом месте стоит необходимость твердых, глубоко партийных, идейных, политических убеждений и позиций.

Допустить в милиции идейный разброд, «Интерфронт» или «Народный фронт», «Память» мы не можем. Она сразу перестанет быть советской милицией и не сможет выполнять свою главную функцию — защищать права и свободы всех граждан в соответствии с Законом, независимо от их национальности или принадлежности к тем или иным «неформалам».

Отсюда — важность подбора кадров политработников. Недавно пришлось встретиться с кандидатами, которых наше Политуправление рекомендовало на крупные политические посты. Впечатление тяжелое. Если человек не может припомнить, что он читал в последние годы, не имеет ни малейшего представления о публицистике наших дней, об известных выступлениях руководителей партии, государства, историков и экономистов, какой же это комиссар, идейный руководитель!

Серьезное беспокойство вызывает низкий уровень работы с кадрами ведущих служб. За последние годы наметилась тенденция массового перехода из подразделений, непосредственно ведущих борьбу с преступностью, в другие, менее «горячие» службы. Более того — кое-где, прежде всего в Прибалтике, идет вообще отток кадров из органов МВД. В ряде республик продолжается дискредитация, запугивание, шантаж и шельзование лучших кадров. Это очень серьезный вопрос. Не надо путать работу по очищению милиции от коррумпированных перерожденцев с моментальной поверхностной реакцией на какую-нибудь явно инспирированную преступниками кампанию по дискредитации честных работников. Такие случаи были и есть, и нашему кадровому управлению, Политуправлению следует вникнуть в эти процессы.

Появились и такие явления, как уход следственных, милицейских кадров в кооперативы за длинным рублем. Это серьезные издержки в нашей социальной политике, воспитательной, кадровой работе. Но самым большим злом, дискредитирующим честь и достоинство советской милиции, подрывающим к ней доверие людей, является беззаконие, произвол, коррупция, взяточничество, укрытие преступлений и т. п. В январе с. г. в МВД СССР поступило письмо гр. Шишмарева. С большой тревогой и волнением пишет он о бездействии московской милиции.

19 июня 1988 г. у потерпевшего с машины сняли колеса. Работники милиции заявление от учета укрыли, мер к розыску не приняли. 6 августа у него же обокрали квартиру. Здесь уголовное дело возбудили, однако розыск преступников не вели. В

ноябре снова кража. И опять милиция воров не искала, отказав по надуманным мотивам в возбуждении уголовного дела. У его жены в командировке во Львове украли сумку с деньгами, документами и билетом на самолет. Действия украинской милиции не отличались от московской. Заявление потерпевшей списали в дело, в журнале регистрации сделали фальшивую запись «сумка найдена», а воров искать вообще не стали.

После вмешательства МВД виновных уволили, их начальников наказали. Но вот вопрос: а нужна ли такая милиция советским людям, которые содержат ее, выплачивая налоги!

Чистота, неподкупность, порядочность кадров органов МВД — решающее требование партии. Очистительную работу мы обязаны вести более активно, компетентно, гласно, с опорой на мнение коллективов и парторганизаций. Это важнейшая политическая задача. И все мы несем за это персональную ответственность перед партией.

Много предстоит сделать на таком решающем направлении, как предупреждение, профилактика правонарушений. В новых условиях обнищала бесперспективность попыток улучшить ее результаты, ничего не меняя в организации работы, без постоянных и широких контактов с общественностью.

Причина такого положения в разобщенности усилий по организации административного надзора. Главки Министерства лишь вели дискуссию вместо внедрения новых оргструктур и методов работы.

Разобщенность видна и в вопросах бытового и трудового устройства освобожденных из ИТУ. По весьма заниженным данным, сегодня не трудоустроено свыше 33 тыс. таких лиц: И совсем не случайно то, что в прошлом году каждое шестое преступление совершено ранее судимым, а число лиц, совершивших преступления в течение года после освобождения из мест лишения свободы, увеличилось на 10 процентов.

В числе особо приоритетных задач профилактики — предупреждение правонарушений среди молодежи. Подростки являются самой криминогенно пораженной частью населения. Если на 10 тыс. взрослых в год совершается около 40 преступлений по линии уголовного розыска, то на это же количество лиц в возрасте 14—17 лет — 107. Увеличилось среди преступников число девочек-подростков.

Преступность несовершеннолетних приобретает ярко выраженную корыстную окраску. Растет число дерзких уличных правонарушений, связанных с неформальными группами антиобщественной направленности. У нас в стране сегодня 527 тыс. подростков-правонарушителей, состоящих на учете, 957 тыс. несовершеннолетних доставляется в милицию за правонарушения, имеется 250 тыс. неблагополучных семей.

Положение очень серьезное. Более миллиона подростков стоит на распутье...

Впереди самостоятельная жизнь. Которая одна... И чем все кончится, зависит прежде всего от нас.

Что же нам делать? Можно опять, уже в который раз, как это было принято, критиковать руководителей за то, что на местах «робко идет поиск новых форм борьбы с подростковой преступностью», отсутствует «единый фронт» с комсомолом и школой. Действительно безобразие, что у нас на 20 тыс. сократилось число общественных воспитателей и не хватает их сейчас 370 тыс. Можно потребовать составления новых комплексных мероприятий...

Но сработает ли это!

Мы не против любых мер. Только хочется попросить всех, персонально каждого убрать даже тень формализма из нашей работы с подростками. Только искреннее, доверительное, взрослое, человеческое отношение к каждому индивидуально. Нам должно хватить. Не хватит, давайте позовем на помощь неформалов, призывающих к гуманизму, нравственности, совести и состраданию. Дадим им поле для деятельности.

Сегодня вопрос стоит однозначно: лично всем нам считать работу с молодежью, по профилактике преступности несовершеннолетних главной задачей. Своей задачей. И здесь надо работать не за спрос, не за страх, а исключительно за совесть. Везде так. Но здесь особенно.

Осложнение оперативной обстановки в значительной мере связано с большими потерями в профилактике пьянства. Итоги прошедшего года полностью подтверждают содержащуюся в постановлении ЦК КПСС от 12 октября 1988 г. оценку снижения активности органов МВД в борьбе с этим социальным пороком. В 66 республиках, краях и областях увеличился уровень «пьяной» преступности, причем в Коми, Туве, Алтайском крае, Иркутской, Ленинградской, Свердловской и ряде других областей — в полтора-два раза.

Если в первые месяцы года в среднем по стране выявлялось 60 тыс. лиц, занимающихся самогонварением, то в конце года — 20—23 тыс. К ответственности за сбыт самогона привлечено всего около 7 тыс. человек, а за приобретение — почти 126 тыс. Откуда же они его берут! Наверное, не без выгоды оберегаем мы самогонщиков. Следует задуматься об этом, поговорить с людьми, с рабочими, пенсионерами. Все все знают: кто пьет кто гонит, кто ворует. Одна милиция в неведении.

Как и прежде, так же бессистемно и бесконтрольно проводится работа по направлению алкоголиков в ЛТП. И не случайно за последнее время вопросы их функционирования справедливо находятся под огнем критики в печати. Растет массовое недовольство среди контингента.

Сейчас завершена подготовка новых законодательных актов, где предусмотрен первый этап принудительного лечения в учреждениях Минздрава. Лишь при его

безрезультатности может решаться в судебном порядке вопрос о направлении больного в ЛТП. Вводятся дифференцированные условия содержания, вплоть до разрешения проживать вне профилактория. Надо гуманизировать эту систему. Главное здесь — лечение и только лечение.

Многими органами МВД недостаточно активно выполняются требования ЦК КПСС по борьбе с наркоманией. Растет количество лиц, потребляющих наркотики. Не сокращается приток на «черные рынки» наркотических веществ и сырья. Органы внутренних дел крайне пассивно ведут работу по разоблачению сбытчиков. Выявляется на сегодня всего лишь от трех до двадцати фактов сбыта. Это серьезнейший сигнал о профессиональной несостоятельности оперативно-розыскных служб.

Беспрецедентный рост уличной преступности красноречиво высвечивает наши беды в патрульно-постовой службе. Вот что, например, показала проверка в Казани. В городе систематически происходили массовые драки с участием более 200 человек. Однако к ответственности привлекались в лучшем случае один-два человека. «Официально» отказано в возбуждении уголовных дел по 7,4 тыс. заявлений и сообщений о телесных повреждениях. Сообщения из травматологических пунктов чуть ли не сплошь списывались в райотделах как неподтвердившиеся. Люди перестали верить милиции, отказываются, боясь давать свидетельские показания.

В целом по стране патрульно-постовая служба явно отстала от современных требований, от характера поставленных задач по обеспечению надежного общественного порядка. Не продуманы организационно-тактические схемы объединения милицейских сил с силами внутренних войск. Силы и средства вводятся в действие разрозненно, порой вне связи с реальной обстановкой. На улицах 60—70 процентов преступлений совершается в вечернее время. Однако во многих городах в этот период действует лишь 20—30 процентов нарядов. Милиционеры курсируют по улицам на патрульных машинах, не замечая правонарушителей, не останавливаясь, не разговаривая с людьми. Немало личного состава по-прежнему используется не по назначению: водители машин руководства, для охраны не предусмотренных нормативными актами партийных и советских учреждений, дачных поселений, включается в различные спортивные и музыкальные команды... Из всего этого надо сделать самые серьезные выводы.

Выше уже отмечалось резкое снижение результатов работы службы БХСС. Это дорого обходится государству. Ущерб от недостач и хищений в стране составляет 613 млн. рублей. Растут кражи сырья и готовой продукции на объектах легкой промышленности. Треть экономической преступности дает агропромышленный комплекс. Значительно поражена система потребкооперации, торговли и общепита.

Осложняется обстановка вокруг коопе-

раторов, арендаторов и лиц, занятых индивидуальной трудовой деятельностью. Есть факты нелегальных закупок фондируемого сырья и похищенных материалов, а также вымогательства и угроз, уничтожения имущества, повреждения сельхозтехники, поджогов. Все это требует оперативного выявления совместно с угрозыском, тщательного расследования и неотвратимой ответственности. За оперативную обстановку вокруг кооперативов с органами МВД особый спрос. Это важнейший политический вопрос.

Растеряли свои позиции уголовный розыск и следствие. За прошлый год осталось нераскрытыми 463 тыс. преступлений, в том числе 1558 убийств [за 1987 год было не раскрыто 304 тыс.]. В целом по стране суммарный остаток уголовных дел по нераскрытым преступлениям исчисляется уже двумя миллионами.

Дело здесь не в каком-то отсутствии оценочных критериев, как любят объяснять. Дело гораздо сложнее. Это прежде всего дефицит ответственности, профессионализма, оперативности и согласованности действий. Нам необходимо в ближайшие месяцы определить концепцию организации раскрытия преступлений с правовым, научно-методическим и технико-экономическим обоснованиями. Самое главное — надо покончить с ведомственностью.

Все службы МВД должны уяснить, что главная наша общая задача — борьба с преступностью. В ней должны участвовать все. Что в этом направлении необходимо сделать? Прежде всего понять значимость факта регистрации заявления о преступлении. Разработать нормативы выделения численности оперативно-розыскных служб и следствия в зависимости от количества заявлений. Пересмотреть процессуальные сроки разрешения заявлений о преступлениях, расследования уголовных дел.

Следует выработать также четкие стимулы, побуждающие к максимальному сокращению времени между сигналами о происшествии и осмотром места происшествия. Кардинальным образом изменить и отношение к экспертно-криминалистической службе. Усилить ее численно, организационно и технически. Более широко использовать компьютерную технику для решения локальных розыскных и следственных задач.

Среди важнейших проблем раскрытия и расследования — перелом создавшейся ситуации в борьбе с организованной преступностью. Это не только профессиональный, но и политический вопрос. Он напрямую связан с ослаблением социальной напряженности в обществе, искоренением одного из серьезных криминальных препятствий курсу на оздоровление.

Министерство принимает меры для усиления борьбы с преступными группировками. По нашей инициативе ужесточена уголовная ответственность за вымогательство. Вносятся предложения по расширению доказательственной базы изобличения преступников, включая использование ки-

но-, фото-, видео- и звукозаписи. Создано новое управление МВД. Крупные бригады ведут непосредственную работу по изболчению устойчивых групп в Азербайджане, Армении, Средней Азии.

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что немало руководителей МВД, УВД не предпринимает конкретных целенаправленных мер усиления борьбы с этим явлением. Мало того, лидерам преступных группировок удается найти брешь в милицейских рядах, скупить на корню отщепенцев и предателей и, пользуясь их покровительством, безбоязненно совершать преступления. И главная здесь причина — потеря бдительности и бесконтрольность.

Нужны кардинальные меры для решительного противодействия преступным формированиям рэкетиров. Ведь сегодня уже вырисовывается их контингент. Среди них каждый третий судим, большинство вооружены (каждый третий факт вымогательства связан с угрозой оружием).

Материалы свидетельствуют также о попытках лидеров уголовной среды выйти на кооперативы с валютными возможностями, их стремлении проникнуть в совместные с иностранными фирмами предприятия для организации вымогательства.

Все это обязывает руководителей соответствующих управлений совместно с министерствами и управлениями внутренних дел переходить от решения частных вопросов к созданию действенной, постоянно действующей системы пресечения рэкета, документирования и доказывания преступных действий и связей.

Сейчас важно обеспечить глубоко профессиональный подход к решению проблем организованной преступности. Не замыкать их только на специализированные подразделения, использовать для выявления весь потенциал оперативных служб, в том числе системы ГУИД.

Особое беспокойство вызывает работа ГАИ, обстановка на дорогах. За прошлый год число погибших выросло до 47 тыс. (на 18 процентов), количество раненых — до 297 тыс. (на 11 процентов). Такого прироста статистика не знала за последние годы. По соотношению погибших на 100 пострадавших наши показатели в 6—7 раз превышают данные по США и европейским странам.

Самое любимое дело нашей службы ГАИ — сопровождать начальников, брать штрафы и делить спецмера. В то же время проверки свидетельствуют, что каждый третий инспектор не знает Правил дорожного движения, слабо ориентируется в действующем законодательстве. Не наведен порядок в обслуживании населения.

Много претензий сегодня и к пожарной охране. В стране ущерб от пожаров возрос на 40 млн. и превысил 336 млн. рублей. В огне погибли 8,5 тыс. человек. Число погибших в расчете на 10 тыс. населения значительно превышает соответствующий коэффициент в США, Англии, Чехословакии и многих других странах. ГУПО необходимо предметно разобраться с таким положением.

В текущем году предстоит значительно поднять уровень всей работы по перестройке системы и деятельности ИТУ, начатой в 1987 году в соответствии с требованиями ЦК КПСС. Экспериментальная отработка ряда важных вопросов организации исполнения наказания реализована. Однако нужны радикальные перемены по всему исправительно-трудовому комплексу.

Оперативная обстановка во многих подразделениях остается чрезвычайно сложной. Активизируются лидеры преступной среды, которые группируют вокруг себя осужденных отрицательной направленности, ведут паразитический образ жизни, добиваются послаблений и льгот. Некоторые из них проявляют особую дерзость, но не получают авторитетного отпора. В прошлом году в колониях и СИЗО произошло 66 нападений и захватов сотрудников в качестве заложников. Пресекаются такие действия плохо из-за слабой осведомленности оперативных аппаратов.

Политико-воспитательная работа с личным составом слабо помогает решительному преодолению «лагерного» мышления. Только справедливое, человеческое отношение к лицам, преступившим закон, дает уроки нравственности для исправления и перевоспитания. Наглядным подтверждением этому явилось решение о предоставлении краткосрочных отпусков осужденным в связи с трагедией в Армении.

Нужно вести решительную борьбу с чисто производственным уклоном в деятельности ИТУ, когда план подминает режимные, воспитательные и учебные факторы исправления и перевоспитания контингента. Пора определить четкую концепцию организации воспитательной работы с контролерским составом и осужденными.

Есть необходимость глубоко осмыслить организацию и тактику наших действий в экстремальных ситуациях, в условиях «митингового демократизма», проанализировать роль органов внутренних дел на местах и в центре. Пересмотреть систему обеспечения готовности к работе в кризисных ситуациях. Испытанная реальной обстановкой, эта система нуждается в коренном совершенствовании.

Нельзя медлить с организацией службы быстрого реагирования по спасению людей и собственности при авариях, катастрофах и других стихийных бедствиях. Это — новое функциональное направление работы МВД, и надо всесторонне продумать вопросы организации и обучения личного состава органов и внутренних войск приемам и методам проведения спасательных работ.

Решение насущных проблем, поставленных перед органами и войсками, требует прежде всего комплексной перестройки стиля деятельности всего управленческого аппарата, совершенствования форм воздействия на подчиненные ему службы. Перестройки, включающей в себя критичный и самокритичный анализ достижений и недостатков, повышающей творческий

тонус руководителей, стимулирующей их служебный потенциал.

Работу аппарата, исполненке им своих функций надо сделать гораздо более открытыми, доступными, понятными людям, поддающимся общественному контролю советских органов. Все это, безусловно, сыграет свою положительную роль. Фактом повседневной жизни становится гласность. Сейчас, по существу, в деятельности МВД нет закрытых для нее зон. Сняты ограничения на публикацию в открытой печати нашей статистики. Нужно в полной мере использовать это в предупредительно-профилактической работе, обеспечить дальнейшее расширение информированности общественности о результатах борьбы с преступностью и повышение активности населения в укреплении законности и правопорядка.

Нам предстоит беспрецедентная в истории МВД по своему масштабу работа по участию в законотворчестве, созданию полноценной базы правового государства. Готовятся проекты Закона о советской милиции, положений о Министерстве, о среднем звене управления и горрайорганах. Значительная часть вопросов организации милиции будет решена в Законе о местном самоуправлении и местном хозяйстве.

Еще более важно провести ревизию ведомственных актов с позиции их вторжения в сферу охраняемых Конституцией и Законом интересов и прав граждан. Это и паспортная система, и порядок выдачи

разного рода разрешений, и пожарная безопасность, и работа ГАИ. Словом, все, что касается прав граждан, должно строго соответствовать законам, быть открыто и подлежать общественному контролю.

Основательно запущена социальная сфера — жизненно важный участок, о котором нельзя сегодня не сказать. Речь прежде всего идет о жилье. В нем сегодня нуждаются многие семьи сотрудников органов и военнослужащих войск. В соответствии с установками Политбюро и правительства коллегия приняла решение о направлении на жилищное строительство до 10 процентов капложений из производственной сферы. Сейчас завершается разработка программы «Жилье-2000», и хотелось бы привлечь внимание к этой острой проблеме. Любая инициатива по изысканию на местах дополнительных ресурсов для жилищного строительства будет всемерно поддерживаться.

Время сегодня напряженное. Две взаимосвязанные линии партии на развитие демократии и на укрепление правопорядка, законности и дисциплины будут определять всё содержание деятельности органов МВД. Везде и во всем руководствоваться политикой нашего государства, укреплять связь с массами, общественными организациями, тесно координировать и согласовывать свою служебную деятельность с другими правоохранительными органами. Только так мы сможем справиться с возложенными на нас задачами, оправдать доверие советского народа.

СОВЕТ МВД СССР

В целях углубления демократизации в деятельности органов внутренних дел, сочетания единоначалия и коллегиальности в работе МВД СССР создан Совет. В его составе 111 человек. Это — руководители министерств внутренних дел союзных и автономных республик, ГУВД, УВД ряда краевых и областных исполнительных комитетов, сотрудники районных и городских органов внутренних дел, ученые, писатели, журналисты. Членами Совета МВД СССР являются также начальник штаба Приволжского управления внутренних войск МВД СССР полковник В. В. Крылов, командир дивизии полковник В. А. Борисенко и начальник политотде-

ла дивизии имени Ф. Э. Дзержинского полковник П. Т. Лысиков.

Под председательством Министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В. В. Бакатина 1 марта 1989 года состоялось первое заседание Совета, на котором обсуждались концепция перестройки органов внутренних дел в условиях формирования социалистического правового государства, проекты Закона СССР о правах и обязанностях советской милиции и Положения о Министерстве внутренних дел СССР.

Более подробная информация о работе Совета МВД СССР будет опубликована в ближайшем номере журнала.

ФУНДАМЕНТ ПОЛНОВЛАСТΙΑ

ПЕРЕСТРОЙКА, идущая в жизни нашего общества, предъявляет серьезные требования к местным органам власти. Ведь они ответственны за все на своей территории, руководят и хозяйственным, и социально-культурным строительством. Их кровная забота — жилье и просвещение, здравоохранение и товары для народа, общественный транспорт и торговля, бытовые услуги и охрана природы. Словом, многое, что непосредственно связано с повышением материального и духовного уровня жизни советских людей, нуждается в постоянном внимании Советов народных депутатов. Если кто-то и может заявить, что это не его вопрос, то для Советов такая постановка неприемлема. Они призваны быть полномочными и рачительными хозяевами на местах.

Владимир Ильич Ленин отмечал, что Советы — революционно-массовые организации трудового народа, прямо и непосредственно выражающие его волю, демократичнее любого парламента. «Выше, лучше такого типа правительства, как Советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем» (Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 147). Посылая представителей в Совет, говорил Владимир Ильич, трудящиеся могут и «отозвать их, и в этом истинный народный смысл Советов» (Т. 35. — С. 110). Ленинское определение Советов как органов народовластия было великим научным открытием, обогатившим марксистское учение о социалистическом государстве. И ныне ленинская постановка вопроса позволяет нам глубже осмыслить социальную роль, функции органов социалистического народовластия, перспективы и направления их поступательного движения.

Во многих документах нашей партии первых послеоктябрьских лет отразилась забота вождя об усилении влияния Советов на все стороны жизни общества, его идеи о путях развития этих невиданных в истории демократических организаций.

В. И. Ленин впервые обосновал необ-

ходимость руководства Советами со стороны Коммунистической партии, выдвинул его основополагающий принцип — партия руководит этими органами через представленных там коммунистов. Этот ленинский принцип был и остается основным в руководстве всеми непартийными организациями. Он закреплен и в Уставе КПСС, утвержденном XXVII съездом КПСС.

Примеры свидетельствуют о четком отношении Владимира Ильича к решениям коммунистических фракций в Советах, о требовательности к работающим в них членам партии за проведение ее политики в органах государственной власти, соблюдение уставных положений. Принятие правильных решений комфракциями Советов усиливало руководящую роль партии в органах государственной власти, укрепляло позиции коммунистов в них.

В. И. Ленин предлагал приглашать представителей коммунистических фракций на заседания партийных органов, где рассматривались непосредственно касающиеся их вопросы. Имеются многочисленные факты, когда члены коммунистических фракций центральных государственных и общественных учреждений непосредственно участвовали в заседаниях ЦК партии. Подобная практика осуществлялась на местах.

Владимир Ильич советовал коммунистам — членам комфракций приглашать беспартийных депутатов на совместное обсуждение вопросов, в которых нет ничего специально политического. Этот ленинский совет активно претворялся в жизнь.

В. И. Ленин предлагал членам фракций выступать на совещаниях беспартийных депутатов, учил коммунистов уметь убеждать их в правильности линии партии. Например, на заседании фракции РКП (б) VIII съезда Советов, рассматривая записку делегатов от Нижегородской губернии, касавшуюся вопроса концессий, он сказал: «Надо уметь убедить беспартийных крестьян, привлечь их на свою сторону и добиться их самостоятельности» (Т. 42. — С. 119). И тут же сам

ярко продемонстрировал это умение. После обсуждения его доклада о концессиях группа членов Московской делегации предложила депутатам на заседании фракции РКП (б) принять все меры к разъяснению и отстаиванию на местах политики Центрального Комитета партии в этом вопросе. Предложение было принято большинством голосов.

22 декабря 1920 года В. И. Ленин присутствовал на совещании беспартийных крестьян — делегатов VIII Всероссийского съезда Советов, организованном М. И. Калининым. Совещание было посвящено предварительному обсуждению Декрета об укреплении и развитии сельского хозяйства, принятого Совнаркомом 14 декабря и вынесенного на рассмотрение съезда. Владимир Ильич, следивший с большим интересом за ходом прений, сделал краткие записи выступлений, а в заключительном слове по докладу ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике на VIII съезде Советов отметил значение подобных встреч депутатов.

Итак, мы видим, что все эти формы: участие членов комфракций Советов в обсуждении их работы местными партийными органами, приглашение беспартийных депутатов на заседания коммунистических фракций и выступления ее членов перед другими депутатами, участие в их собраниях, на использовании которых неоднократно настаивал В. И. Ленин, — важные звенья в осуществлении партийного руководства Советами через фракции.

Выдвижение коммунистов в Советы проходило под непосредственным руководством партийных комитетов и фракций.

Особое значение в тщательном отборе коммунистов для работы в Советах, проводимом партийными комитетами с участием коммунистических фракций, имело взаимное представительство партийных и советских органов. Такое гибкое соединение «советского с партийным», в котором В. И. Ленин видел источник чрезвычайной силы, утвердилось уже в первые годы Советской власти.

Укреплению действенного контроля со стороны депутатских масс служило предложение коммунистических фракций рассматривать на сессиях Советов информацию о работе выборных советских органов. Комфракции нацеливали коммунистов-депутатов на использование в работе общественного мнения. Не случайно, например, на одном из заседаний фракций РКП (б) VIII Всероссийского съезда Советов отмечалась необходимость вынесения самых важных вопросов на широ-

кое обсуждение общественности. Только после этого предлагалось принимать по ним то или иное решение. При поддержке партийных комитетов коммунистические фракции привлекали к работе создаваемых органами власти комиссий и секций наиболее авторитетных людей — активистов. Эти трудящиеся, участвующие в деятельности Советов, во многом способствовали улучшению их работы. Вовлечение широких масс в решение стоящих перед партией и государством ответственных задач было одной из крупнейших побед, одержанных коммунистами в деле утверждения действительного народовластия.

Таким образом, коммунистические фракции в Советах активно участвовали в укреплении Советского государства. Под руководством Центрального Комитета партии и местных партийных организаций они внесли весомый вклад в развитие деятельности Советов, усиление руководящей роли партии в советском обществе в целом, способствовали утверждению демократических начал в работе органов государственной власти. В. И. Ленин всегда уделял пристальное внимание их деятельности, неоднократно сам участвовал в работе собраний, избирался в бюро комфракций съездов Советов.

Советская власть, подчеркивал Владимир Ильич, располагает чудесным средством. — это вовлечение трудящихся масс в дело управления обществом, — средством, которым ни одно капиталистическое государство не располагало и располагать не может. «К управлению государством в таком духе мы можем сразу привлечь государственный аппарат, миллионы в десять, если не в двадцать человек, — писал он, — аппарат, не виданный ни в одном капиталистическом государстве» (Т. 34. — С. 316).

В. И. Ленин постоянно указывал на необходимость глубокого и систематического изучения опыта советского строительства.

По указанию вождя опыт накапливался и обобщался Центральным Комитетом партии и местными партийными организациями, затем внедрялся в практику работы Советов. Так, в соответствии с решениями VIII съезда РКП (б) VII Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в начале декабря 1919 года, принял чрезвычайно важный документ о работе государственных органов и обязанностях депутатов. Учитывая опыт советского строительства на местах, съезд постановил созывать губернские съезды Советов не реже двух раз в год, а волостные — через три месяца. До этого, согласно Конституции РСФСР, гу-

бернские и уездные съезды Советов со- зывались не реже одного раза в три ме- сяца, а волостные — ежемесячно. Ча- стая практика сменяемости кадров себя не оправдывала. В резолюции VII Всерос- сийского съезда Советов о советском строительстве был разработан статут ис- полкомов Советов и их отделов.

С учетом периодического обновления состава делегатов съездов и депутатов Советов всех категорий к управлению делами государства приобщались деся- тки тысяч передовых рабочих и крестьян, солдат и матросов, передовые слои ин- теллигенции. Отмечая этот факт, В. И. Ленин с гордостью говорил: «...в такое трудное время, как время войны, когда действие европейских конституций, ве- ками установленных, вошедших в при- вычку западноевропейского человека, почти целиком было приостановлено, в это время Советская конституция в смысле участия народных масс в управ- лении и самостоятельном разрешении дел управления на съездах и в Советах и на перевыборах применялась на мес- тах в таких размерах, как нигде в мире» (Т. 39. — С. 419—420).

Обращаясь к опыту первых послеок- тябрьских десятилетий, когда в нашей стране действовала система съездов Со- ветов, и выполняя решения XIX Все- союзной партийной конференции, вне- очередная двенадцатая сессия Верховно- го Совета СССР одиннадцатого созыва приняла исторической важности Законы Союза Советских Социалистических Рес- публик «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» и «О выборах народных депутатов СССР».

Почему встал вопрос об изменениях и дополнениях Конституции? Зачем пона- добился новый Закон о выборах народ- ных депутатов СССР? Они призваны сде- лать необратимым революционный про- цесс перестройки. Дело в том, что, в целом активно работая на социализм, наши законы не сумели воспрепятство- вать ряду серьезнейших негативных яв- лений, в которых мы справедливо ус- матриваем коренные причины пережи- ваемых сегодня обществом трудностей.

Для доселе существовавшей полити- ческой системы было характерным все большее сосредоточение управления в руках партийно-политического руковод- ства и исполнительного аппарата. Оказа- лись безвластными Советы народных де- путатов. Резко ослабла работа правоох- ранительных органов. Сложилась пара- доксальная ситуация, когда и Консти- туция, и наши законы жили как бы са- ми по себе, а управленческая практика двигалась по своей, давно наезженной колее.

И главное — человек во многом ис- ключался из политической системы как основное действующее лицо. Волюн- таризм и субъективизм на практике, го-

ворильня о демократических институтах и реальное пограние норм социалисти- ческого образа жизни — все это были не единичные случаи в системе руководства.

Дополнения и изменения Конститу- ции СССР, новый Закон о выборах направлены прежде всего на демократи- зацию всей нашей жизни, возвращение власти Советам народных депутатов. Деятельность Советов народных депута- тов, гласит статья 94 Основного Закона, строится на основе коллективного, сво- бодного, делового обсуждения и решения вопросов, гласности, регулярной отчетно- сти исполнительных и распорядитель- ных органов, других создаваемых Со- ветами органов перед ними и населением, широкого привлечения граждан к уча- стию в их работе.

Советы народных депутатов и созда- ваемые ими органы учитывают общест- венное мнение, выносят на обсуждение граждан важнейшие вопросы общегосу- дарственного и местного значения, сис- тематически информируют граждан о своей работе и принятых решениях.

Высшим органом государственной вла- сти СССР стал Съезд народных депута- тов СССР в составе 2250 депутатов. Причем в его составе будут 750 депута- тов от территориальных округов с рав- ной численностью избирателей, 750 депу- татов от национально-территориаль- ных избирательных округов и 750 депу- татов от общесоюзных общественных организаций. Съезд Советов будет соби- раться для решения важнейших госу- дарственных задач ежегодно. Другими будут структура и функции Верховного Совета. Он станет постоянно действующим законодательным, распорядитель- ным и контрольным органом государ- ственной власти СССР.

Возглавлять работу Верховного Совета и формируемого им Президиума будет Председатель Верховного Совета СССР. Исключительно важное место в системе высших органов власти будет отводиться Комитету конституционного надзора, избираемому Съездом народных депута- тов.

Теперь в корне меняется сама орга- низация работы Советов всех ступеней.

Работа Советов во многом зависит от депутатского корпуса. Осуществить это на деле помогает новый Закон о выборах народных депутатов СССР.

Словом, Законы Союза Советских Со- циалистических Республик «Об измене- ниях и дополнениях Конституции (Ос- новного Закона) СССР» и «О выборах на- родных депутатов СССР» заложили проч- ный фундамент полновласти Советов, самоуправления народа. Это в ленин- ском духе и в духе времени. Что еще раз подтвердили прошедшие выборы народ- ных депутатов СССР.

С. МОРОЗОВ, кандидат исторических наук.

ЧЕТВЕРТАЯ РОТА

Командир части подполковник Медовников, вызвав меня, был краток: капитан Савченко, мол, уходит на повышение, есть мнение назначить вас командиром Ленинской роты. Я немного ошалел от такой неожиданности. Взволнованный, не до конца понявший происшедшее, выхожу из командирского кабинета, а тут передо мной — заместитель командира по политчасти подполковник Андрей Карпович Зборовский.

Замполита в части уважали и любили не только как опытного политработника, но и как душевного, чуткого человека. Его обращение с подчиненными, эрудиция, открытость притягивали к нему личный состав. В звании подполковника он не стеснялся петь песни вместе с подчиненными, участвовать в самодеятельных спектаклях на солдатской сцене, создавать любительские кинофильмы. Это он вместе с офицером Ю. Журавлевым проделал огромную изыскательскую работу, чтобы восстановить для однополчан, всех военнослужащих внутренних войск те исторические дни, когда В. И. Ленин был избран почетным красноармейцем 4-й роты 2-го Петроградского полка войск ОГПУ, разыскал в архивах документы, подтверждающие этот исторический факт. Старые большевики, участники революции и гражданской войны по его инициативе стали постоянными гостями роты. Их рассказы и впечатления о встречах с вождем, великим и простым человеком, основателем Советского государства, большим другом воинов, сыграли большую роль в нравственном и идейном воспитании личного состава.

— Что ж, принимайте роту, товарищ капитан, — твердо сказал Зборовский, — но помните: она должна стать отличной.

Он рассказал мне вкратце о положении дел, об истории подразделения, о традициях. Потом заметил:

— Обо всем этом вы должны знать теперь лучше меня... Ну что? Шагай в роту, командир!

И я перешагнул порог казармы. Как вот сейчас вместе с заместителем командира роты по политчасти лейтенантом Михаилом Шевченко.

Более четверти века назад казарма, конечно же, не имела такого привлекательного вида. Только вот лестница — та же. По ней спешат нам навстречу солдаты, чтобы, построившись на плацу, получить боевой приказ на охрану и оборону постов. Как получали его их однополчане в двадцатых, сороковых, семидесятых годах.

В мартовские дни 1923 года в роте про-

ходила ленинская неделя. К молодым бойцам Республики Советов шли участники штурма Зимнего, первые часовые Смольного, докладчики шефствующих предприятий. Они рассказывали о встречах с Лениным, призывали крепить Красную Армию, учиться военному делу настоящим образом. Ленинская неделя заканчивалась торжественным собранием. На нем в президиум поступила записка от бывшего путиловского рабочего Сергея Журавлева с предложением избрать Владимира Ильича Ленина почетным красноармейцем роты. Командир считал ее содержанием. Люди затихли, стараясь осмыслить только что услышанное. Журавлев встал перед товарищами, голос его был негромок, но тверд:

— Избрание товарища Ленина почетным красноармейцем — очень большая для нас честь. Мы, питерцы, не раз встречались с Ильичем, получали от него указания. Не щадя сил, жизни, мы выполняли их в жестоких боях за Республику Советов, в мирном строительстве социализма. Я уверен, что если в наших рядах будет почетным красноармейцем Владимир Ильич Ленин, мы станем еще лучше служить революции, с еще большей энергией стоять на страже завоеваний Октября! Правильно я говорю, товарищи?

— Правильно! — в едином порыве ответили бойцы.

Избрание В. И. Ленина почетным красноармейцем было оформлено документально. Хранящаяся в роте из Центрального государственного архива Советской Армии копия приказа № 9 от 9 января 1924 года гласит:

«...Согласно протоколу торжественного заседания красноармейцев и комполитсостава 4 роты, зачислить тов. Ленина В. И. в списки полка и 4 роты Почетным красноармейцем».

Фамилия его была внесена в алфавитный список личного состава роты: «28. Ленин Владимир Ильич, 1870 г.р. Почетный красноаремец».

Сегодня рядом с фамилией вождя в списках роты стоит фамилия сержанта Андрея Пономарева — командира отличного отделения. Он и его сегодняшние однополчане — правнуки поколения, штурмовавшего Зимний.

Солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры роты гордятся дружкой с ветеранами ленинской гвардии. В ленинском зале роты — многочисленные фотографии, документы, альбомы, рассказывающие о незабываемых встречах с участниками революции, знатыми людьми. Общаясь с ними, воины лучше воспринимают героиче-

ское прошлое Страны Советов, Вооруженных Сил, внутренних войск и такой маленькой их частички, как своя рота. На моей памяти незабываемые встречи с Героем Социалистического Труда членом КПСС с 1915 года В. П. Виноградовым, членом КПСС с 1905 года А. И. Кругловой, старыми большевиками Л. И. Шушпановым, М. П. Борисовым, А. В. Бельшевым, Героями Советского Союза В. И. Сентюриным, М. В. Ашиком и многими другими. Уходят годы, историей становится прошлое, но войны не забывают своих старших товарищей, их наказания, которые свято выполняют.

Уже второй год командует Андрей Пономарев отделением. Оно передовое во взводе. Взвод — в числе лучших подразделений части.

Рядовой Иварс Виетинш служит второй год. Отличник. Под стать ему и ефрейтор Андрис Калнинь. Только вот товарищ его по отделению Гедриус Шапага вроде бы и одинаковой подготовки с Андрисом, но отставал в политической учебе.

Командир роты капитан Виктор Шаров как-то сказал:

— Вы же, товарищ Калнинь, земляки с Шапагой. Но что-то хромает ваш земляк. Пора бы на прицеп взять. А?

Трудно сказать — то ли командирское слово задело отличника, то ли сам понял, что нехорошо лишь своими успехами гордиться, только частенько земляков стали видеть вместе: то за конспектами ленинских работ, то у политической карты мира. А потом как-то подошел ефрейтор Калнинь к замполиту роты:

— Товарищ лейтенант, разрешите Шапаге на следующих политзанятиях выступить с рефератом.

— А справится?

— Ручаюсь.

Шапага действительно выступил хорошо. И первый успех окрылил. Он записался в кружок по изучению биографии В. И. Ленина, стал активно участвовать в обсуждении статей из газет и журналов. Воин вырос идейно, а это, в свою очередь, родило в нем высокое чувство ответственности за порученное дело. Отличная оценка на последних итоговых занятиях по политической подготовке — венец товарищеской взаимовыручки.

Когда мы с лейтенантом Шевченко подошли к заправленной кровати, украшенной рушником, с портрета на нас смотрел молодой красноармеец. Это — рядовой Алексей Чабан, навечно зачисленный в списки роты. В 1942 году совершил он счой подвиг — будучи раненым осколком бомбы, не покинул поста, пока не пришла смена. Стоит бюст отважному часовому и на плацу. Всем знакомые слова «Никто не забыт, ничто не забыто» ассоциируются с именами однополчан: Виктора Кочетова (фотокопия его комсомольского билета, пробитого осколками, хранится в роте), политрука Аркадия Мандрусова, многих других, кто кровью своей окропил ленинградскую землю ради счастья и мира. Все они были тогда молоды, как сегодняшней заместитель командира роты по политчасти лейтенант Михаил Викторovich Шевченко. На их долю выпало

самое трудное время. Они к нему были готовы. Готовит он, выпускник Высшего политического училища имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР, себя и своих подчиненных к трудному и необходимому, мужскому делу — защите Родины.

Да, воспитание людей, сплочение коллектива — дело нелегкое. Иногда можно услышать (раньше было да и теперь), что в Ленинскую роту идет особый подбор солдат. Нет, говорю это вполне официально. Солдаты те же, что и в других подразделениях. Но вот душевное чувство, постыдное ощущение прикосновения к судьбам разных поколений, служивших в роте, создает тот моральный климат, который помогает увидеть величие прошедшего, острее почувствовать ответственность за настоящее.

Помню нашу встречу с ефрейтором Станиславом Комиссаровым, секретарем бюро ВЛКСМ роты. Тогда он был еще рядовым. Возвращались солдаты со стрельбища. Общая оценка роте за огневое упражнение — «отлично». Настроение, естественно, приподнятое. Разговорились со Станиславом. Он поведал о том, что, придя в роту, сразу же почувствовал какой-то душевный подъем — разве мог подумать, что попадет служить в Ленинскую роту. Хотелось что-то сделать, что-то совершить. Парыв молодого парня был естественным. Замполит уловил его состояние и сказал просто:

— Служи, Станислав, честно, добросовестно, так, как делегат XIV съезда ВЛКСМ Иван Тимофеев, Иван Пашинский, чье имя занесено в Книгу почета ЦК ВЛКСМ, как те солдаты, что в 1963 году впервые завоевали звание отличной роты.

И комсомолец решил непременно стать отличником, мастером своего дела.

Непросто было все это осуществить: служба — не мед. Но сумел же! Стал отличником, делегатом XX съезда ВЛКСМ, был награжден медалью «За отличие в воинской службе» II степени. Будучи в карауле, предотвратил попытку самоубийства рецидивиста, смерть которого оборвала бы судебное разбирательство.

Таких воинов, как Комиссаров, в роте много. Это один из лучших часовых рядовой Андрей Богров, комсомольский активист Игорь Берсудский, кандидат в члены КПСС рядовой Керихман Умаханов. Боевая служба для личного состава — главная задача. И выполняется она отлично. Подразделение — передовое в части по боевой и политической подготовке. В этом году вновь взяты высокие социалистические обязательства — добиться звания отличной роты. Станет ли? На это пока не могут ответить ни командир, ни замполит роты. Почему? Нескольким лет назад в коллективе выявилось грубое нарушение воинской дисциплины. Жизнь есть жизнь. Говорят, в семье не без урода. Высокопоставленное лицо, узнав об этом, вскипело: как так?! Разобраться! Наказать! Лишить звания отличной роты! Лишили. Сегодня уже третье, наверное, поколение солдат, сержантов, офицеров служит в подразделении. Никто и не знает и не ведает о том, что случилось. Но вот грозный окрик до сих пор дает о себе знать.

В прошлом году, пожалуй, пришло потепление — нет больше того грозного начальника. И коллектив изо всех сил старался вернуть высокое звание. Казалось, еще полшага — и рубеж взят. Но не тут-то было. Не хватило всего одного отличника. Случайно это или нет — гадать не берусь. Но есть основания предполагать, что совершенные кем-то когда-то грехи перекладываются на чужие плечи. А проверяющие подстраховываются, как бы отличная оценка роте опять не щелкнула и проверяющих по носу. Ведь помнят же в роте о том, как один из проверяющих в ответ на просьбу командира роты и замполита поставить передовому солдату, давшему исчерпывающий ответ на итоговых политических занятиях, отличную оценку заявил: «Вам — «отлично», а мне — выговор! Так не пойдет!». Такие нажимные условия сверху, перестраховка морально давят коллектив, создают нервную обстановку, а в конечном итоге — безвыходность. Старайся, не старайся, а пока не будет указания «оттуда», все останется по-старому. А ведь это самое настоящее оскорбление людей. Помните, как бывало раньше не раз: приезжает в роту большой начальник. Его ждут, готовятся, маршкет наводят, пообщаться люди с ним желают. А он вошел, провел рукой по задней крышке тумбочки у дневального — пыль на пальце. Изрек: «В роте порядка нет!». Повернулся и ушел.

И хоть ты в доску расшибись — пылинка перечеркнет все труды, все достижения.

Пишу это не ради красного словца. Ленинская рота — это гордость наших войск. И служат сегодня в ней люди достойные, понимающие свое назначение.

Сюда приходят ветераны-однополчане, офицеры других частей и подразделений, воины Советской Армии и Военно-Морского Флота. А в апрельские дни, в канун дня рождения В. И. Ленина обязательно посещают роту пионеры, учащиеся ПТУ. Обычно ведут их сюда ветераны войск полковник в отставке И. Я. Глыгало и подполковник в отставке А. Ф. Кормилицын. И надо видеть, с каким пессимизмом ребята входят в часть и с каким удовлетворением покидают ее. Саша Плотников — один из учащихся ПТУ — недавно написал в книге отзывов: «Я счастлив, что побывал в Ленинской роте. Завидую солдатам и сержантам, проходящим службу в ней».

...Мы стоим на плацу. Командир роты капитан Виктор Шаров отдает приказ на боевую службу. Весенний ветер шевелит на флагштоке красный флаг, поднятый в честь лучшего караула, возглавляемого старшим лейтенантом Джамилем Киреевым. Молодые парни: русские, украинцы, эстонцы, латыши, узбеки — сыновья республик нашей многонациональной Родины, — идут на посты. Твердым строевым шагом проходят воины мимо скульптуры Ильича — своего великого однополчанина. Весеннее раннее солнце освещает их путь.

Б. ЛОССАН,
подполковник в отставке,
бывший командир Ленинской роты.

ДЕРЖАЛ СВЯЗЬ С ПРОСТЫМИ ЛЮДЬМИ

Изучая газету Тбилисской стрелковой дивизии внутренних войск «Вперед на врага» за 21 января 1944 г., я обратил внимание на воспоминания офицера соединения старшего лейтенанта З. Курина «Встреча с Лениным». Автор был на приеме у Ильича, видел и слышал его.

Найденные воспоминания были направлены в Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Оттуда сообщили, что воспоминания З. Курина будут храниться в фонде № 4 «Воспоминаний о В. И. Ленине». Возможно, что при переиздании Биографической хроники В. И. Ленина указанный факт найдет свое отражение.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ З. В. КУРИНА

Мой старший брат в 1920 году служил агентом на постройке военно-оперативной дороги Александров Гай — Эмба. В конце года я приехал к нему в город Уральск и поступил на работу.

В начале 1921 года мы поехали в Москву получать разные материалы и оборудование для стройки. На станции Урбах нашей команде сдали под охрану для сопровождения в Москву несколько вагонов с солью.

В Москве для оформления документов на получение требуемых материалов старший агент и мой брат пошли в Совнархоз, который находился в Кремле. Напросился идти с ними и я.

Получив пропуски, мы в назначенный день пришли в Кремль. Нас пропустили в здание, где помещалось Правительство РСФСР, а там проводили в приемную Совнархоза. Здесь нас встретила девушка и, справившись, по какому мы делу, сказала:

— Посидите, товарищи. Товарищ Р.¹ занят.

Мы сели и стали ждать. Кроме нас посетителей в приемной не было. Минут через десять дверь отворилась. Из кабинета торопливо вышел человек среднего

¹ Рыков (ЦАВВ).

роста, одетый в пальто с барашковым воротником и в круглой барашковой шапке. Хорошо помню, что пальто было распахнуто, а на белой сорочке, между бортами жилета, ярко выделялся фиолетовый галстук. Не прикрывая за собой дверь, он остановился, быстро обвел нас глазами и, проворно повернувшись в кабинет, проговорил:

— Здесь к вам посетители, примите.

Притворив дверь, он подошел к нам, как-то особенно прищурив глаз, улыбнулся и обратился ко мне, видимо, потому, что я был самым молодым из присутствующих:

— Вы в Совнархоз? Откуда прибыли?

В это время я почувствовал, что брат толкнул меня в бок и встал. Встал и я.

— Издалека ли? — повторил свой вопрос собеседник. Я ответил, что приехали из Уральска получить оборудование для железной дороги.

— Ну как дорога?.. Ехали пассажирским или в теплушках? — снова последовал вопрос.

— Мы ехали с эшелоном. Соль в Москву везли, — ответил я.

— Соль. Хорошо. А как у вас там с солью?

— Соли у нас много, — ответил я.

— А хлеб есть?

— Хлеба в степях тоже много.

— А в городе? Какой хлеб выдается? По сколько?

— Мы получаем белый. По фунту с четвертью.

— Прекрасно. А вот у нас в Москве и соли мало, и хлеба недостаток. А дорога как за Волгой, спокойная?

— Бандиты иногда на поезда нападают, — ответил я.

— Это сапожковцы, что ли?

— Сапожковцы и сафоновцы тоже.

— Сафоновцы... Да... На ваш эшелон не нападали?

— Нет.

Торопливо вынув из кармана маленький блокнот, мой собеседник черкнул карандашом несколько слов на листочке, аккуратно оторвал его и подал мне.

— Побудете в Совнархозе, зайдите ко мне. — И, обратившись к моему брату и старшему агенту, продолжил: — Все заходите, товарищи. — А потом обратился к девушке: — Скажите, чтобы приняли. — Улыбаясь, попрощался с нами и быстро вышел из приемной.

Девушка ушла в кабинет, а другая подошла к нам и спросила:

— Знаете, товарищи, кто с вами говорил? — И, не ожидая ответа, пояснила: — Это был Ленин!

Не знаю, как остальные, а я просто опешил. Ленина я знал как великого вождя, читал о нем и видел в брошюрах его портреты. Мне было как-то особенно неловко за то, что я его не узнал.

Наш прием в Совнархозе длился не больше получаса. На требование была наложена резолюция, и мы пошли выписывать документы на получение всего, что нам отпускалось.

Войдя вновь в приемную, мы спроси-

ли девушку, как пройти к Ленину. Она взяла написанную им записку и сказала:

— Это, товарищи, в следующем подъезде. Здесь по коридору вас, пожалуй, не пропустят.

Выйдя в коридор, мы прочли записку. В ней было написано, помню точно:

«Пропустите троих товарищей ко мне. Доложить обязательно. Ленин (Ульянов)».

Спросив часового, как пройти к Ленину, мы пошли, по его указанию, вправо. По извилинам длинного коридора нас не останавливали, но когда мы подошли к большой стеклянной двери, ведущей к широкой лестнице прямо, нас остановили и потребовали пропуск. Мы предъявили пропуск и записку. Один пошел на доклад. Минут через пять он пригласил нас и провел между несколькими караулами прямо к кабинету Владимира Ильича.

Беседовал Ильич со старшим агентом и с моим братом. Я сидел поодаль и наблюдал за действиями великого человека. Он сидел спокойно, положив руки на большую тетрадь, развернутую на столе, и по временам, кивая головой то одному, то другому собеседнику, что-то записывал. Он расспрашивал, как идет стройка дороги, называл строительные участки и даже отдельных начальников участков, как будто с ними лично был знаком, справлялся об условиях жизни рабочих и служащих.

Когда кончилась беседа и мы встали, Владимир Ильич вышел из-за стола, чтобы проводить нас. На середине кабинета он нас осмотрел с головы до ног и спросил:

— А лично вам ничего не нужно?

— Мы не по личному делу, товарищ Ленин, — ответил старший агент.

— Сапоги, я вижу, у вас сносились. Извините, я одну секунду. — И быстро подойдя к столу, написал на листочке блокнота несколько слов. Потом подошел к нам и, передавая записку старшему агенту, добавил:

— Там во дворе, за дровяным складом, магазин есть у нас, а рядом склад, зайдите, подберите себе сапоги. — Проводив нас до двери, пожал всем руки и пожелал счастливого обратного пути.

Выйдя из здания, мы отыскали склад и передали записку заведующему. Тот подал несколько пар хромовых сапог. Две были скоро подобраны, а мне все сапоги были велики. Тогда кладовщик открыл другую полку и принес две пары лакированных сапог небольшого размера. Одни подошли мне по росту. Кладовщик взял записку Владимира Ильича и написал на ней поперек: «Получено три пары сапог».

Мы расписались под его надписью и пошли в город.

С тех пор прошло 23 года, но я не забыл эту встречу с великим человеком и никогда не забуду. Образ Владимира Ильича забываем.

Публикацию подготовил полковник в отставке В. КРИВЕЦ.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ:

- ПРОДОЛЖАЯ РАЗГОВОР
- О НАБОЛЕВШЕМ
- НАМ ОТВЕЧАЮТ
- ЕСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ПУБЛИКАЦИЯ ВЫЗВАЛА ОТКЛИК

ОТ ДУШЕВНОСТИ К ДУХОВНОСТИ

В старину говорили: для того, кто не постиг науки добра, все другие науки пойдут не впрок, не на пользу. Причем добро — это не только чуткость, отзывчивость, радушная улыбка, это и умение, и желание помочь человеку стать лучше, чище, ярче, интереснее, подняться на новую ступень познания мира, гражданской зрелости. И я полностью присоединяюсь к тем мыслям, которые высказал генерал-лейтенант В. Саввин в своей статье «Утверждать новое в работе с кадрами» (1988, № 10).

Сколь высоким смыслом наполнены понятия «слово офицера», «офицерская честь»... Они — вне времени. И как горько порой становится на душе, когда узнаешь, что проявил непопорочность или злоупотребил служебным положением не кто-нибудь, а офицер.

И, увы, пример: капитан Борисов, начальник КЭС, повелел повару, чтобы тот и готовил ему отдельно, и подавал в комнату для почетных гостей части. Видимо, ужин вместе с

сослуживцами унижал его человеческое достоинство. При всем желании повар не смог подчиниться воле капитана, ибо имел приказ командира части: зал для гостей без его ведома не открывать.

Что сделал капитан Борисов? Подогреваемый ущемленным самолюбием и бесосновательной жаждой мести, он... вынул предохранители из распределительного щита и обесточил все кухонное оборудование. Не удивительно, что в результате этой «шалости» солдаты и сержанты поужинали на сорок минут позже. Каково?

Недостойно это. От бездушия до бездуховности и нравственной коррозии — полшага, не больше. Ну а что означает бездуховность начальника для юношей, «обдумывающих житье»? Да еще при их максимализме!

Как хочется, чтобы, оценивая человека, не говорили длинно и шаблонно: он волевой, грамотный, принципиальный, душевный и т. д. командир, а сказали бы просто: он — офицер. Значит, все добродетели при нем.

Н. ФЕТКУЛИНА,
депутат горсовета.

*Ордена Красной Звезды УВВ
по Северо-Западу и Прибалтике.*

ГОТОВ ВЗЯТЬСЯ ЗА ТРУДНОЕ ДЕЛО

Уважаемая редакция!

Уже не раз обращался со своими предложениями в высокие инстанции, и так ничего и не добился. Хотя речь идет о стоящем деле — о создании комплексного подсобного хозяйства на базе пустыющего много лет военного городка неподалеку от штаба одной из наших частей.

Идея эта занимает меня давно. В свое время я служил заместителем команди-

ра части по тылу в тех краях. Тогда-то в деловых бумагах и обнаружил переписку между нашими товарищами и частью войск ПВО, в 1966 году передислоцированной в другое место. Есть и официальное разрешение об использовании военного городка для нужд внутренних войск. Все это натолкнуло меня на мысль о создании на тех 20 гектарах с готовыми двобратными строениями крупного комплексного подсобного хозяйства.

В сентябре 1987 года специально выезжал на место, обследовал состояние военного городка, подготовил выкладки, что необходимо отремонтировать, а что за-

ново построить, какой примерно понадобится в перспективе штат, что сулит реализация задуманного. Настроился сам все довести до ума.

Однако в Центральном управлении внутренних войск, куда я направил предложения, идея наша никоим толком не затронула. Очередное письмо послал в тыл ГУВВ МВД СССР. Оттуда получил ответ, что для изучения возможности создания укрупненного подсобного хозяйства материалы направлены начальнику Центрального УВВ, а управлением войскового тыла главка установлен контроль за выполнением указанной работы и о результатах мне

ОШИБКА ИСПРАВЛЕНА

ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО

«Как жить дальше?» — таким вопросом заканчивалось письмо прапорщика запаса Анатолия Зулунова в редакцию с просьбой восстановить справедливость. Дело в том, что автор неожиданно для него самого, для многих сослуживцев подразделения уволен из войск. Уволен по служебному несоответствию, с порочащей его доброе имя аттестацией, хотя служил до этого добросовестно и истинной причиной обрушившихся испытаний явился конфликт с командиром взвода старшим прапорщиком В. Каней. Тот под горячую руку в присутствии свидетелей оскорбил национальное достоинство Зулунова, что, естественно, возмутило Анатолия, и он дал отпор грубияну. Ссора послужила началом последующих гонений Зулунова со стороны Кани. Командир взвода не скрывал намерения отомстить подчиненному за резкие слова в свой адрес. И когда подошло время очередного аттестования, сделал все, чтобы создать о Зулунове плохое мнение. Беспринципность командира подразделения, нарушения порядка проведения аттестования контролеров, отсутствие гласности в коллективе в конечном счете обернулись

тем, что неугодного командиру взвода прапорщика подвели под увольнение.

Редакция направила жалобу бывшего военнослужащего начальнику УВВ по Украинской ССР и Молдавской ССР, попросила внимательно и объективно разобраться во всем и, если допущено беззаконие, исправить ошибку.

Как сообщил нам генерал-лейтенант Н. Алекса, проверкой установлено, что при аттестовании прапорщика А. Зулунова должностными лицами подразделения допущены факты необъективной оценки его деловых и моральных качеств. Подтвердилось и предвзятое отношение к автору письма командира взвода старшего прапорщика В. Кани, оскорблявшего подчиненного, угрожавшего ему увольнением.

Приказом начальника УВВ строго наказаны лица, виновные в злоупотреблении служебным положением. В частности, командир роты предупрежден о неполном служебном соответствии, а В. Каня снижен в должности и лишен знака «За отличие в службе».

На Зулунова утверждена новая аттестация, с текстом которой он полностью согласился.

сообщат. Действительно, вскоре позвонил заместитель начальника Центрального УВВ по тылу и порекомендовал... не лезть не в свое дело.

К тому времени у меня появились единомышленники в городе. Однако после полученного ответа даже у активных сторонников хорошей идеи опустили руки. Можно, конечно, махнуть на все: мне хватает вполне забот по должности. Одно вот только обидно: пустующий военный городок растаскивают все кому не лень.

О какой же перестройке можно вести речь, если мы так и не научились или не хотим учиться быть рачи-

тельными, считать деньги, думать по-государственному. Хорошо говорить с трибун — это мы умеем, а как на практике доходит до большого дела, — теряемся, ждем каких-то инструкций, указаний.

Глубоко убежден, что настало время отказываться от построенных «хапспособом» и потому зачастую убогих подсобных хозяйств. Будущее, как мне представляется, за крупными комплексами, комбинатами или хозяйствами, за которые ратую я.

Перед убытием к новому месту службы еще раз посетил тот заброшенный военный городок. Знаете, слезы наворачиваются от соз-

нания нашей бесхозяйственности. Пустует земля, приходит в упадок то, что могло бы служить интересам выполнения Продовольственной программы. И никто не решается принять толковое решение, которое остановило бы разор.

Надеюсь, что не все потеряно, что после публикации письма в журнале решение затронутой мной проблемы все же сдвинется с мертвой точки.

Со своей стороны, я по-прежнему готов взяться за это трудное, но зырящее большие выгоды дело.

С уважением

подполковник
А. ФЕДЯШОВ.

**ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ**

«ОГОЛЕННЫЙ НЕРВ»

Начальник политического отдела и начальник штаба соединения сообщили, что факты, приведенные в статье «Оголенный нерв» [1988, № 10], в том числе поверхностного изучения морально-политических и деловых качеств капитана А. Носова при назначении его на должность начальника связи части, подтвердились. Статья изучена с офицерами управления, обсуждена со специалистами связи.

В настоящее время капитан Носов из войск уволен. На его место подбирается достойная кандидатура. Полностью укомплектованы должности младших специалистов связи части, командира взвода. Устранено несоответствие штаба взвода связи объему выполняемых задач. Это позволяет организовать планомерное обучение личного состава.

За необъективность представленных документов на капитана Носова заслушаны отчеты подполковников Е. Морозова и Н. Филимонова соответственно на заседании партийной комиссии и в политотделе соединения. Меры обще-

ственного воздействия приняты и к руководителям части, в которой Носов проходил службу.

«ОКАЗАЛСЯ ПОСТОРОННИМ...»

Получен ответ начальника политического отдела внутренних войск МВД СССР Центрального управления генерал-майора А. Ходакова на письмо капитана запаса Л. Меркульева «Оказался посторонним...» [1989, № 1]. В нем сообщалось, что факты, изложенные в критическом материале, полностью подтвердились и послужили поводом для острого и обстоятельного обсуждения на расширенном совещании командования, политотдела, совета ветеранов части, в партийных и комсомольских организациях подразделений. Намечены конкретные меры по недопущению подобного отношения к ветеранам. С виновными в бездушном отношении к офицеру запаса состоялся неллицеприятный разговор.

Кроме того, политотделом войск Центрального управления рекомендовано командирам частей, их заместителям по политической части расширять контакты с ветеранами, активнее их использовать в воспитании личного состава. Запланировано более детальное изучение этой работы с обобщением и распространением передового опыта.

СПАСЛИ ОТ ПРОИЗВОЛА

На грани гибели находились 27 ноября прошлого года жители сел Атагут, Домы, Мохренес, Туг Гадрутского района Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР. Сюда в тот злополучный день из города Физули прибыла на двадцати машинах большая группа хулиганов, намеревавшихся расправиться с лицами армянской национальности. Лишь умелые и решительные действия военнослужащих внутренних войск под руководством майора Хасханова и других офицеров предотвратили тогда страшную беду, не допустили кровопролития.

Мы, подписавшиеся, и наши односельчане выражаем чувство глубокой признательности и благодарности тем, кто, рискуя собственной жизнью, пришел нам на помощь в критический момент. Да и не только для нас в те тревожные дни стали надежной защитой солдаты внутренних войск. Спасибо им за это.

По поручению населения
Н. ХАЧАТРЯН, председатель сельсовета села Домы,
А. БАГИЯН, директор совхоза имени 26 бакинских комиссаров,
Н. АБРАМЯН, парторг,
Г. МАНГАСАРЯН, председатель профкома,
В. МИХАЕЛЯН, секретарь парторганизации,
М. АЙРАПЕТЯН, директор совхоза «Октябрь».

НАКАЗАЛИ СЕМЬЮ

В прошлом году в дни, отводимые для прохождения военнослужащими части диспансеризации, я не смог побывать у медиков. Так уж получилось. Спустя длительное время мне напомнили об этом. Причем весьма странным образом: вместо положенного денежного довольствия я получил лишь компенсацию за продпаек.

Стал разбираться, в чем дело. Оказалось, деньги мне не выплатили в связи с тем, что я не прошел ту самую диспансеризацию. Начальник финансовой службы части капитан И. Пономарев объяснил мне: мол, таков приказ подполковника А. Кузьменко...

Я понимаю, что начальники, поступая так, пеклись о моем здоровье. Но разве так проявлять заботу о людях? В данном случае «внимание» обернулось наказанием. Прежде всего для членов моей семьи.

С уважением

старший прапорщик Ю. ИВАНОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда материал уже был подготовлен к печати, пришел ответ из соединения. В нем полковник В. Гордеев сообщил, что факты, изложенные в письме, действительно имели место. За неправомерные действия, идущие вразрез с уставами, подполковнику А. Кузьменко и начальнику финансовой службы части капитану И. Пономареву строго указано.

РЯДОМ ТУБЕРКУЛЕЗ

Наш взвод контролеров осуществляет надзор за осужденными, больными туберкулезом. Для того, чтобы осознать, насколько это серьезно, отметим: у некоторых осужденных, с которыми мы общаемся по роду службы, туберкулез в открытой форме. Поэтому вовсе не случайно приказом Министра внутренних дел СССР для лиц, выполняющих задачи, аналогичные нашим, определена пятнадцатипроцентная надбавка к основному окладу и отпуск 45 суток.

В нашем взводе надбавку получают девять военнослужащих, хотя практически все без исключения обеспечивают боевую службу. Очень бы хотелось знать, чем обусловлена такая несправедливость?

Или взять еще такой факт: мы выполняем свои обязанности в колонии строгого режима. Администрация объекта с учетом этого получает добавки к окладу. Нам же платят как контролерам ИТК общего режима. Почему такое происходит — не понятно.

Нельзя сказать, что мы не обращались с данными вопросами к командирам. Задавали их многим, вплоть до начальника политического отдела УВВ по Уралу. «Все решится положительно», — утешали нас. И утешают не первый год. Но что толку в обещаниях, когда конкретного дела нет? Помогите!

Прапорщики В. ПОДШИВАЛОВ, В. ПЕСТОВ и др.
[всего 15 подписей].

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

ПРЕОДОЛЕЛИ ВСЕ — РАССТОЯНИЯ, БЕЗДОРОЖЬЕ, НЕИМОВЕРНУЮ УСТАЛОСТЬ. НИ ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТНИМ СОЛДАТАМ, НИ ОФИЦЕРАМ, ПРОСЛУЖИВШИМ В ВОЙСКАХ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА, ТАКОЙ БЕДЫ ВИДЕТЬ НЕ ПРИХОДИЛОСЬ. ГОРОДСКИЕ КВАРТАЛЫ В РУИНАХ, ТЫСЯЧИ РАНЕННЫХ И ПОГИБШИХ.

СОЛДАТСКИЕ РУКИ РАЗГРЕВАЛИ ОБЛОМКИ БЕТОНА, ПЕРЕВЯЗЫВАЛИ ПОСТРАДАВШИХ, СТАВИЛИ ПАЛАТКИ, ТЯНУЛИ СВЯЗЬ, ГОТОВИЛИ ПИЩУ...

КОГДА ПРИБЫЛИ ОТРЯДЫ СПАСАТЕЛЕЙ, КОГДА ЛЕНИНАКАН СТАЛ ПРИХОДИТЬ В СЕВЯ ОТ ГЛУБОКОГО ШОКА, СОЛДАТЫ ПОРЯДКА ПРОДОЛЖАЛИ ВЫПОЛНЯТЬ БОЕВЫЕ ЗАДАЧИ В КАРАУЛАХ, ЗАСЛОНАХ, НА ПАТРУЛЬНЫХ МАРШРУТАХ.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Во время многочасовой изнурительной работы перекуривали вот так, у костра.

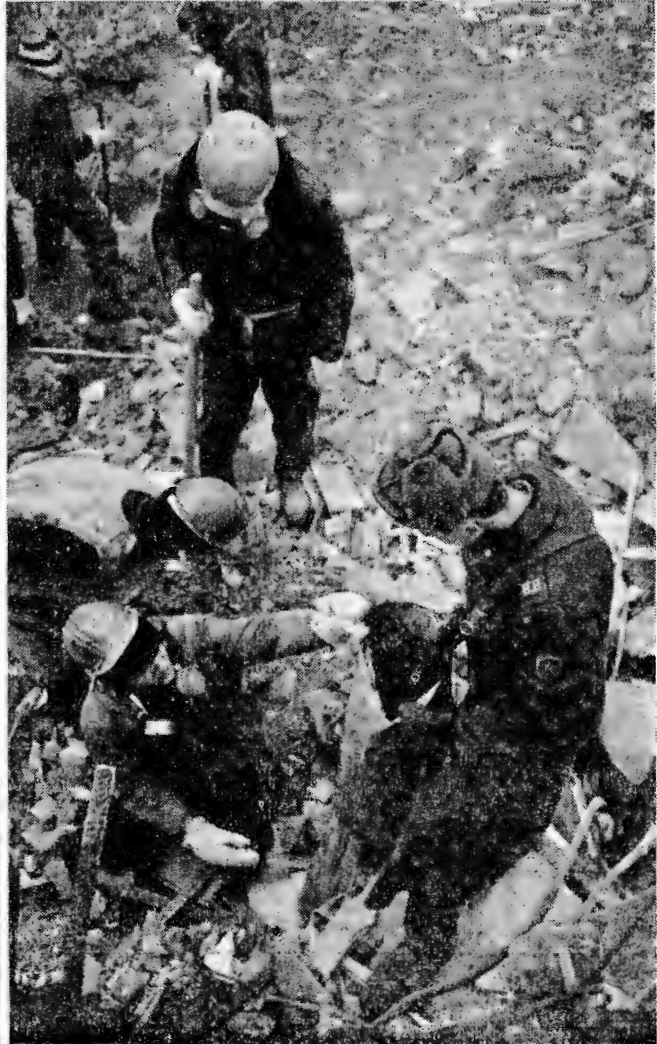
Майор А. Чураин беседует со спасателями из Югославии и Австрии.

В числе первых прибыли в район бедствия старшина М. Фур, подполковник Н. Агасиев, старший сержант Б. Кузьмич. На их счету десятки спасенных жизней, сохраненные материальные ценности.

Охраняя разрушенный завод, рядовой Берик Жамиев задержал нарушителя.

Если выставлен пост, сохранность материальных средств будет обеспечена.

Фото старшего прапорщика А. Александрова.

СЕРДЦЕТРЯСЕНИЕ

ОСОБАЯ ФОРМА УПРАВЛЕНИЯ, введенная в Нагорном Карабахе с 20 января нынешнего года, — мера чрезвычайная, вынужденная. Вызвана она той сложной, взрывоопасной ситуацией, которая возникла как в самой НКАО, так и вокруг нее.

Среди важных шагов, направленных на стабилизацию обстановки, на поддержание общественного порядка в Армении и Азербайджане, — присутствие частей и подразделений внутренних войск.

В ГРУЗОВОМ ОТСЕКЕ Ан-26 им везли более тысячи защитных шлемов с пластиковым забралом. Каска — штука далеко не лишняя в условиях особых районов. Конечно, носить ее целый день не слишком приятно, но, как говорится, бережного бога бережет. К тому же имеется уже опыт февральского Сумгаита, июльского Звартноца. Потому — каски, бронежилеты, щиты... Средства защиты не все идеальны. Щиты из пластика защищали солдат лишь от плевков. От камней «средство защиты» разлеталось — двадцать три единицы только за день уличных стычек, только в боевых порядках одного из военных училищ. Под таким листом оргстекла удобно бумажки держать на канцелярском столе, как прежде держали «под сукном». Разработчиков средств защиты доведется мне видеть через несколько дней в осажденном здании азербайджанского МВД. Изготовившись для самых решительных действий против возбужденной толпы, стояли они в удобных (по крайней мере с виду) комбинезонах, шлемах, ботинках. Экипировка эта существует то ли в экспериментальных образцах, то ли взята напрокат у автогонщиков или каскадеров. Наши же солдаты в тяжелой и неудобной амуниции мужественно парились в Закавказье легом и мерзли зимой.

Подчиненные подполковника В. Шевелева, за минувший трудный год побывавшие на самых горячих участках, рассказывали, как подвязывали шлемы веревочками, чтобы не съезжали то набок, то на глаза, как использовали в качестве щитов... деревянные лотки, взятые ремнем наперевес.

Генерал-майор В. Босов, ожидая массовых беспорядков на площади перед Домом правительства, все раздумывал, как облегчить «боевой вес» солдат. Спрашивал дзержинцев: «А что, ребята, если на пару часиков шинели снимем, в пэша не замерзнете?» «Никак нет, товарищ генерал», — бодро отвечали солдаты, стояв-

шие на пронзительном декабрьском ветру в сотне метров от холодного Каспия.

Встречают по одежке. Потому и начал свой рассказ о внешнем виде наших солдат. Вид — боевой. Таким он и должен быть в войсковой цепочке, в заслоне, в карауле, где выполняется боевая задача. Боевые машины на улицах, вооруженные автоматами патрули создают напряженный антураж особого района города Баку.

В ЭТОМ ГОРОДЕ прошли мои школьные годы. В нынешней командировке увидел облик Баку, искаженный гримасами нездоровых страстей.

Создавалось впечатление (кстати, и многие бакинцы говорили мне об этом), что устроители бесконечного митинга на площади имени В. И. Ленина сами успели забыть, чего требуют, чего добиваются. День и ночь горели здесь костры. Псевдоборцы за перестройку, разбившие палаточный лагерь в центре города, жили недурно — их гонцы собирали по всей республике деньги (вымогали и ложку, и силой и у рабочих, и у колхозников, и даже у детей в школах), везли десятками живых баранов на шашлык, осетрину, добытую браконьерским способом. Им оставалось лишь кричать в наркотическом экстазе: «Карабах! Карабах!» — да изображать из себя мучеников — не бриться, не мыться, бродить по площади, завернувшись в грязные одеяла.

Они своеобразно заигрывали с солдатами. Например, говорили заговорщически: «Мы понимаем, вам надоело здесь торчать, вы народ подневольный. Но не волнуйтесь, если что начнется, вас мы не тронем, только офицеров перережем». Или подбрасывали листовки с обращением «Товарищи солдаты, салам!» «Народный фронт за перестройку» выражал «беспокойство по поводу присутствия военных на центральных магистралях и площадях», обращался с «убедительной просьбой»: «Если произойдет какой-нибудь инцидент, не спешите применять оружие или силу, об-

ЗАКАВКАЗЬЕ: МЕСТО СОЛДАТСКОГО ПОДВИГА

ратитесь к нам, мы сами устроим случившееся». Эти же «борцы за перестройку» утверждали, обращаясь к солдатам: «Противопоставление вас и нас носит провокационный характер, и это создано государственными деятелями-бюрократами, которые вынудили нас выйти на улицы, а вас прислали сюда».

Листовка заканчивалась восклицаниями «Слава советским воинам!», «Народ и армия едины». А при элементарной расшифровке главная мысль лежит на поверхности — мы, солдаты, лишние люди в Баку, без нас будет наведен порядок.

Солдатам в лицо бросали оскорбления — я тому свидетель. За двадцать лет, как уехал из Баку, я не забыл некоторые азербайджанские слова. «Дост», например, означает «друг». Но, проходя по улице в форме, слышал в свой адрес совсем противоположное. Мне, как бакинцу, это было вдвойне обидно...

ХОТЕЛОСЬ УЗНАТЬ МНЕНИЕ о наших солдатах. Еще до командировки я видел фотографии, сделанные в Ереване. На них безобразные в своем откровенном вызове, хамские по форме и содержанию плакаты и лозунги типа «Советские солдаты, не выполняйте приказов разбоя и убийства!», «Оккупанты, прочь из Армении!».

Сознавали солдаты, что малюют это отщепенцы, экстремисты, чей разум помутился от националистического угара. И все же больно и обидно. Оставалось радоваться тому, что непобедимы в обеих республиках здоровые силы, что большинство здравомыслящих людей видят в наших солдатах настоящих своих защитников, которые в самой трудной обстановке остаются солдатами порядка.

Об этом говорили мне Герой Советского Союза академик З. Буниатов (сын его, кстати,—офицер внутренних войск), заместитель редактора газеты «Коммунист» Р. Нагиев, мои школьные учителя.

Об этом прочитал я в день вылета из Баку в республиканской газете «Вышка»: «В присутствии интернациональных военных подразделений люди, одурманенные угаром мести, быстрее охлаждают свои эмоции. разумнее относятся к происходящему. Оно и понятно — человек в обмундировании внутренних войск сейчас самый популярный слушатель, советчик, пропагандист». Статья, озаглавленная «Когда пришла беда», была подписана: «Отдел партийной жизни и пропаганды». Прочитал и вздохнул с некоторым облегчением — все же понимают люди наше место, нашу роль в сложной закавказской ситуации.

В такой ситуации, беспрецедентной по запутанности и напряженности, не бывали прежде ни солдаты, ни генералы. Сфера межнациональных отношений, где до недавнего времени у нас «были» лишь триумфальные достижения и победы, дала многочисленные трещины. Когда пролилась кровь, когда счет беженцам в двух соседних республиках, именовавшихся прежде братскими, пошел на десятки тысяч, стало ясно — только военные способны предотвратить вахханалию разбоя, убийства, человеконенавистничества. И военные пришли...

Пришли они после того, как пришла беда (вспомните заголовки из республиканской газеты). Пришли, чтобы противостоять этой беде. Солдаты оставили привычные обжитые казармы, курсанты военных училищ прервали учебу, месяцы без семей проводят офицеры, прапорщики. Кому выгодно? Не тем ли «борцам за гласность и демократию», которые распространяли среди солдат подметные листовки. На одной такой аляповатая карикатура: у Дома правительства в одной цепочке стоят солдаты (изображенные этакими истуканами), а в другой, взявшись за руки, «карабахцы» с символическими лентами на головах. Подпись под картинкой представляет из себя короткий диалог солдат:

— Слушай, друг, нас перебросили для наведения порядка?

— Да, но у них порядок сильнее, чем у нас в армии!

Увы, о «сильном» порядке ни на площади, ни в Баку говорить в те дни не приходилось. Во: лишь некоторые строки из сообщений военного коменданта особого района г. Баку генерал-полковника М. Тягунова:

«В период комендантского часа военными патрулями задерживается большое количество граждан, в том числе управляющих автотранспортом в нетрезвом состоянии...

Имели место случаи неправомерных действий по отношению к отдельным лицам, оскорбления, угрозы, необоснованные увольнения с работы...»

Та листовка-обращение к солдатам, которую вспоминал сегодня, начиналась словами: «Мы, рабочие интернационального Баку...» Другая листовка-объявление, которая висела на здании управления автомобильных перевозок, зывала: «Наши рабочие, мешающие армяне, экстремисты и националисты, должны быть уволены с работы, в том числе обостряющие национальные отношения, пытающиеся вернуться на работу Балаян Сергей, Кеворкян Юрий, Аппавердян Сироп, Арутюнов Валерий с работы должны быть уволены. Это требование азербайджанского народа. Не одобряющие этого требования являются армянами.

Группа рабочих.

Вот так, коротко и ясно. Группа рабочих интернационального Баку требует уволить армян от имени азербайджанского народа. Ни больше ни меньше. А экстремистами и националистами считают исключительно другую сторону.

Это полуанонимная группа рабочих. А вот документ, подписанный в солидном учреждении:

«Выписка из приказа № 207/к по СКБ Института математики и механики АН Азербайджанской ССР от 2 декабря 1988 г.

Нижеследующих сотрудников конструкторского отдела освободить от занимаемых должностей со 2 декабря с. г. в связи с незаконными происшествиями в Армении, приведшими к крайне обостренной обстановке в Азербайджане, с целью сохранения их безопасности и жизни...»

Далее — список в пять фамилий, осно-

вание — резолюция общего собрания СКБ ИММ АН Азерб. ССР и подпись директора — Ф. А. Искендер-заде.

Резолюцию общего собрания нам тоже показали в комендантуре 1-го участка особого района г. Баку. Сей «документ» тоже заслуживает, чтобы процитировать его с сохранением стиля:

«1. Клеймить позором армянских националистов, работающих в СКБ, их зверские действия относительно азербайджанцев.

2. Обеспечить безопасность лиц армянской национальности, работающих в СКБ.

3. Требуем от руководства СКБ незамедлительно уволить всех лиц армянской национальности, как потерявших доверие коллектива...»

НЕ СЛУЧАЙНО я столь подробно рассказываю о фактах нарушения прав человека, с которыми столкнулись мы в Закавказье. Восстанавливая эти нарушенные права пришлось именно представителям внутренних войск. Того самого Искендер-заде вызывал для беседы и серьезного предупреждения об ответственности за творимое беззаконие генерал-майор В. Босов.

Уже в следующей закавказской командировке случай свел меня в Бакинском аэропорту с президентом АН Азербайджанской ССР Э. Ю. Салаевым. Поинтересовался у него, чем закончилась неприглядная история в СКБ. Эльдар Юнисович рассказал, что незаконно уволенные были восстановлены, директор института получил строгое партийное взыскание.

Каждый день подбрасывал десятки самых неожиданных вводных. «...Задержано 867 человек, из них 18 арестовано, изъято 2 единицы холодного оружия. За распространение листовок антисоветского и националистического характера арестованы... Привлечен к уголовной ответственности за хранение наркотических веществ арестованный на площади имени В. И. Ленина житель Масаллинского района... Выявлены случаи вредительства на нефтяных промыслах Ленинского района, где злоумышленниками обрезано 350 приводных ремней нефтяных качалок... В ходе несения комендантской службы в целях предотвращения ситуации, создающей угрозу жизни и безопасности окружающих, и для задержания автотранспорта в трех случаях применялось оружие. Жертв нет... Обстановка в особом районе г. Баку сохранялась в целом спокойная. В городе поддерживался порядок...»

Конечно же, не ю-цы, горячие головы которых украшены были лентами с надписью «Карабах», поддерживали порядок. Наши держали пошатнувшийся в Закавказье порядок.

А КОГДА ПОШАТНУЛАСЬ ЗЕМЛЯ В АРМЕНИИ, наши направились туда в числе первых, не забыв оставить надежные посты в столице республики, других городах, на дорогах, по которым продолжала двигаться беженцы.

Первыми постазили в Спитаке палаточный городок, по-военному образцовый для этих непростых условий, его даже «Красная звезда» снимала с высоты птичьего, то бишь вертолетного полета. Первыми при-

ступили к спасательным работам. Первыми окунулись в беспредельное, без краев, без дна, горе...

Откапывать в развалинах мертвых детей — адова работа. То был ад крошечный, какого не видели ни восемнадцатилетние солдаты, ни фронтовики-генералы.

Рядовой Евгений Ульянов и младший сержант Вячеслав Субханкулов рассказывали мне в Ленинанкене, как в первый вечер после землетрясения приехали в бывший город. Два взвода работали на средней школе № 2. Не забудут ребята, как достали из-под развалин мальчишку лет двенадцати, Андрея. По рации им передали: «С развалин уйти, скоро будет новый толчок, опасно...» Но разве уйдешь, когда мать живо погребенного ходит вокруг, словно обезумевшая.

Разве забудешь, как отлавливали первых мародеров. Та же бессонная рация сообщала: «Грабят ресторан...» Капитан О. Демиденко скомандовал: «За мной!» Вбежали в здание вовремя: мужчина, схватив двадцать две бутылки коньяка, пытался скрыться. Офицер выхватил пистолет: «Ложись!» Убедились вочую, что и среди великого горя хватает всякой мрази.

Солдаты, разбирая руины школы, все до последней ручки, тетрадки собирали и складывали для того, чтобы вернуть. Не думали даже, что возвращать-то некому. Отдали жителям свой паек на несколько суток, сами первое время держались на хлебе и чае. Вытаскивали раненых, а носилок нет. Так, на солдатских плащ-палатках и шинелях возили пострадавших в Ереван.

А в том Ереване еще вчера обзывали и Евгения, и Вячеслава, и других их сослуживцев по-всякому, обзывали обидно, больно...

Солдаты — народ неприветливый. В Баку и Ереване расположились кто во Дворце культуры, кто в спортзале. В Спитаке палатки стоят в чистом поле, в Ленинанкене — в парке, рядом с руинами древнего города Кумайри и руинами, еще вчера бывшими жилыми домами, школами, гостиницами. Штабная палатка у стелы из красного туфа. Памятник в честь древней столицы Армении, погибшей много веков назад при землетрясении. Здесь же, над родником, высечены слова Ованеса Шираза о бессмертном Ани, который нечто большее, чем просто земная ценность... Родник едва сочится — сдвинулась земная твердь, нарушив животворные протоки. Плохо с водой...

В Спитаке мы объезжали бывший город и его окрестности с начальником гарнизона генерал-майором А. Рябцевым и старшим по внутренним войскам полковником П. Ворониным. Порадовались, что в город пришла вода. По трубопроводу, проложенному солдатами. Самое необходимое дают людям они: воду, хлеб, тепло, кров брезентовых палаток.

А в юртах, присланных из Казахстана, многие армяне жить отказались — «ничего от мусульман нам не надо...» Какое средневековое невежество, замешанное на ослепляющем, оглушающем, отупляющем национализме!

В Ереване мне подарили значок XXIV

партийной конференции района 26 комиссаров. Да-да, именно так — на советском флаге силуэт В. И. Ленина, надпись, что привел выше, где после цифры «26» только точка. В Ереване не признают 26 бакинских комиссаров.

А в Баку, в районе имени этих самых 26 бакинских комиссаров, какой-то негодяй покушался на бюст С. Шаумяна. Степана Шаумяна, который возглавлял бакинский Совнарком и был расстрелян в песках Закаспия вместе с азербайджанцем Мешади Азизбековым, русским Иваном Фиолетовым, грузином Алешей Джпаридзе...

Я жил в этом районе имени 26 бакинских комиссаров, десятки раз бывал в сквере, носящем их имя, где горит Вечный огонь над их прахом и памятью. Неужели погаснет? Два года назад привез я в Баку свою семью. Отдыхали в солнечной Загульбе, гуляли в старых улочках Ичери-шехера, в средневековой крепости, ездили на уик-энд в Нагорный Карабах. Фейерверком расцвели воспоминания о школьных годах, о друзьях-товарищах, о милых и мудрых учителях. Среди товарищей — азербайджанцы, армяне, евреи, русские. То же — среди учителей.

Повел сына в свою родную школу на Баилове. Показал наш музей, мемориальную доску в честь Героя Советского Союза Гаруша Константинова, который учился в этих стенах. Он был армянином, родившимся в Тифлисе, учившимся на русском языке в нашей бакинской школе. Погиб закавказский интернационалист на польской земле. Помню, вели мы большую переписку, искали материалы о наших Героях. Героях Советского Союза.

Отец мой русский, сибиряк, служил много лет в Баку. Мальчишкой я частенько бывал в части и прекрасно помню, как рассказывали о войне сослуживцы моего отца: Герой Советского Союза А. Манукян, кавалер ордена Ленина Н. Алиев. Первый — армянин, второй — азербайджанец. Вместе — боевые товарищи, однополчане моего отца. Я гордился ими вместе. И завидовал их дружбе.

Теперь по прошествии лет дотошно пытаюсь выспросить у матери и отца, у милых и мудрых своих учителей, у соседей и просто бакинских знакомых, может, были какие-то трения меж ними, что-то происходило, таилось, зарождалось, предостерегало? Может, что-то не уловить было мне детским своим близоруким умишком? Нет, говорят все — даже помыслить не могли, что пойдет такая смута, недостойная человека разумного.

И ВОТ СПУСТЯ ГОДЫ нерадостная командировка в мой особый район, а вслед за ней еще более горькая — в район землетрясения. Двух мнений быть не может насчет наших солдат в Закавказье — это один из основных сдерживающих, стабилизирующих факторов. «Порядок есть порядок» — так называлось интервью начальника внутренних войск генерал-полковника Ю. В. Шаталина в «Правде». Совпало так, что его я прочитал в том самом Ан-26, которым летел в Баку. В момент приближения пика событий на стыке холмных ноября и декабря это была, по-

жалуй, первая публикация в центральной прессе о закавказском узле. Интервью с человеком, кто сердцем и мыслями весь там, со своими солдатами, в особых районах.

Скажем откровенно, вниманием прессы наши солдаты избалованы не были. Когда события обострились настолько, что пролившуюся кровь уже было не замолчать, заговорили о цветах на броне, о патрульной, комendantской службе. Потом землетрясение сдвинуло все — и подразделения в Закавказье, и акценты в газетах.

С нами из Звартноца летела журналистка «Огонька». Она встретила в кровотокащей Армэнии с Матерью Терезой. Святая эта подвижница убеждала корреспондента, что Великое добро родилось из Великого страдания, что милосердие начинается в собственном доме... Мать Тереза призывала молиться, призывала иметь чистое сердце...

За пару часов до вылета из Еревана у нашего патрульного наряда притормозила цвета белой ночи «шестерка». Элегантный мужчина высунул волосатый кулак и зло крикнул: «Мы вам еще покажем!» Чистое ли сердце у этого человека? Что может он показать солдатам, которые в свои восемнадцать всякого насмотрелись!

С нелегкой душой улетал я из Баку, горько было и теперь. В Звартноце по-прежнему висело объявление: «Комиссия по приему беженцев из Азербайджанской ССР находится на 1-м этаже здания аэровокзала». Бегут на землю, раненную землетрясением. Бегут, раненные сердцетрясением.

Свои заметки об особых районах закончу цитатой из книги Д. Гира и Х. Шаха «Зыбкая твердь»:

«ПОКА ВАМ НЕ ПРИШЛОСЬ самому испытать сотрясение земли, попытаться все же вообразить: что это такое — землетрясение? Оно возникает совершенно неожиданно. Первый толчок заставляет вас встать и спросить: «Что это?» Пока вы пытаетесь осознать происходящее, в вашей голове пронесаются разные мысли. Если толчки продолжатся, до вас доходит, что это не просто какой-то удар, а настоящее землетрясение, и сразу же возникают пугающие мысли: «Долго ли это будет продолжаться? Почему оно не перестает? Не развалится ли дом? Что мне делать?»

Если сотрясения вскоре прекратятся, вы почувствуете огромное облегчение. Но если они продолжатся, ваше сердце начинает колотиться, и вы инстинктивно делаете что-нибудь, даже если это действие будет вам во вред. Кто кричит, кто бежит к выходу, кто замирает в ужасе... К тому же мы привыкли к мысли, что пол под нами надежен, как земная твердь, и в самом деле страшно осущитить, что надежности в нем больше нет».

Книжку эту, выпущенную московским издательством «Мир», я стал читать, вернувшись с двумя блокнотами горечи из двух поездок в особые районы, где случилось сердцетрясение.

Подполковник Б. КАРПОВ.
Баку — Ереван — Спитак — Ленинкан — Москва.

«ПРИНЯТЫМИ МЕРАМИ ПО-
ПЫТКИ ХУЛИГАНСКИХ ДЕЙ-
СТВИЙ СИЛАМИ ВОЙСК ПРЕ-
СЕЧЕНЫ...

ВСЕГО В ТЕЧЕНИЕ НОЧИ ЗА-
ДЕРЖАНО 556 ЧЕЛОВЕК, В
ТОМ ЧИСЛЕ АРЕСТОВАН 31.
ИЗЪЯТО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО
ОРУЖИЯ 4 ЕДИНИЦЫ...»

В СТРОКАХ ИЗ СООБЩЕ-
НИИ ВОЕННОГО КОМЕНДАНТА
ОСОБОГО РАЙОНА ГОРОДА
БАКУ — БОЕВАЯ СЛУЖБА
НАШИХ СОЛДАТ.

СЛУЖБА ОТВЕТСТВЕННАЯ,
СЛОЖНАЯ, НЕОБХОДИМАЯ...

НА УЛИЦАХ БАКУ

**ФОТОРЕПОРТАЖ
ИГОРЯ ГАВРИЛОВА,
СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА
ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»
ДЕКАБРЬ 1988 ГОДА.**

ПЕРЕСТРОЙКА, ДЕМОКРАТИЯ, ГЛАСНОСТЬ. ВОТ УЖЕ ПОЧТИ ЧЕТЫРЕ ГОДА НА УСТАХ КАЖДОГО ИЗ НАС ЭТИ СЛОВА С ТОГО САМОГО ДНЯ, КОГДА В АПРЕЛЕ 1985 ГОДА СОСТОЯЛСЯ ПЛЕНУМ ЦК КПСС. И СЕГОДНЯ МЫ ВСЕ ЧАЩЕ ЗАДАЕМ СЕБЕ ВОПРОС: «А ЧТО КОНКРЕТНО ПЕРЕСТРОЙКА ДАЛА НАМ? КАК ПОВЛИЯЛА НА МНОГОГРАННЫЕ СТОРОНЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОИНСКИХ КОЛЛЕКТИВОВ, ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ?»

ЗАДАЕТ ЕГО СЕБЕ И КОМАНДИР ПЕРЕДОВОГО ВЗВОДА, СЕКРЕТАРЬ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ НИКОЛАЙ КОВАЛЬЧУК.

ПРАВО ДАТЬ ОТВЕТ

ОТ СЛОВА — К ДЕЛУ

Шло партийное собрание роты, на котором коммунисты обсуждали задачи по дальнейшему повышению боеготовности. Начало бурному, откровенному разговору положило выступление Ковальчука. Недавно избранный секретарем партийной организации, он искренне, без утайки рассказал о положении в его взводе, самокритично отозвался о собственных промахах и ошибках.

— Свои недостатки и недостатки моих подчиненных я не скрываю, — говорил Николай. — Но в других взводах дела сегодня обстоят не лучше. Как нам повысить боеготовность коллектива — давайте над этим думать сообща.

Критическую оценку дал Николай работе командира взвода, кандидата в члены КПСС старшего лейтенанта Александра Федорова, который при обучении подчиненных допускал упрощенчество и послабления. «Метко стрелять из личного оружия — только полдела. Надо, чтобы воины умели, если требуется, устранить любую неисправность во время стрельбы, были обучены вести огонь из любых положений, при любой погоде».

Секретарь парторганизации напомнил также о случае, когда из-за неподготовленности стрельбищного оборудования личный состав выполнял стрельбу в условиях, не отвечающих Курсу стрельб. В итоге ведомость пестрела дутыми паттерками.

Многих задело за живое выступление Ковальчука. Коммунисты поддержали его настрой, без обиняков обнажили просчеты, вносили дельные предложения.

То памятное партсобрание стало как бы отправной точкой на пути, на кото-

ром рота начала «набирать очки». Николай Ковальчук еще подбросил мысль: показное занятие по огневой подготовке провести на базе взвода... старшего лейтенанта Федорова. Последний даже растерялся: то критикуют за упрощенчество, то доверяют учить других офицеров. Как это расценивать? «Как доверие коммунистов, — ответил секретарь парторганизации. — А если потребуется какая помощь, я всегда готов оказать ее».

Ковальчук рассчитывал сыграть на самолюбии Федорова и не ошибся: тот не только без сучка и задоринки провел показное занятие, но и в целом подтянул свой взвод, вывел его из отстающих.

ОКУПАЕТСЯ СТОРИЦЕЙ

Народная мудрость гласит: всякое дело человеком ставится, человеком славится. Вот почему индивидуальной работе с людьми Николай Ковальчук уделяет первостепенное внимание. Того же требует и от всех коммунистов роты. Вспоминается один эпизод.

Прибыли из другого подразделения рядовой Андрей Шамин и ефрейтор Сергей Малышев. В тот же вечер состоялся с ними у лейтенанта Ковальчука откровенный разговор. Оказалось, что один из солдат мечтал поступить в военное училище и вот сейчас переживает, что потеряет два года. А второй хотел бы проходить службу в Советской Армии. Ковальчук терпеливо разъяснил, что в военное училище и из войск поступать можно, да еще на льготных условиях. А что касается службы в других войсках, то сначала надо приглядеться к внутренним, познакомиться с их традициями. «Для начала, — предложил офицер, — я могу дать несколько книг по

КОММУНИСТ: ПОЗИЦИЯ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

«СТЫДНО ПЛОХО СЛУЖИТЬ!»

истории наших войск», — и направился к книжной полке.

Все первые месяцы становления Шамина и Малышева лейтенант Ковальчук, внимательно наблюдая за ними, интересовался, как они входят в коллектив. Ведь на прежнем месте службы оба были «трудными». Не верил лейтенант, что на добро люди не отзываются добром.

И не ошибся. Уверенно стали на путь исправления солдаты. Итоговую проверку оба сдали на «отлично», а Андрея Шамина избрали группкомсоргом взвода.

Секретарь парторганизации не ограничивается своим личным участием в судьбах людей.

— Одному мне во всех делах не поспеть, — поясняет Николай. — Потому опираюсь на активистов, стараюсь полнее использовать возможности и силу коллектива, его мнение. И это окупается сторицей.

Как-то один из подчиненных капитана Сергея Асеева допустил дисциплинарный проступок. Офицер решил наказать солдата своими правами и уже намеревался объявить об этом на вечерней проверке.

— Может, лучше будет, если его поведение обсудит весь коллектив роты? — подал мысль Ковальчук. — О демократизации мы говорим часто, а на практике забываем о ней. Согласны? Ну и хорошо. А я накануне собрания поговорю с активистами, отличниками — не могут они мириться с безобразиями.

Вскоре состоялось общее собрание личного состава. Жарким оно было. Один из выступающих — сержант Александр Корольков сказал:

— Нужно всем нам больше заниматься воспитательной работой, но если человек ленится или нарушает нормы морали, дисциплину, тогда он заслуживает самого строгого взыскания. Короче, считают, что перестраиваться нужно всем, а кто не захочет, того мы заставим.

На том же собрании секретарю парторганизации Ковальчуку поступила записка: «В комсомольской организации роты принято чуть что заслушивать провинившегося. Но почему-то не было слышно, чтобы в партийной организации отчитывались коммунисты С. Асеев и замполит роты С. Ковынев. Как это понимать?»

— Принимаем критику, учтем ее, — ответил партийный вожак, — и считаем нужным и впредь прислушиваться к вашему мнению о работе парторганизации и лично моей.

...Уроки правды. Тот уже давний откровенный разговор на общем собрании пошел на пользу всем. Существенно возросла результативность личного состава на боевой службе. У людей обострилась ответственность за дела коллектива, пробудились инициатива и творчество. Изменился и стиль работы коммунистов-офицеров, они все чаще держат совет с подчиненными, опираются в принятии тех или иных решений на комсомольский актив, младших командиров. А коллектив, как известно, редко ошибается.

— Так ли уж хорошо мы знаем своих подчиненных? — поделился однажды Ковальчук своими сомнениями с ротным политработником офицером С. Ковыневым. — Ну знаем, где солдат родился, какое получил образование, есть ли профессия. Но всегда ли нам известно, на что каждый из них способен? Ведь души солдат и сержантов остаются для нас в потемках... Лучше родителей никто своих детей не знает. Надо, думаю, нам к родителям чаще обращаться за советом.

Через две недели после прибытия очередного молодого пополнения в адрес родителей были отправлены первые письма. В них рассказывалось о традициях части, об условиях быта и службы в роте. Заодно излагались просьбы: почаще писать сыну, при необходимости напоминать о наказе служить честно; поделиться наблюдениями об особенностях его характера, увлечениях, да и впредь информировать о настроении, с каким он пишет письма домой.

Эффект регулярной и откровенной переписки с родителями рядовых и сержантов подчас был впечатляющий. Надо, к примеру, было видеть лица солдат, которых уже почти записали в «трудные», когда на каком-то торжестве вдруг кто-то из коммунистов роты зачитывал письмо отца с матерью с сердечными родительскими пожеланиями. И стыд, и смущение овладевали солдатом, а сам он наверняка казнил в душе себя за отступления от уставов.

— Нельзя мне было после этого служить плохо, — поделился недавно со мной рядовой Андрей Шубабко. Он, бывший «не поддающийся» воспитанию, ныне награжден знаком «За отличие в службе» II степени.

Прав, наверно, секретарь партийной организации роты старший лейтенант Николай Ковальчук, когда утверждает, что перестройка — не дар божий, она выковывается нашей инициативой, творчеством и уважительным отношением к людям. Все это — реальность нашего удивительного времени. Времени, которое от каждого коммуниста требует ответа на вопрос: все ли я делаю на своем месте, чтобы добиться успеха, чтобы еще на одну ступень поднять боеготовность подразделения, части, чтобы крепла воинская дисциплина, росла активность личного состава? И секретарь парторганизации Николай Ковальчук, его товарищи по партии ответили на него утвердительно: рота, в недалеком прошлом отстающая, сейчас — одна из передовых в части.

Майор В. ФЕЛЬК,
заместитель командира
части по политической части.

Приволжское УВВ.

«ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ»

Заместитель министра внутренних дел Узбекской ССР полковник внутренней службы Е. Успенский и врио командира части полковник П. Королев сообщают, что статья «Презумпция виновности» (1988, № 11) рассмотрена на совместном оперативном совещании. Отмечено, что в ней дана справедливая оценка отпуска из-под охраны и побега осужденных Когана и Юсупова «вследствие недобросовестного исполнения своих служебных обязанностей сотрудниками ИТК, а также предательства интересов боевой службы отдельными военнослужащими» (здесь и далее текст выделен нами, стилистика сохранена.— Ред.).

Что касается осужденного Когана, то к нему, как признают авторы письма в редакцию, в ИТК «отнеслись излишне гуманно... Несмотря на то, что Коган год назад совершил дерзкие нарушения режима, администрация... сначала его представила к применению указа об амнистии, а затем к условно-досрочному освобождению... За применение гуманных актов (!) в отношении Когана... ряд сотрудников учреждения был строго наказан...» Факт отDELки Коганом хлебобрезки за свой счет не подтвердился.

В письме говорится: «Руководство МВД УзССР и командование части не разделяют беспочвенные высказывания отдельных представителей ИТК и роты, УИД республики и войсковой части по факту побега Юсупова в целях оправдания сугубо ведомственных интересов... В равной степени виновны и администрация ИТК, и воинское подразделение.

В статье искажен смысл высказывания старшего лейтенанта внутренней службы А. Шодиева, который якобы сказал: «Если бы в тот день, когда взяли Юсупова, его отдали оперативникам колонии, а не окружили полковниками, мы бы узнали правду. Не исключено, что с версией ему помогли». Шодиев заявляет, что таких разговоров с корреспондентом не вел, не преследовал цель обвинить полковников».

«Неуместно высказывание о том, что якобы около десятка осужденных, которые видели Юсупова в зоне после 5.01.88 г., «не по умыслу, а по плану» переведены в другие колонии... Установлено, что в их этапировании какого-либо умысла не было.

Неверно утверждение, что дата побега Юсупова не выяснена. В приговоре Хамзинского народного суда по делу Юсупова четко констатирована дата побега — 5 января 1988 года.

В корне неверно суждение автора о том, что расхождение во мнении с руководящим составом об обстоятельствах побега бывшему капитану внутренней службы Х. Тураеву стоило работы. ...Тураев уволен из органов внутренних дел... за свою некомпетентность и халатное отношение к исполнению служебных обязанностей.

Воспоминание Тураева, высказанное корреспонденту, о том, что «начальник ИТК майор внутренней службы Э. Икрамов неоднократно вызывал для бесед осужденного А. Юсупжанова, требовал от него материалов, порочащих Каримова. Каждый отказ Юсупжанова клеветать на прапорщика заканчивался водворением непокорного в штрафной изолятор», является подтасовкой фактов. На самом деле Юсупжанов дважды водворился в штрафной изолятор... за нарушение формы одежды, за грубое нарушение режима...

Искажено также высказывание прапорщика Н. Жураева. Он заявляет, что раньше действительно... взаимоотношения были плохими. С назначением т. Икрамова в последние два года сложились нормальные отношения... Что же касается «обедения» военнослужащих квартирами, то установлено, что никто их не обделял: за последние 10 лет в ИТК ни один сотрудник квартиру не получил.

...Автор статьи при характеристике прапорщика Б. Каримова почему-то больше всего опирается на мнение его последнего командира майора Д. Михуткина, который знает Каримова всего с апреля 1987 года... Михуткин, характеризуя Каримова исключительно положительно, даже не изучил его личное дело.

Ранее Каримов по службе характеризовался отрицательно, о чем свидетельствуют аттестация за 1981 год... и характеристика за 1982 год...

В ходе разбирательства побега Юсупова установлено, что прапорщик Каримов плохо организовал службу контролеров, вы-

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

НАШ ДЕВИЗ:

ЗОРКО СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ,
НАДЕЖНО ЗАЩИЩАТЬ
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА
СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ!

■ Действия в районе Чернобыля подтвердили справедливость высоких требований к профессиональным навыкам штатных и нештатных химических расчетов. Поэтому неустанно трудятся в ходе занятий сержант Г. Гюльмян, другие воины, осуществляющие радиационную и химическую разведку, дезактивацию техники.

■ А это воины-автомобилисты. Рядовые Александр Риверт и Саулюс Кулешис занимаются на тренажере.

■ О готовности к выезду дежурному по автопарку лейтенанту А. Дробкову докладывает водитель ефрейтор З. Петров.

■ Начальник мастерской прапорщик В. Захаров, автомеханик ефрейтор П. Гунько и их сослуживцы делают все, чтобы техника не подвела в рейсе.

БЫТЬ МАСТЕРОМ В СВОЕМ ДЕЛЕ

■ До службы Геннадий Беркович окончил кулинарный техникум, стал поваром четвертого разряда. Он считает свою специальность истинно мужской — ответственной, нужной.

■ Через несколько минут по распорядку обед. Начальник продовольственной службы старший лейтенант С. Моисеенко, повар рядовой С. Путнев вместе с суточным нарядом еще раз проверяют готовность солдатской столовой.

полняя в это время обязанности командира взвода. ...За нарушение правил несения контролерской службы он **командиром соединения был арестован на 10 суток** с содержанием на гарнизонной гауптвахте. При этом превышение власти командиром не установлено.

Вывод корреспондента о том, что Каримов подорвал здоровье на гауптвахте, является сомнительным... **Он мог заболеть и после освобождения...**

Руководство МВД УзССР и командование части удивлены тем, что автор, освещая события, происшедшие в столице республики, пишет о «законах в песках», расплывчато и с намеками рассуждает о Востоке, серебре и золоте, тайной тоске по тем временам. Считаю, что автору статьи необходимо было глубже изучить вопрос, больше основываться на конкретных материалах, чем на эмоциях...»

В дополнение к этому ответу начальник внутренних войск МВД СССР по Средней Азии и Казахстану и начальник политотде-

ла войск сообщают, что статья «Презумпция виновности» доведена до сведения всех офицеров, прапорщиков, партийного и комсомольского актива. Выработаны конкретные мероприятия по улучшению взаимодействия с политорганами МВД союзных республик, партийными организациями ИТУ, профилактике и недопущению предательства интересов службы военнослужащими и сотрудниками. Эти вопросы обсуждались на партийных конференциях, отчетно-выборных собраниях, сборах командно-политического состава, общих собраниях в подразделениях. Проведено общественное аттестование начальников войсковых нарядов.

На практическом занятии с командно-политическим составом частей при участии заместителя председателя военного трибунала округа особое внимание уделено вопросам законности возбуждения уголовных дел и квалифицированного их расследования совместно с администрацией взаимодействующих органов.

Комментарий редакции

На редкость странную, на наш взгляд, позицию заняли заместитель министра внутренних дел УзССР и врио командира части, подписавшие ответ в редакции. Ответ довольно длинный, чем и объясняется невозможность опубликовать его полностью. Но, увы, нет в нем главного. До сих пор неясно, какие меры приняты к должностным лицам, нанеся моральную травму прапорщику Б. Каримову? К тем, кто неоправданно и скоропалительно зачислил его в предатели? Редакции по-прежнему неизвестно мнение руководства УВВ по Средней Азии и Казахстану по этому вопросу.

Признавая в целом справедливость оценок, данных в статье действиям различных ответственных лиц, авторы ответа в редакции в то же время ставят под сомнение правоту корреспондента по ряду позиций, высказывают свои суждения.

Так, товарищи Успенский и Королев считают, что не стоит скатываться до оправдания сугубо ведомственных интересов. Виноваты якобы все в равной степени. Это далеко не бесспорно, ибо там, где виноваты все, спрашивать не с кого. Но допустим, авторы письма правы и степень вины — равная. Почему же тогда в письме сказано, что побег произошел «вследствие недобросовестного исполнения своих служебных обязанностей сотрудниками ИТК, а также предательства интересов боевой службы отдельными военнослужащими»? В чем же усматривают здесь паритет уважаемые товарищи, если на одной чаше весов — **недобросовестность** сотрудников, а на другой — **предательство** военнослужащих? И как после этого расценивать призыв не опускаться до защиты чести мундира?

Кстати сказать, данную интерпретацию событий авторы приписывают корреспонденту. Мол, он совершенно правильно отметил, что... и далее — процитированная

формулировка. Прием, по меньшей мере, неэтичный, так как в статье об этом — ни слова.

То, что отдельные товарищи отказываются от своих же собственных слов (помните в статье: «Что бы вы ни написали, я от всего откажусь»), — дело их совести. Журналист — не следователь, сбор отягчающих улик и вещественных доказательств — не его прерогатива. Хотя этим нельзя оправдать «прокол» с хлеборезкой. И пусть факт отделки ее кафелем подтверждает не корреспондент, а майор В. Коломийцев, проверить его следовало.

Не исключено, что сейчас прапорщик Н. Жураев заявляет, что взаимоотношения с сотрудниками ИТК «в последние два года... — нормальные». Так во всяком случае утверждают авторы ответа. Но корреспонденту Жураев заявил другое, причем при свидетелях. И гораздо больше того, о чем упомянуто в публикации.

Любопытен другой аргумент авторов в защиту администрации: военнослужащих квартирами не обделяют, ибо последние десять лет их не дают никому (!).

Несколько слов о так называемых «неточностях» в статье. Товарищи Успенский и Королев считают неуместным высказывание корреспондента о том, что осужденные, которые видели Юсупова после 5 января, переведены «не по умыслу, а по плану». На самом же деле, утверждают они, умысла не было. Выходит, корреспондент прав, все шло по плану?

Высказывается попутно и такая претензия, мол, не названа точная дата побега. Но как можно было это сделать, если ее определил суд спустя три месяца после отъезда корреспондента?

Не согласны авторы и с суждением журналиста о том, что неординарное мнение начальника отряда капитана внутренней службы Х. Тураева стоило ему работы. Но,

во-первых, это мнение самого Тураева. А во-вторых, как мог быть Тураев уволен из органов по причине «своей некомпетентности и халатного отношения к исполнению своих обязанностей», если за несколько дней до побега Юсупова ему на основании представления с блестящей характеристикой присвоено звание капитана внутренней службы? Отряд, которым он руководил, значился в передовых. И вдруг в одночасье «непослушный» образцовый Тураев стал некомпетентным бездельником. Здесь что-то, видимо, не так.

Авторы ответа в редакцию недоумевают: корреспондент, характеризуя прапорщика Каримова, «почему-то больше всего опирается на мнение» его командира роты майора Д. Михуткина, который и знает-то прапорщика всего полтора года? Тут удивительного как раз ничего нет. Непонятно другое: как можно, вспоминая события семи-восьмилетней давности, бытьем просише, делать заключение о том, что Каримову верить нельзя? Может, поэтому и арестовали его по первому навету осужденного, отложив разбирательство истинных мотивов на потом?

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

...Журнал со статьей «Презумпция виновности» был буквально нарасхват: речь в публикации шла о нас. Все сошлись во мнении — написано правильно, объективно. В конфекте «осужденный — контролер» администрация без учета обстоятельств практически всегда защищает осужденного. И если не будет налажено взаимодействие между ротой и ИТК, ни УИД, ни УВВ не изменят положения дел. А оно пока не налажено.

Честно признаться, после выхода статьи и ее обсуждения мы ждали позитивных перемен во взаимодействии сторон. Их нет. По-прежнему о контролерах судят, исходя из пресловутой презумпции виновности. Поступил, к примеру, «сигнал», что прапорщик Д. Эрматов незаконно выпустил из штрафного изолятора осужденного. Проверили: Эрматов вообще в ту смену не дежурил, а службу нес прапорщик Ж. Аристанов в паре с сотрудником ИТК. К чему же наводить тень на плетень? Такая ошибка может обойтись человеку очень дорого. Хорошо, что в случае с прапорщиком Каримовым командир роты оказался на высоте и встал на защиту подчиненного. А если бы нет! По-моему, здесь есть над чем подумать.

Старший прапорщик Ш. КАРИМБАЕВ,
УВВ по Средней Азии и Казахстану.

...Удивился, как это вы решились опубликовать такую статью! Да еще в защиту контролера! Если и писали раньше о прапорщиках, то лишь о том, как хорошо им живется и служит. Изредка упоминали об отдельных, малозначительных недостатках. Говорили, что не все еще, к сожален-

Да, командир части не превысил своей власти, арестовав Каримова. Но, как вспоминает майор Д. Михуткин, полковник М. Салютин прежде объявил взыскание прапорщику, а уже затем доложил об этом командиру. А записка об арестовании подписана (во всяком случае была подписана) командиром полка. Не слишком ли много желающих власть употребить от имени командира соединения?

Таким образом, призывая журналиста основываться больше на конкретных фактах, нежели на эмоциях, авторы позволяют себе вольную трактовку некоторых деталей. Можно было бы ответить и на другие их аргументы. Но надо ли уводить в сторону важный разговор о правовой защите контролеров вообще и об обиде, нанесенной прапорщику Б. Каримову, в частности. Остается надеяться, что руководство и МВД УзССР, и УВВ по Средней Азии и Казахстану выскажет свое мнение об этом. Необходимость есть, что подтверждают письма наших читателей, полученные после публикации статьи «Презумпция виновности». Вот некоторые выдержки из них.

нию, гладко во взаимоотношениях военнослужащих и администрации колонии.

Куда там до гладкого! Убежден, проблема, поднятая в статье «Презумпция виновности», типична для многих, если не для всех, подразделений. Возможно, она даже острее, чем вы предполагаете. Неприязненное отношение к прапорщику — сплошь и рядом. И абсолютно никакой защиты, поддержки, ибо нет прав — одни обязанности. В более невыгодном, бесправном положении лишь осужденные. И то не всегда.

Мало одной статьи, нужно печатать еще и еще. В защите нуждается не только контролер, а прапорщик вообще.

Прапорщик П. КУЗНЕЦОВ,
Ордена Красной Звезды УВВ
по Северо-Западу и Прибалтике.

В статье рассказывалось обо мне. После публикации меня вызвали в УИД на беседу. Хотя беседы, как таковой, не было. Офицер части и сотрудник управления исправительных дел тщательно искали в моей служебной биографии темные пятна. Некоторые вопросы и вовсе удивляли. Например, почему командир роты так хорошо обо мне отзывается! Я так и ответил: потому что майор Д. Михуткин — честный человек.

Им бы очень хотелось представить меня взяточником и матерым «связистом». Бесплезно. На неслужебную связь с осужденным я не ходил и не пойду.

Пока служу там же. Но тяжело. А вам большое спасибо за поддержку.

Прапорщик Б. КАРИМОВ,
УВВ по Средней Азии и Казахстану.

СЛУЖБА

Опыт, знания, споровка — все лучшие качества солдата проявляются при выполнении боевой задачи в карауле.

■ Резервную группу возглавляет младший сержант Г. Жуков.

■ Ефрейтор А. Гусейнов — один из лучших часовых.

■ Занятие со сменой проводит начальник караула лейтенант А. Лукашов.

Сор из избы

Взяться за перо побудила заметка «Надо и заботу проявить» (1988, № 6), в которой рассказывалось о делах и проблемах контролерских. Считайте, что накопело. То ли действительно в тех краях, где служит автор, отношение к прапорщикам и военнослужащим сверхсрочной службы иное, то ли чересчур осторожен он, острые углы обходит. Дескать, и сейчас неплохо, но могло быть и лучше, если бы... Скажу прямо: никому мы, контролеры, не нужны. Я имею в виду, как люди, а не как штатные единицы. Если и думают о нас изредка, то как о винтиках какого-либо механизма. Нет винтика — его ищут, так как весь агрегат барахлит. Нашли, вернули — и думать о нем забыли. Привыкли крупномасштабно мыслить: часть... подразделение... А как же люди, те самые винтики, без которых механизм и не соберешь?

Помню, какие радужные перспективы рисовали передо мной офицеры подразделения, уговаривая остаться на сверхсрочную: приличное жалованье, через месяц-другой — звание прапорщика, квартира, возможность заочно учиться в институте... Сказка, а не жизнь. Кто ж устоит от таких соблазнов, тем более, что и служба нравится, и стать военным — давняя мечта.

Дал «добро». Сослуживцы мои разъехались по домам, а я остался в роте. И в прямом, и в переносном смысле: больше жить было негде. Как только я заводил разговор об обещанной мне жилплощади (не о квартире, конечно, о комнатухе какой-нибудь), все только пожимали плечами, в том числе и те, кто еще вчера клялся: только останься — живешь по-царски. Не хотел я по-царски, по-человечески хотел.

Вскоре стало известно, что и в присвоении звания прапорщика мне отказано. Спрашивал: почему? От-

вечали уклончиво и показывали глазами куда-то вверх, намекая на несговорчивое начальство. Зачем же было обещать?

Обиделся. А вы бы не обиделись, если бы вам посулили одно, а взамен предложили... Да что там, ничего не предложили взамен. Естественно, и отношение мое к службе изменилось, рвения поубавилось (хотя и понимаю, что личные неприятности не должны мешать службе). Это не осталось не замеченным командиром. Постепенно из надежных превратился в середняка, а там и в нерадивые зачислили. Тогда-то (представилась возможность) и перевели меня (а вернее — избавились от обузы: с глаз долой — из сердца вон) контролером в колонию-поселение, чтобы понял «искатель справедливости», почем фунт лиха.

И я понял. Понял по-настоящему только здесь, как мало значат высокие, красивые слова о возрастающем внимании к нуждам и чаяниям контролеров. Понял и тех, кто проносит их, уподобляясь страусу, спрятавшему голову в песок: ничего не вижу, ничего не слышу... А что на деле? Судите сами.

Надзор за осужденными-поселенцами организуется тут вразрез с требованиями Устава внутренних войск. Надлежит, к примеру, осуществлять перемещение осужденных-поселенцев вне пределов ИТКП с согласия командира подразделения по маршрутным листам, подписанным начальником колонии, и обязательно в сопровождении представителя администрации. У нас же все «упрощено» до минимума. Никаких «бюрократических формальностей», требуемых уставом. Маршрутный лист может подписать кто угодно. И осужденный-поселенец, имея его на руках, заручившись согласием командира подразделения, свободно

КАК ЖИВЕШЬ, ГЛУБИНКА!

выезжает в соседний населенный пункт, якобы по «производственной необходимости». Надо ли объяснять, что необходимость эта чаще всего далека от производственной? Мало у кого из осужденных-поселенцев на руках соответствующие документы, удостоверяющие их личности, и поэтому судить о том, кто есть кто, можно лишь с их слов. Вынужденные доверять им, мы, контролеры, лишены возможности контролировать.

А попробуйте собрать осужденных-поселенцев на вечернюю проверку? Это и вовсе нереально. Зачастую начальник войскового наряда контролеров вместе с ДПНК по всему поселку их разыскивают. С тем чтобы, обнаружив пропажу, услышать: мы заняты делом, начальник колонии разрешил нам на проверку не ходить. Опять возникает тот же вопрос: как же контролировать контролерам? Что за надзор без контроля? Парадокс? А здесь подобное положение дел — норма. Может быть, потому и пишу, что для меня, новичка, все это дико; остальные привыкли и в перемены не верят.

Теперь об отношении к контролерам. После сокращения штатов наш взвод стал почти вдвое меньше. Это факт. А вот те заверения, что со временем служебная нагрузка, оставшаяся пока практически без изменений, будет наконец упорядочена, — это только заверения. Любой сотрудник колонии может безнаказанно оскорблять контролера, в том числе и в присутствии осужденного. И после этого еще требует, чтобы мы «держали в кулаке» всех поселенцев.

Если мы, военнослужащие, находимся в таком незавидном положении, представляете, каково поселенцам? Во что превратили штрафной изолятор?! Осужденные-поселенцы, случается, содержатся там по нескольку дней без постановления о водворении, как говорят сотрудники администрации, «для профилактики». Но ШИЗО — не профилакторий. По сути, это — беззаконие, возведенное в норму. И мы ничего не можем изменить. Именно не можем, ибо пытались не раз, изводя бумагу и обивая пороги начальни-

ков. Тщетно, только врагов себе понаживали да в склочники были зачислены. Даже рапорт о неправомерном поведении осужденного-поселенца начальник колонии просто оставляет без внимания, зато на любой сигнал, нередко далекий от истины, своего сотрудника на контролера реагирует бурно и незамедлительно. И не поздоровится «обидчику», это точно.

Не вдаваясь в подробности, отмечу, что организация надзора не только препятствует в отдельных случаях поддержанию режима содержания, но и способствует тому, что в руки осужденных попадают запрещенные предметы, в том числе и спиртное.

Есть еще некоторые «мелочи», мешающие качественному несению службы: плохая связь (случись что — не дозвонишься), перебои со светом — проводка прогнила. Иной раз пищу готовят на костре, а по ночам в крошечной тьме прозябаем. Поэтому-то и улыбаются порой мои сослуживцы, читая материалы в журнале под рубрикой «Техника в охране объектов». Только улыбки эти — безрадостные, скептические. Одно хорошо — где-то все-таки есть техника. Исправная. Это обнадеживает.

Бытовые условия от служебных мало чем отличаются. Живем по два-четыре человека в одной квартире. Кстати, уверен, что слово «квартира» мы с вами понимаем по-разному. Для нас это — небольшое помещение с обвалившимися кое-где стенами, выбитыми окнами и дверями, дырявой крышей и развороченной печкой. Что можем — латаем, а можем мы, увы, немного. Да и не косметический, а капитальный ремонт здесь нужен, дабы эта квартира не стала для нас братской могилой.

Скажете, «глубинка»? Но ведь те же сотрудники администрации в этой «глубинке» живут совсем неплохо, не думая даже о том, как запастись дровами на зиму. Начальник колонии их в беде не оставит, свои все-таки, не чужие. А мы чьи?

**Младший сержант
сверхсрочной службы
И. ВЕСНИН.**

*Ордена Красной Звезды УВВ
по Северо-Западу и Прибалтике.*

БИОЛОКАЦИЯ В ОХРАНЕ ОБЪЕКТОВ

Подполковник Геннадий Михайлович Шаповалов — энтузиаст внедрения метода биолокации в охрану объектов. Не однажды он демонстрировал свои способности обнаружить с помощью несложных приборов подкопы, любые подземные коммуникации.

Наш корреспондент встретился с ним после того, как Геннадий Михайлович произвел обследование объекта и указал на наличие под землей доброго десятка труб разного диаметра, которые когда-то использовались, а затем их забросили, не стали даже извлекать на поверхность. Они не были обозначены в схеме подземных коммуникаций. И вот оператор через много лет их зафиксировал.

БИОЛОКАЦИЯ ОЗНАЧАЕТ СПОСОБНОСТЬ ЖИВЫХ ОРГАНИЗМОВ ОПРЕДЕЛЯТЬ КООРДИНАТЫ НЕВИДИМОГО ОБЪЕКТА В ПРОСТРАНСТВЕ (НАПРАВЛЕНИЕ, РАССТОЯНИЕ ДО НЕГО), А ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ЧЕЛОВЕКОМ НАСТРОЕННОГО РЕЗОНАТОРА — И ЕГО ОРИЕНТИРОВОЧНЫЙ СОСТАВ (МЕТАЛЛ, КЕРАМИКА И ПРОЧ.). БИОЛОКАЦИОННЫЙ ЭФФЕКТ (БЛЭ) ФИКСИРУЕТСЯ ПО УГЛУ ОТКЛОНЕНИЯ ИНДИКАТОРА (ТАК НАЗЫВАЕМАЯ РАМКА) И, ПО СУЩЕСТВУ, ПРИСУЩ КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ. СПЕЦИАЛЬНО ТРЕНИРОВАННЫЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ОВЛАДЕЛИ ПРИЕМАМИ ФИКСАЦИИ БЛЭ И ЧЕТКО ОТМЕЧАЮТ ЭТОТ ЭФФЕКТ, ЯВЛЯЮТСЯ ОПЕРАТОРАМИ БИОЛОКАЦИИ.

БИОЛОКАЦИОННЫЙ МЕТОД — ЭТО СОВОКУПНОСТЬ МЕТОДИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ, ИСПОЛЬЗУЮЩИХ БЛЭ И ПОЗВОЛЯЮЩИХ РЕШАТЬ ТЕ ИЛИ ИНЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ.

Из решения Всесоюзного научно-технического семинара по проблеме биолокации «Возможные физические поля, обуславливающие биолокационный эффект». Москва, 1—13 марта 1986 г.

— Геннадий Михайлович, выходит, что демонстрируемый вами метод практически снимает для войск остроту проблемы, связанной со своевременным обнаружением подкопов, предупреждением попыток охраняемых выехать с объекта в любом транспортном средстве!

— Что касается подкопов, то, действительно, метод биолокации, по моим многолетним наблюдениям, на девяносто девять процентов гарантирует их обнаружение. А вот поиск запрещенных предметов, а также людей в транспортных средствах требует экспериментов, хотя результаты и налицо.

— Какое применение он находил и находит, кто им вообще пользуется!

— Биолокация, которая издревле известна как лозоискательство, используется для выяснения причин оползней в прибрежной зоне рек, фильтрации рек через плотины и дамбы, деформации фундаментов и стен домов. Операторам биолокации довелось, например, участвовать в обследовании дома Пашкова в Москве (Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.—В. К.). Тогда было обнаружено подземное сооружение, о существовании которого никто не знал. Применяется метод для поиска подземных вод, различных месторождений полезных ископаемых на большой глубине. Заведующий сектором Северного НИИ гидротехники и мелиорации В. Сочеванов успешно завершил серию экспериментов по обнаружению людей под многометровой толщей снега. Ежегодно снежные лавины становятся виновниками человеческих трагедий. Чем быстрее спасатели овладеют биолокационным методом, тем меньше будет жертв. Недавно стало известно, что операторы, плыва на спасательной лодке, нашли людей под водой. Проследив за тем, где и для чего лозоискательство применяется, нетрудно сделать вывод о том, кто же им пользуется.

ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ

— Мы на пороге двадцать первого века, а говорим о методе, известном тысячелетия назад. Новое—это забытое старое!

— Нового тут ничего и нет, вот разве что ветку лозы заменили металлические рамки и указатели. Сам же метод продолжал жить своей жизнью, окруженный таинственностью, даже некоторым мистическим налетом.

— И все же: что питает метод? На чем он основан! Согласитесь, сегодня мало кто о лозоискательстве что-либо слышал, а если бы и услышал—не сразу поверил. Почему?

— Вот-вот. Тут столько загадочного, столько еще не изученного, что даже ученые из НИИ интроскопии говорят, мол, лозоискательство не может конкурировать с геофизическими методами поиска полезных ископаемых.

А между тем сотрудники того же института с помощью металлической рамки смогли обнаруживать аномалии, спрятанные предметы. Факт этот объясняли тем, что на бессознательном уровне лозоискатель, по-видимому, может воспринимать локальные искажения различных физических полей: гравитационного, электрического, магнитного, радиационного, акустического. Такие крупные искажения наблюдаются вблизи Курской магнитной аномалии, например. Лозоискатели, вероятно, могут бессознательно воспринимать и другие сигналы. В частности, рельеф местности, вид почвы, ее влажность. Будучи в состоянии «активной готовности» к поиску, они на какое-то мгновение переключают свое внимание — нервные импульсы, управляющие мышцами кисти, релаксмаживаются, она незаметно наклоняется, и рамка поворачивается. Стой, здесь начинается зона поиска.

С выводами ученых из НИИ интроскопии не согласна комиссия по проблеме биолокации Всесоюзного совета научно-технических обществ. Ею в результате глубоких исследований отвергнуты многие гипотезы, объясняющие, почему лоза или рамка вращается в местах биолокационных аномалий.

Очень интересна, например, гипотеза кандидата технических наук А. Охатрина. Она, по-моему, дает полное представление о природе лозоискательства. Суть ее в следующем. Ученые мира предсказали существование сверхлегких частиц-аксионов, масса которых на несколько порядков меньше, чем у электрона. Охатрин и его коллеги разработали математическую и физическую модели, с помощью которых можно рассчитать целый ряд параметров этих частиц. Расчеты показали, что вокруг объектов материального мира существуют силовые поля, имеющие квантовую природу. Они состоят из аксионов, которые, подобно газу, заполняют пространство между физическими телами. Но гораздо больше их внутри самих тел. Когда предмет нагревается или по телу пропускается электрический ток, аксионы возбуждаются и группируются вокруг него в виде облочки различной формы и размеров. Облочек бывает несколько, радиус их — от долей миллиметра до сотен метров. Некоторые из них как раз и фиксирует оператор

во время работы. Он ведь, по себе знаю, находится в состоянии повышенной готовности, поэтому способен уловить очень слабый сигнал, который усиливается в результате физиологических процессов — в конечном итоге они и вызывают поворот рамки.

— Геннадий Михайлович, а с чего вы начинали! Не на голом же месте родилась у вас идея использовать биолокацию в охране объектов!

—С тех пор, как в 1983 году я впервые прочел о лозоискательстве в журнале «Техника молодежи», не давала покоя мысль: нельзя ли, во-первых, овладеть методом, во-вторых, применить его для обнаружения подкопов? Ведь если с помощью биолокации обнаруживаются любые земные аномалии, значит, можно найти и подкопы. Своими размышлениями поделился с командованием управления войск. Мне посоветовали встретиться с профессором Александром Григорьевичем Бакировым, получить консультацию. Чисто научная сторона вопроса тогда меня мало интересовала. Важно было получить ответ на главный вопрос. А еще — как стать оператором, то есть лозоискателем? Кто им может вообще быть: любой человек или нет? Должен ли он обладать какими-то особыми данными, к примеру, быть очень чувствительным, легковозбудимым?

Вопросов масса. Ответы предстояло искать.

— Теперь они найдены. Хотелось бы услышать хотя бы краткий рассказ о том, как вы работаете, какими приспособлениями пользуетесь!

— У меня много различных металлических рамок: Г-образные, П-образные, есть указатели. Приборы эти свободно умещаются в «дипломат» или папку. Изготовление их также не требует почти никаких затрат. Сколько, к примеру, стоит полметра проволоки разных сечений, компас, мерный шнур, эспандер? Вот и все расходы на снаряжение оператора. Зато эффективность его работы очень высокая. Хорошо помню самые первые опыты непосредственно на охраняемом объекте. Волновался сильно. Думаю, если и обнаружу на периметре аномалию, не буду сразу же копать: вдруг ошибка. А может случиться, что аномалий несколько или это случайно рамка повернулась. Решил пригласить с собой прапорщика-контролера, которому хорошо известна сеть подземных коммуникаций. В случае чего спрошу у него: что тут? Держу прибор в правой руке, согнутой в локте. Смотрю в основном на дальний конец рамки. Через несколько десятков шагов она повернулась. Останавливаюсь, ставлю указатель, спрашиваю прапорщика: есть ли что под землей? Есть, говорит, кабель. Воспрянул духом, продолжаю обследование. Вот опять «сигнал». Оказывается, здесь просочилась вода из теплицы. Так мы обошли весь объект, и я точно указал все подземные коммуникации, выходящие за его пределы. Подкопов не обнаружил. Да и не мог этого сделать, ведь их тут не было. Тогда решил для того, чтобы быть более уверенным, попытаться все же обнаружить подкоп, который уже найден ранее контролерами на соседнем объекте. Мне было

известно, что он где-то на участке, а где конкретно — не знал. Стал искать и нашел! С той поры поверил биолокационному методу, считаю его общедоступным, очень нужным, достойным повсеместного и быстрого внедрения. Сегодня мои возможности таковы: за день полностью обследую периметр объекта, даю разъяснения любых аномалий. Подготовленный мной техник-контролер, обойдя объект, готов тут же доложить начальникам караула и войскового наряда, есть ли в запретной части признаки подкопа. Можно даже не идти, а ехать на машине — еще быстрее, а результат тот же: в считанные минуты получена ценная информация. Где еще и кто предложил что-то подобное? Притом заметьте: не требуются никакие приборы, не нужно увеличивать штаты специалистов. Разве это не говорит в пользу метода биолокации?

— А это правда, что в 1968 году уже были попытки применить его в охране!

— Правда. Но тогда сказались факторы чисто субъективного характера и то, что природа биолокационного эффекта не была открыта. Шли разговоры и вокруг строения, от которого-де зависит работа оператора. Пересуды, поверхностные знания и представления, привнесенные сюда доли мистики — все это застопорило дело, а потом о нем вообще забыли. Какое там лозоискательство, первый век до нашей эры, если на объекты поступает самая современная техника!

— Что же сегодня изменилось!

— Метод успешно применяется во всем мире. Во главу угла поставлен анализ фактов, а не эмоции, данные серьезных научных изысканий в области биолокации, в том числе и обобщенные кандидатом геолого-минералогических наук Н. Сочевановым. В войска поступило четкое указание как можно активнее внедрять метод в профилактику подкопов. Опубликованы рекомендации в помощь будущим операторам. Возможности лозоискательства продемонстрированы специалистам ИТСО, других отделов управлений войск, соединений и частей. Появились энтузиасты биолокации, в частности, подполковник Ю. Озябкин, майор С. Новиков. Они немало сделали для того, чтобы метод прижился там, где, собственно, ему и место — в роте, на охраняемом объекте. Но мы в этом деле все еще в начале пути, быстрого продвижения не наблюдается.

— Чем это объяснить и что же, по-вашему, предстоит сделать, чтобы внедрение нового осуществлялось активно по всем направлениям!

— О биолокационном методе все еще мало знают в войсках. Особенно на уровне батальон — рота. Нужна, следовательно, информация. Нет специалистов, конкретно — операторов, которые могли бы выполнять свои обязанности и просвещать сослуживцев. Думается, назрела необходимость включить в программы военных училищ и академий определенное количество часов, чтобы ознакомить командиров с биолокационным методом, показать практические его возможности, в том числе обнаружение с его помощью запрещенных предметов, спрятанных охраняемыми.

— Геннадий Михайлович, продемонстрируйте, пожалуйста, как это делается. Я спрячу в комнате часы, а вы их найдите.

Со словами: «Что же — попробуем» — подполковник Шаповалов вышел. Часы упрятали в нижний ящик книжного шкафа. По сигналу «Готово» он появился на пороге. В правой руке Г-образная рамка. Все внимание на нее. Вот оператор сделал пять шагов, поравнялся со шкафом, стоящим слева от него. Рамка вначале медленно, а затем резко повернулась влево. Офицер пометил это место, дошел до стены, повернулся кругом и двинулся назад. Теперь рамка на уровне отметки повернулась вправо. Казалось бы, ищи, где она показывает, но оператор прошел кабинет вдоль и поперек, только после этого вынул из нашего тайника часы.

Так и подмывало самому попробовать найти спрятанный предмет. Геннадий Михайлович показывает, как правильно держать рамку, куда при этом смотреть: внимание должно концентрироваться на дальней точке рамки. Вся процедура повторяется, корреспонденту удаётся определить место, где положили часы.

— Как видите, метод сам по себе не сложен, не требует особых материальных затрат не только на оснастку оператора, о чем мы уже говорили, но и на обучение. Нужно желание, инициатива, и тогда можно в учебных частях готовить специалистов по биолокации. В первую очередь из числа контролеров, техников ИТСО — контролеров.

Но прежде всего надо создать специальную группу энтузиастов, поручить ей готовить популярный учебник и методички. Предстоит перелопатить немало литературы, нашей и зарубежной. Ведь интерес к биолокации необычайно вырос. Военные моряки используют ее у себя, пограничники проводят эксперименты, направленные на усиление надежности охраны наших рубежей. Время торопит. Жаль, если метод опять будет предан забвению.

— В заключение традиционный вопрос: над чем сейчас работаете!

— При первой же возможности, обычно в выходные дни, изучаю материалы комиссии по проблеме биолокации, которые присылает из Москвы Н. Н. Сочеванов. Пытаюсь найти применение методу, используемому геологами для обнаружения по карте полезных ископаемых. Подумалось, а почему бы не попробовать по данной методике осуществить поиск бежавших преступников? По карте, буквально не выходя из штаба. Фантастика? Проведем эксперименты, тогда и станет ясно: фантастика или нет.

Одновременно отработываю поиск с вертолета бежавших. Совершенствую навыки обнаружения с помощью рамок запрещенных предметов.

Очень хочется верить, что число энтузиастов биолокационного метода возрастет, что они станут обобщать результаты своих опытов, поделятся ими. Тогда можно будет подготовить хорошее практическое пособие для военнослужащих войск.

Беседу записал
подполковник В. КУЗЬМЕНКО.

УСЛОВИЯ МЕНЯЮТСЯ. А РЕЗУЛЬТАТ?

СОЦИАЛЬНО - ПОЛИТИЧЕСКИЕ изменения в жизни советского общества, курс партии на демократизацию, гласность, открытый разговор о насущных проблемах нашей жизни вносят свои коррективы и в организацию партийно-политической работы как в целом, так и на боевой службе. Хотелось бы поделиться некоторыми соображениями о влиянии новых явлений и событий на нашу деятельность.

Прежде всего, наметившаяся гуманизация советского уголовного законодательства предполагает изменения и в исправительно-трудовой политике, что должно привести к сокращению ИТУ. Естественно, уменьшится численность личного состава конвойных подразделений внутренних войск. Но, как показывает практика, сокращение войск идет быстрее, нежели снятие охраны объектов. Поэтому полагаю, что с трехсменных постов придется снова переходить на двухсменные. Отсюда — увеличение служебной нагрузки на личный состав, что повлияет на состояние морально-психологической обстановки в караулах: она станет более напряженной, и это нужно учитывать при организации политработы. Осуществленное ранее сокращение личного состава войск затронуло и начальников караулов, на должностях которых обычно состояли наиболее опытные прапорщики, в большинстве своем — члены КПСС. Сейчас караулы возглавляют сержанты. Это обстоятельство требует от командиров, политработников серьезной перестройки

в подготовке, подборе, обучении и воспитании начальников караулов, ведь наряду с выполнением служебных обязанностей они участвуют в политической работе с подчиненными.

Далее, курс на гласность и демократизацию не мог не коснуться также осужденных и профилактируемых. Более часто и в более категоричной форме высказывают они свои законные, а подчас и незаконные требования, что может привести и порой приводит к групповым неповиновениям, массовым беспорядкам. После недавней амнистии в ИТУ осталась наиболее негативная часть осужденных, которая отрицательно влияет на жизнь и деятельность колоний, провоцирует нарушения режима содержания, неповиновения администрации. Осложнившаяся обстановка на охраняемых объектах требует от личного состава войск высокой бдительности, ответственности, компетентности в принятии решений в зависимости от обстоятельств.

Нужно еще иметь в виду, что отмечаемый в последние годы спад военно-патриотического воспитания части интеллигенции, особенно среди отдельных писателей, поэтов, принизили чувство ответственности, святости гражданского долга перед Родиной у части молодежи, что приходится служить в войска. У ряда военнослужащих, прежде всего из числа городских жителей, отмечаются инфантильность, морально-психологическая, физическая неподготовленность, потребительское отношение к службе, стремление найти теплое местечко, уклониться от выполнения воинского долга. И не случайно нас стали беспокоить факты ослабления бдительности в караулах, снижения требовательности к осужденным, нарушающим установленный режим отбывания наказания. Следовательно, нам надо чаще вести с подчиненными разговор об истории и героях войск, о святости поста, неприкосновенности часового, бдительности, неподкупности.

Трибуна политработника

Наконец, появившиеся в центральной печати материалы о некоторых негативных случаях, происшедших во внутренних войсках, формируют у призывников отрицательное представление о них и соответствующее отношение к службе в наших частях. В противовес таким публикациям положительную роль несомненно сыграли интервью начальника внутренних войск генерал-полковника Ю. Шаталина и члена Военного совета — начальника Политуправления войск генерал-майора А. Гренико в газетах «Правда» и «Красная звезда», выступление по радио начальника штаба войск генерал-лейтенанта В. Дубиняка.

Разумеется, перечислены далеко не все особенности, влияющие на содержание политической работы. Да и жизнь не стоит на месте, нередко возникают непредвиденные ситуации. К примеру, недавние события в Закавказье и Прибалтике заставили нас по-иному взглянуть на интернациональный состав караулов.

Теперь — о непосредственной организации политической работы на боевой службе. Думаю, что здесь у нас есть определенный опыт, хотелось бы на некоторых вопросах остановиться.

Мы не забываем, что подготовка к несению боевой службы начинается еще с учебного сбора, с первых шагов молодого солдата в армейской среде.

Совместная работа политотдельцев и офицеров учебного сбора дает хорошие результаты: большинство молодых солдат впоследствии успешно адаптируется к боевой службе в подразделениях, а о наших первоначальных выводах и наблюдениях мы информируем командиров, политработников подразделений. По прибытии новичков в подразделения ротные политработники продолжают изучать их деловые и организаторские качества, давая различные поручения. Учитывают также национальный состав роты, с тем чтобы активист мог поговорить на родном языке со своими земляками, призванными, скажем, из среднеазиатских или других республик.

Во всех подразделениях у нас по-

добрана соответствующая учебная и политическая литература, используемая активом в караулах. Специальные портфели комплектуются свежими газетами, бланками «молний», боевых листов, наборами карандашей, фломастеров и т. д. Там же хранятся памятки с обязанностями начальника караула, комсорга, агитатора, редактора боевого листа по проведению политической работы в карауле.

Однако не все зависит от политработников части. Мы считаем, что есть необходимость пересмотреть памятки начальнику караула, активу с учетом сегодняшних требований к организации политической работы, предусмотрев в них место и роль командира, политработника подразделения, проверяющего офицера (прапорщика). Нуждается в переработке и памятка-наказ «Заступающему на боевую службу часовым». Думаю, что в нее нужно внести положение о новых подходах к исправительно-трудовой политике, о причастности каждого военнослужащего войск к ее претворению в жизнь, ввести раздел о мерах безопасности при обращении с оружием, об уголовной ответственности за нарушение правил караульной службы.

Может быть, пора уже подумать над тем, чтобы централизованно издать методiku оформления в карауле комнаты психологической разгрузки, изыскать возможности и источники обеспечения подразделений для этих целей соответствующим инвентарем, стендами и т. д.

Улучшение политической работы мы связываем прежде всего с повышением активности политработников, актива караула. Практика наших передовых подразделений показывает, что политработник в течение суток 2—3 часа должен находиться в карауле.

Подполковник В. ЕНЯГИН,
начальник политотдела части.

*Оршанско-Хинганское
Краснознаменное Центральное УВВ.*

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда материал готовился к печати, автор был переведен на новое место службы с повышением.

Примеры целеустремленной деятельности дозорных по профилактике негативных явлений не единичны. Вот, кажется, ни для кого не ново требование начальника войск о строгом соблюдении штатной дисциплины. Однако ряд должностных лиц отступает от него. Это подтвердили и результаты рейда, проведенного с участием прапорщика А. Мулдашева: около двух десятков военнослужащих выполняли обязанности писарей, делопроизводителей, чертежников и т. д. Так как они незаконно освобождались от несения боевой службы, то, естественно, нагрузка на других значительно возрастала, тем самым порождалась недовольство в коллективе, в нем создавалась нездоровая нравственная атмосфера.

Народные контролеры проверили, как выполняют служебные обязанности ротные писари. Оказалось, что возложенный на них объем работы значительно занижен, и особенно у военнослужащих-женщин. Практически они успевают все сделать за 2—3 часа, остальное служебное время занимались личными делами. В помощь старшине роты выделялся дополнительно солдат для выполнения различных хозяйственных работ.

Успехи народных контролеров во многом определяются тем, что они действуют в условиях перестройки, расширения гласности и демократии, смелее опираются на массы военнослужащих, воинские коллективы. Только в прошлом году в рейдах и проверках, кроме дозорных, приняло участие большое число военнослужащих, рабочих и служащих, специалистов, представителей солдатской общественности. В соответствии с предоставленными им правами дозорные заметно повысили спрос с должностных лиц, допускающих халатность в работе. Принципиальнее стали требовать и с тех народных контролеров, кто еще пассивен, инертен. Расширяется практика персональных оценок. Они даются на семинарах и совещаниях групп, собраниях постов народного контроля. По опыту партийных организаций практикуются отчеты дозорных о личном вкладе в перестройку.

Отмечая все положительное в деятельности комитетов, групп и постов народного контроля, следует сказать, что далеко не во всех еще частях и подразделениях они работают с полной отдачей. В целом перестройка в их рядах идет пока медленно, решительного усиления влияния на состояние дел не видно. Не всегда их проверки дают практическую пользу. Несмотря на то, что количество рейдов и проверок в прошедшем году в сравнении с предыдущим возросло, шестьдесят процентов их оказалось малодейственными. Нередко подготовка дозорных проводится наспех, неглубоко, а рейды организуются лишь для составления акта. Именно так работала группа НК, которую возглавлял майор Ц. Бадаров. И правильно поступили в коллективе, выразив ему недоверие и отозвав из состава группы.

Узкое место НК — невысокая принципиальность его членов. Потому-то причины выявляемых недостатков устраняются медленно, а их предпосылки продолжают оставаться. Свидетельство тому — случаи бес-

хозяйственности, хищений, недостач, утрат материальных и денежных средств, в основном вскрытые в период ревизий, приема-передачи и должностным контролем.

АНАЛИЗ ПОКАЗЫВАЕТ: наиболее часто утраты имущества происходят в подразделениях, однако посты НК из-за низкой квалификации дозорных, слабого руководства ими и служебной зависимости от должностных лиц, допускающих бесхозяйственность и хищения, плохо вели профилактику негативных явлений.

Органы народного контроля редко интересуются парковой службой, техническим состоянием транспорта и его контроля на линии. Тем самым они слабо помогают командирам, должностным лицам в предупреждении дорожно-транспортных происшествий, которые в ряде мест не сокращаются. Еще не везде дозорные заняли активную позицию в вопросах заботы о здоровье военнослужащих. А ведь, к примеру, при проверке причин группового заболевания курсантов одного из училищ были вскрыты грубые нарушения санитарного содержания помещений, технологии обработки продуктов и приготовления пищи. Однако до этого случая народные контролеры, как и должностные лица, такой проблемой практически не занимались.

Весьма робко общественные контролеры вникают в совершенствование учебно-материальной базы, ее содержание и использование в интересах обучения личного состава. В большинстве частей Приволжского УВВ, УВВ по Северному Кавказу и Закавказью рейды и проверки по этим вопросам не проводились.

Упущения и недостатки в работе НК можно объяснить тем, что отдельные командиры, политорганы, партийные организации еще поверхностно руководят общественными дозорными, не в полной мере реализуют резервы усиления проверки исполнения, предупреждения недочетов, не всегда сосредоточивают их внимание на наиболее злободневных проблемах. Принижена роль коммунистов за работу в органах народного контроля. В истекшем году только каждый третий из их числа заслужив в парт-организации. Не стало еще твердым правилом комитетов и групп НК предварительно оповещать должностных лиц и воинские коллективы по основным вопросам предстоящих проверок. Редко проводятся заседания по итогам рейдов с выездом на место. Без особой надобности, например, председатель комитета народного контроля офицер Ф. Грибань «озадачивает» группы, прямо рекомендует им провести несколько проверок в месяц. Тем самым сковывает их инициативу, порождает ненужные бумаги. К тому же и выполнение этих указаний слабо контролируется.

Не используются многие возможности для расширения гласности деятельности дозорных. Именно отсутствие гласности контроля, слабая связь с воинскими коллективами являются одной из причин того, что в отдельных комитетах и группах народного контроля редко поступают сигналы, заявления и другая информация от личного состава.

Полковник А. МАЛАШОНОВ

СТЕПЕНЬ НАПРЯЖЕНИЯ

О важности практической направленности боевой учебы размышляет офицер-интернационалист, кавалер ордена Красной Звезды и афганского ордена Славы подполковник П. ДЗАРАГАЗОВ.

За годы службы не раз становился свидетелем того, как иные офицеры усердно прививают подчиненным «любовь к учебному классу». Допускаю, что имеет изъясны структура обучения, которая предусматривает, на мой взгляд, слишком много «сидячих» занятий. Но чем объяснить то, что отдельные офицеры даже чисто практические темы ухитряются отрабатывать, не покидая пределов подразделения? Явление это распространенное и довольно живучее. Начинаешь выяснять причины такого отношения к учебному времени, убеждать в пользе переноса занятий на практическую почву, а по глазам руководителя видишь: не встречает это особого энтузиазма. Конечно, в классе проще—летом не жарко, зимой не холодно, в общем, тишь да благодать. Да и легче давать пояснения на пальцах, чем тщательно готовить практическое занятие, «выжимать» из него все, что оно способно дать, штудировать специальную литературу и военную периодику, внести продиктованные временем коррективы в планы, ставшие стереотипами.

Это наводит на мысль о профессиональной лени некоторых офицеров. Подобное отношение к учебе им не кажется странным, не вызывает особой тревоги: ну есть послабление, не без этого. Но ведь подразделение справляется со стоящими задачами, что еще желать?

А надо смотреть дальше сегодняшнего дня, не успокаиваться на том, что, мол, на постах все спокойно. Ведь сколько раз бывало: порой стоит усложниться обстановке — и солдат теряется, оказывается неподготовленным. На всех уровнях мы признаем важность совершенствования боевой учебы, но тем не менее принцип «учить войска тому, что необходимо для выполнения служебно-боевых задач как в мирное, так и военное время» нередко звучит чисто декларативно. На практике личный состав иных подразделений больше учится тому, чтобы успешно сдать итоговую проверку. И программа подготовки солдата, которая, надо признать, в последнее время, хотя и меняется к лучшему, все же нередко сужается командирами до программы предстоящего экзамена.

А ведь важно не только, скажем, научить солдата метко стрелять, но и чувствовать себя уверенно в любой обстановке.

О какой выучке может идти речь, если

военнослужащего охватывает чувство растерянности: как, скажем, зимой, в мороз, заночевать в поле? Если он не подготовлен к длительному пребыванию в средствах защиты? Не умеет ориентироваться в лесу или тайге и маскироваться? Может сложиться так, что солдатам надо не только расположиться и обустроиться в поле, но и выполнить поставленную задачу. В учебном классе этому не научишься. К тому же где, как не в условиях, близких к реальным, помимо физической и моральной закалки рождается психологическая совместимость военнослужащих, действующих в составе малых групп. И правильно поступают те командиры, которые проводят занятия в поле при любой погоде, используя при этом элементы разумного риска, неожиданные вводные.

Но, к сожалению, не все. Как-то в подразделении капитана А. Пышко довелось увидеть, что солдаты на полевых занятиях действовали вяло, без особого напряжения. Ни физически, ни психологически люди не ощущали себя бойцами.

Как тут не задаться вопросом: зачем люди вышли в поле? Конечно же, для того, чтобы учиться побеждать условного противника. Но в землю от него надо зарываться реально, а не на штык лопаты. И передвигаться по полю необходимо отнюдь не пешком. Польза от учебы будет тогда, когда на всех этапах занятий солдату действительно будет трудно, когда он попадет в обстановку, максимально близкую к настоящей фронтовой круговерти событий. Вот где проверяются закалка, знания и навыки.

Что же мешало максимально приблизить учебу личного состава к реальным условиям? Никаких объективных причин для этого нет. Все упирается в отношение офицеров к делу. Нет в подразделении неудовлетворенности достигнутым, которая присуща людям неравнодушным, ищущим. Таким, к примеру, как командир отличной роты капитан А. Жигулич.

Офицер требует от подчиненных с большей ответственностью относиться к занятиям, причем упор делать на полевые. И это требование выполняется. Особо отмечает он командира взвода старшего лейтенанта Ш. Комбаева. Методически грамотный, подготовленный офицер, он умело опирается в своей работе на сержантов. Занятия

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ

он проводит в комплексе. Сначала — проверка боеготовности. Для этого подается сигнал сбора. Затем взвод следует до тактического поля бегом или ускоренным шагом. Поле — в трех километрах от военного городка: хорошая попутная тренировка по физической подготовке. Одновременно идет отработка нормативов по ЗОМП, вводных по тактической подготовке внутренних войск.

И вот личный состав прибыл на тактическое поле. Организованное начало определяет и дальнейший настрой воинов, и ход урока в целом. Заранее подготовлены и проинструктированы младшие командиры, потому и действуют четко и уверенно. Накануне поставлены и задачи военнослужащим, действующим в роли условного противника. С криком «ура» они стараются как можно быстрее преодолеть расстояние до первой траншеи противника. Активно используются имитационные средства. Краткая остановка, корректировка действий — и снова в бой. Пусть он учебный, но ведется в хорошем темпе, а значит, закалит личный состав физически и психологически. Военнослужащие с удовлетворением воспринимают такие занятия, стремятся выполнить поставленные задачи.

Пример старшего лейтенанта Комбаева привлекает отнюдь не внешняя, так сказать, эффектная сторона боевой учебы. И это правильно. Неоднократно приходилось наблюдать, когда руководитель думает не о качестве учебы, а о том, как бы угодить проверяющему, «покрасивее» обставить занятие. Иные вообще выходят в поле с легкостью необыкновенной, не подкрепляя урок ни организационно, ни методически. Много времени уходит на второстепенные вопросы.

Пример Комбаева заслуживает внимания. Но и этот передовой офицер, командир отличного взвода, упускает из виду немало. Умеет, например, его подчиненный оказать первую медицинскую помощь (как показывает горький опыт, в войсках эта проблема стоит остро)? Знает ли офицер о том, как поведут себя солдаты на занятиях, если создать шумовой эффект боя?

Разумеется, перед другими воинскими коллективами и их командирами вопросов можно поставить еще больше. Если у Комбаева подчиненные прибавляют в боевом мастерстве, то в иных подразделениях этого не происходит. Отдельные считают: выйти в поле — это значит уже решить задачу.

Многое упирается в методическое и профессиональное мастерство руководителя занятий. Как его повысить? Руководство части в последнее время пересмотрело отношение к командирской подготовке, ей придано больше конкретности, практической направленности. Первые же занятия показали, что некоторые офицеры не могут настроить радиостанцию, управлять подразделением по радио, имеют слабые навыки практического использования радиосредств. Не буду кивать на военные училища: мол, недостаточно внимания там уделяется изучению средств связи. Поправить положение дел должны мы, руководители. И пусть лучше офицер на тренировке раз-другой получит двойку, зато по-

том не растеряется, будет действовать правильно.

Примерно такая же картина и в работе на картах. Многие ли из нас могут определить свое местонахождение, закодировать его, принять грамотное решение по карте, четко доложить о нем старшему начальнику? Все это необходимо отбатывать на местности. Тогда занятия будут носить практический характер, приносить конкретную пользу. Думается, есть смысл возвратиться к практике отработки отдельных тем на реальных объектах, а не на приказарменной учебно-материальной базе.

Один из факторов роста профессиональной подготовки офицеров ротного звена — изучение и распространение опыта лучших методистов. В части есть у кого поучиться. И важно отобрать все ценное, передовое, сделать его общим достоянием. Уже говорилось об опыте командира отличного взвода старшего лейтенанта Ш. Комбаева. На хорошем уровне проводят занятия и другие молодые офицеры, в частности, старшие лейтенанты К. Холдаенко, И. Милых, лейтенант В. Богачук. Они умело вырабатывают у подчиненных навыки действий в условиях жесткого лимита времени, повышенной физической и психологической нагрузки. Учебные вопросы стараются отбатывать в комплексе, продуктивно используя учебно-материальную базу. К слову, назрела необходимость разработать несколько комплексных задач, а может быть, сделать их главными в процессе обучения.

Сама жизнь заставила нас повернуться в сторону практической направленности в командирской подготовке офицеров ротного звена. Более активную позицию стали занимать офицеры штаба, усилив спрос и с себя, и с руководителей занятий за четкую организацию учебного процесса, строгое соблюдение учебной дисциплины, мер безопасности. Именно такой подход позволяет выдерживать курс на интенсификацию боевой подготовки.

Насколько злободневна именно такая постановка вопроса, показали и события в Закавказье. Если командир был способен принимать самостоятельные решения, грамотно руководить подразделением, а подчиненные, в свою очередь, подготовлены к выполнению задач в любой обстановке, тогда воинский коллектив оказывался на высоте положения. Добавлю, что опыт Афганистана, а также действий войск в Закавказье, Чернобыле и других регионах должен найти более широкое отражение в документах, регламентирующих боевую подготовку.

Время нынче строгое, требовательное. Партия решительно борется против всего рутинного, отжившего, устаревшего — будь то организационная форма или взгляд на проблему. Эти слова каждому необходимо отнести прежде всего к самому себе, искать неиспользованные резервы в деле, за которое лично отвечаешь. Это позволит повысить КПД занятий, их конкретность, практическую направленность, боевое напряжение.

**Оршанско-Хияганское Краснознаменное
Центральное УВВ**

Руку, новичок!

УЧЕБНЫЙ СБОР по подготовке молодых солдат, как мы тщательно ни готовились к нему, преподнес сюрпризы: в одном взводе долго не складывался моральный климат, в другом — младшие командиры проявили непонятное равнодушие к новичкам, в третьем — скомпрометировал себя неправильными действиями сержант... И многие беды шли от неопытности сержантского состава, его слабой подготовленности.

Сегодня вряд ли кто доволен существующей методикой отбора молодежи в учебное подразделение по подготовке младших командиров, однако уйти от нее не так-то просто. Направляться туда должны военнослужащие с отличным здоровьем и соответствующим образованием, в частности те, кто уверенно говорит и читает по-русски. Но таких, как подтверждает практика, подбирается процентов восемьдесят от требуемого количества... Да и на изучение отобранных военнослужащих обычно остается не более 4—5 суток... Вот откуда среди будущих младших командиров оказывается немало тех, кто не только не обладает необходимыми качествами, но даже и не изъявлял желания быть сержантом, но стал им, так сказать, по разнарядке...

А не целесообразно ли присваивать сержантское звание лишь после практической работы военнослужащего в должности командира отделения на учебном сборе? Разве реально требовать от выпускников учебных подразделений, чтобы они как сержанты были подготовлены во всех отношениях? О каких командирских навыках может идти речь? Умение работать с людьми приобретает только на практике. Это аксиома. И всякий офицер знает, что молодой сержант начинает чувствовать себя более-менее ко-

183
мандиром лишь где-то через месяц по прибытии в часть. Именно в этот период и можно присмотреться, получится из него младший командир или нет.

Почему мы об этом говорим с тревогой? Потому что требования к сержантам неизменно растут.

Учитывая все это, мы во время очередного учебного сбора провели встречу выпускников учебной части, будущих командиров отделений, с уже бывальными сержантами, увольняющимися в запас. Делясь опытом, те акцентировали внимание на том, почему не всем молодым сержантам удается поддерживать правильные взаимоотношения с подчиненными. Причина — поверхностное знание людей, неверие в их способности и возможности.

Разговор получился непринужденный, полезный. Приводилось немало примеров, как отрицательно влияют на молодежь бестактность, высокомерие, несправедливость. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы уже на учебном сборе младшие командиры были приветливы с новичками, с первых дней проявляли о них не мнимую, а реальную заботу.

Но тут возникает другой, чрезвычайно важный вопрос: всегда ли для этого есть условия? Все руководящие приказы и директивы требуют при организации учебных сборов выделять для молодых солдат все самое хорошее, новое. Но какими нормами довольствия это предусмотрено? Одежда, матрасы, подушки, кровати, тумбочки, табуретки — все, как правило, неоднократно отремонтированное и лучше от этого, естественно, не ставшее... На такой изношенной и неприглядной материальной базе вряд ли можно добиться образцового воинского порядка.

Опыт показывает, что хороших результатов добиваются те офицеры, которые умело прививают новичкам практические навыки в соблюдении уставов. Приведу в качестве примера командира учебной роты лейтенанта Р. Зулкарняева.

Чтобы обеспечить точное выполнение каждым подчиненным требований устава, он воздействует на солдат испытанным средством —

высокой повседневной требовательностью, воспитывая у них исполнительность, организованность, волю, привычку точно соблюдать правила воинского порядка и дисциплины. Но требовательность, по его мнению, должна быть разумна и справедлива: это не окрик, не поучение людей и вообще, и по всякому поводу. Она должна быть конкретной, четко выраженной и никоим образом не унижать личного достоинства воина. Если бы каждый командир поступал так! А то ведь в практике то и дело встречаются факты, когда требовательность подменяется хамством и грубостью. С подобным злом в одиночку не справиться. Значит, на учебном сборе должно создаваться общественное мнение, осуждающее этот порок. И комсомол, и партийная организация обязаны сделать все, чтобы молодой солдат убил после сбора в подразделение, не пораженный пороком неуставных взаимоотношений. В роте Зулькарняева именно такая была обстановка. Один сержант признался: «Если честно, то ни обругать, ни «зажать» нельзя было...» Это говорит о том, что подобная, скажем так, дикая психология — «зажать», «подавить», «выбить дурь из головы» — к сожалению, явление весьма распространенное.

На учебном сборе должна быть создана благодатная почва для воспитания у юношей чувства собственного достоинства, непримиримости к отрицательным явлениям. Но порой приходится сталкиваться вот с чем. Обидают солдата случайно или нарочно, а он молчит, никому ни слова. Почему? Во-первых, потому что с малых лет ему твердили, что жаловаться нехорошо, прослы-вешь ябедой. В школе сказал о недостатках — выскочка! Не промолчал о неблагоприятном поступке товарища — стукан! И вот, воспитанный в таком духе, он попадает в воинский коллектив (к тому же заранее запуганный рассказами «бывалых» служак и многочисленными негативными публикациями об армии в печати). И получается: либо надо драться, защищая свое достоинство, либо молча глотать обиды, чтобы потом самому отыгаться на молодых.

Во-вторых, новички, по правде говоря, часто просто не знают сути неуставных взаимоотношений, думают, раз на них «шумят», значит, так и положено. И офицеры учебного сбора не всегда предпринимает усилия для формирования с первого дня дружной боевой семьи с присущим ей духом братства, солидарности, уважения и взаимной помощи. Многие полагают, что об этом, мол, предстоит думать в линейном подразделении. Неверно. Приучать людей к здоровой нравственной атмосфере, благожелательности надо именно с учебного сбора. И еще. Приветливо встретив молодое пополнение, офицеры, как правило, воспитательную функцию часто подменяют чисто учебной: политзанятия ради политучебы, боевая подготовка — ради боевой, а воспитание вроде бы дело само собой разумеющееся...

Учебный сбор — воинский коллектив. Здесь каждый человек на виду со всеми своими достоинствами и недостатками. Всегда привлекают внимание парни честные, открытые, простые в отношениях. Они тянутся к другим, таким же принципиальным, порядочным, скромным и отзывчивым. Нам импонируют такие новички. С черствыми же, кичливыми, грубыми, вызывающими неуважение, неприязнь и работать не хочется. Но ведь надо! И приходится контролировать себя, управлять эмоциями, гася вспыльчивость и раздражительность.

Напутствуя сержантов и офицеров перед встречей с прибывающим пополнением, я обращаю их внимание на самое необходимое качество в нашей работе — на терпение. Без этого, уверен, невозможно добиться каких бы то ни было положительных результатов.

Каждый, кому поручена работа с молодым пополнением, обязан использовать все методы и приемы, чтобы между ним и прибывшими не возникла перегородка недоверия. Умей протянуть руку новичку и тогда увидишь, что он тоже потянется к тебе.

Майор В. СОНИНСКИЙ.

Приволжское УВВ.

Воспитательная роль соревнования

ЦЕЛЬЮ ИЗУЧЕНИЯ данного материала является раскрытие ленинских принципов организации социалистического соревнования, последовательной линии КПСС на всемерное его развитие и углубление, обоснование воспитательных возможностей соревнования и определение путей и основных направлений работы по их использованию в деле формирования у воинов высоких морально-политических и психологических качеств. Занятие целесообразно провести дискуссионно-семинарским методом.

Статью рекомендуется использовать при организации классно-групповых занятий с офицерами по теме «Воспитательные возможности боевой подготовки и социалистического соревнования, их использование в интересах укрепления воинской дисциплины», а также при подготовке к политзанятиям по теме «Социалистическое соревнование во внутренних войсках МВД СССР».

Для обсуждения рекомендуется поставить следующие вопросы:

1. В. И. Ленин, КПСС о сущности и задачах социалистического соревнования.

2. Воспитательная функция социалистического соревнования в условиях внутренних войск.

3. Задачи офицеров по использованию воспитательных возможностей боевой подготовки, социалистического соревнования в интересах укрепления воинской дисциплины.

Во вступительной части руководителю важно отметить, что 1989 год является особенным годом в истории развития социалистического соревнования. В январе исполнилось 60 лет со дня опубликования широко известной статьи В. И. Ленина «Как организовать соревнование?», в которой делается вывод, что подлинное сотрудничество и взаимопомощь возможны только при социализме. Поставленные Владимиром Ильичем задачи по развитию этого массового движения имели большое значение для строительства социализма. Это проявилось в ударничестве, стахановском движении, боевом социалистическом соревновании.

Первыми комсомольцы Ленинграда, за ними все трудящиеся Страны Советов включились в соревнование. А 29 апреля

1929 года XVI партийная конференция приняла Обращение о развертывании в стране массового социалистического соревнования.

Верная ленинским заветам, КПСС, взяв курс на коренное обновление советского общества, придает исключительно важное значение социалистическому соревнованию трудящихся. Неуклонное возрастание социальной активности советских людей сегодня выступает как важнейший инструмент совершенствования социализма.

При рассмотрении первого вопроса целесообразно сосредоточить внимание слушателей на огромном идейно-теоретическом наследии В. И. Ленина по вопросам социалистического соревнования. С момента своего зарождения это движение трудящихся, как и предвидел Владимир Ильич, стало работать на социалистическое строительство. Вот почему организация соревнования рассматривается В. И. Лениным как государственная задача. В ленинских работах «Очередные задачи Советской власти», «Великий почин» отмечены, в частности, такие задачи соревнования, как создание новой организации и новой социалистической дисциплины труда, повышение производительности труда как самого важного, самого главного условия для победы нового общественного строя, налаживание учета и контроля в деле производства и распределения продуктов, переход к высшей технике, экономия труда и продуктов, постоянное сокращение рабочего дня. Все они имели большое значение для экономического развития, означали «возможность нахождения наиболее правильного, наиболее экономного пути к реорганизации экономического строя России» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч.—Т. 36.—С. 152).

На основе обобщения опыта первых лет социалистического строительства В. И. Ленин в своих трудах периода 1917 — 1923 годов сформулировал принципы организации соревнования. В первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти» он отмечал: «Нам остается теперь только организовать соревнование...» (Т. 36.—С. 152). И далее поясняет, как это сделать на основе принципов гласности, сравнимости ре-

РУКОВОДИТЕЛЯМ ГРУПП ПОЛИТЗАНЯТИЙ

зультатов, возможности практического повторения передового опыта.

Гласность соревнования, по В. И. Ленину, предполагает широкую взаимную информацию трудящихся о принятых обязательствах, о ходе их выполнения, формах поощрения победителей, передовом опыте. Владимир Ильич писал, что введение гласности в этой области само по себе будет уже громадной реформой и послужит привлечению широких народных масс к самостоятельному участию в решении этих вопросов, все более затрагивающих массы.

Из гласности социалистического соревнования вытекает и второй его важнейший принцип—сравнимость результатов,—который позволяет поддерживать творческий дух соревнующихся, анализировать пути достижения успехов, вскрывать причины недостатков. В. И. Ленин учил поставить дело так, чтобы сравнение итогов было предметом общего интереса и изучения того, «как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать...» (Т. 36.—С. 192).

Возможность практического повторения передового опыта — третий важнейший принцип. Сила социалистического соревнования и состоит в том, что она дает возможность повторения опыта другими, превращения почина в движение широких масс. «Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает — ибо только практика может выработать — наилучшие приемы и средства борьбы» (Т. 35.—С. 204).

Сегодня значение социалистического соревнования обусловлено тем, что в нем достигается органическое сочетание борьбы за высшую производительность труда с коммунистическим воспитанием, нравственным совершенствованием советских людей. Оно ускоряет процесс формирования новых общественных отношений, способствует укреплению трудовых коллективов.

Есть основание говорить и о том, что после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции социалистическое соревнование, как и все сферы, подверглось перестройке и наполнилось новым содержанием, концентрируя в себе все лучшее, что было выработано его практикой на всех предшествующих этапах.

Нынешний год—это год дальнейшего обновления социалистического соревнования, перевода его на рельсы творческого поиска, проявления высокой социальной активности каждого труженика и война, решительного избавления от показухи, надуманных форм его организации.

СУТЬ СОРЕВНОВАНИЯ в пору демократизации, гласности, критического осмысления достигнутого состоит в том, чтобы в каждом воинском кол-

лективе с его помощью создать высокую политическую и нравственно-психологическую обстановку, в которой человек в полной мере может проявить смелый почин. Словом, речь идет о том, чтобы решительно развязать инициативу людей.

Перестройка в соревновании начинается с обязательств. Там, где они ни к чему не обязывают, нет состязательности, товарищеской взаимопомощи. Не по этой ли причине некоторые подразделения не могут подняться выше посредственных результатов?

Перестройка в соревновании, контроль за его ходом — это спрос по большому счету с организаторов, это научный подход к соревнованию.

Перестройка в соревновании—это внедрение общественной защиты социалистических обязательств, практика которой широко утверждается в передовых воинских коллективах.

Перестройка в соревновании—это работа о создании условий для успешного выполнения взятых обязательств. Тут все важно: соблюдение распорядка дня, организация процесса боевой службы и учебы людей, материально-техническая обеспеченность личного состава.

Перестройка в соревновании—это активизация человеческого фактора, которая проявляется в конкретных делах военнослужащих, их отношении к боевой службе, освоению программы боевой и политической подготовки. Обстановка высокой нравственности, взаимной товарищеской поддержки в коллективе — вот неперемное условие выполнения обязательств каждым воином. При этом важную роль приобретает непримиримость к неуставным взаимоотношениям, грубости, оскорблению человеческого достоинства.

Перестройка в соревновании немыслима без творческого подхода к использованию морального стимулирования отличившихся, тесно связана с воспитанием людей на положительных примерах.

В связи с этим следует разъяснить слушателям, что в развернувшемся в войсках социалистическом соревновании главное состоит в том, чтобы направить работу командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций на практическую реализацию девиза соревнования «Зорко стоять на страже государственных интересов, надежно защищать конституционные права советских людей!», активное участие всех военнослужащих в революционном процессе перестройки, достижение высокой боевой готовности соединений и частей, надежности охраны объектов, качества выучки войск, экономного расходования материальных и денежных средств.

Переходя ко второму вопросу, пропагандист, прежде чем предоставить слово слушателям и дать им возможность обменяться мнениями по данной проблеме, особый акцент делает на разъяснение воспитательного характера соревнования.

Сама сущность социалистического соревнования заключена в полном раскрытии, реализации человеком, коллективом всех своих способностей в форме состязания и соперничестве, основанных на сотрудничестве и товарищеской взаимопомощи.

Социалистическое соревнование в армии представляет собой специфическую форму воинской деятельности, выражающуюся в дружном состязании, товарищеском соперничестве воинов и воинских коллективов в интересах всемерного повышения боеготовности и боеспособности частей и подразделений, высококачественного выполнения стоящих перед Вооруженными Силами задач и всестороннего воспитания воинов.

Реализуется деятельная сущность соревнования в условиях воинских коллективов посредством своих основных функций. Первая основная функция — это развитие социальной активности воинов и воинских коллективов во всех сферах их жизнедеятельности во имя решения всего комплекса задач, стоящих перед внутренними войсками. Вторая функция — социально-воспитательная.

Функция развития социальной активности воинов и воинских коллективов проявляется во всех сферах их жизнедеятельности. Она позволяет всемерно повышать боевую готовность частей и подразделений, совершенствовать всю систему боевой и политической подготовки, ибо в высокой трудовой и общественно-политической активности советских воинов, как в фокусе, сходятся их сознательность, ответственное отношение к интересам общества, постоянная забота о защите Отечества, готовность до конца отстаивать великие завоевания трудящихся нашей страны и всего социалистического содружества.

В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ неуклонно усиливается и социально-воспитательная функция социалистического соревнования во внутренних войсках. Являясь объективным процессом, выражающим творческие отношения между людьми в ходе совместной деятельности, эта функция наиболее полно реализует органическую потребность человека проявить себя, свои способности, талант и мастерство, побуждает каждого его участника формировать и совершенствовать свои знания и взгляды, морально-политические качества, товарищеские отношения между людьми. Коллективный характер современного оружия требует высшей степени совершенства боевого мастера каждого специалиста и сознания им величайшей ответственности за четкое выполнение своих обязанностей. Вот почему, как ни велико значение техники, только человек, обладающий, наряду с отличными военными, специальными знаниями, физической закалкой, еще и высокими нравственными качествами, —

только такой человек способен с наибольшей эффективностью эксплуатировать эту технику.

Мерой нравственной зрелости отличника, победителя соревнования выступает сознательное выполнение обязательств с максимальным проявлением всех своих способностей, правдивость во всем, что связано с решением конкретных задач, анализом результатов состязания, скромность, желание помочь сослуживцам в достижении значимых результатов в боевой службе, учебе. Для развития коллективизма, взаимного уважения большое значение приобретают также борьба военнослужащих за высокую культуру поведения, за преодоление недостатков в своем характере, стремление быть принципиальным, выдержанным, кристально чистым в мыслях и чувствах.

Иной раз при определении обязательств некоторые молодые солдаты, не зная сути соревнования по морально-этическим нормам, пытаются записать в свои планы такой пункт: не совершать проступки. Командир, коммунисты и комсомольцы призваны разъяснить этим товарищам, что такой подход к соревнованию неверный, упрощенный. Нельзя брать подобные обязательства, ибо заранее речь идет о недопущении проступков, которые аморальны, чужды требованиям советской воинской дисциплины.

Для все более широких масс воинов соревнование становится замечательной школой воспитания, формирования высоких нравственных качеств. Эти качества, превращаясь в материальную силу, обеспечивают неуклонное укрепление сознательной воинской дисциплины, дальнейшее повышение боевой готовности подразделений. Примечательно, что, наряду с соперничеством в овладении программой боевой и политической подготовки, во многих частях широко развернуто соревнование по морально-этическим нормам.

При подведении его итогов в одной из частей рота, которой командовал капитан Н. Крюков, была признана лучшей среди других воинских коллективов. Это подразделение непосредственно состязалось с ротой, которую возглавлял капитан В. Овчинников. Соперники имели сравнительно одинаковые результаты в служебно-боевой деятельности. По числу отличников первой была рота Овчинникова, но зато у Крюкова в два раза больше выращено мастеров боевой службы, каждый второй солдат овладел искусством нести боевую службу у пульта управления ТСО (в роте Овчинникова этого добился каждый третий). В подразделении Овчинникова выше было число спортсменов-разрядников, но зато его соперники превосходили соседей по значкистам ВСК (практически почти каждый выполнил нормы Военно-спортивного комплекса). Оба подразделения отличались сплоченностью воинских коллективов, крепкой воинской дисциплиной. Словом, при решении вопроса, кому отдать пальму пер-

венства, было о чем подумать организаторам соревнования в части. Чашу весов в пользу крюковцев перевесила более продуманная организация соперничества по морально-этическим нормам. В роте Овчинникова были случаи, когда лучшими часовыми объявлялись люди, которые не отличались активностью в общественной работе. Один из военнослужащих, поощренных краткосрочным отпуском, после возвращения в роту ослабил свое усердие в учебе и по итогам проверки с трудом получил общую хорошую оценку, хотя до этого был твердым отличником. Подобных «эксцессов» в роте Крюкова не было.

В чем секрет успехов победителя?

Фундаментом прочных нравственных качеств воина здесь выступила высокая идейность, воспитанию которой пристальное внимание уделяли командиры, партийная и комсомольская организации. В огромной степени способствовало упрочению этого фундамента социалистическое соревнование в роте. Дело было поставлено так, что соревнующиеся повысили свою идейно-политическую закалку, нравственно возвысили друг друга.

Вот какие вопросы, например, включают в свои обязательства по соблюдению морально-этических норм воины частей и подразделений внутренних войск: повседневно уделять внимание своей морально-политической, психологической подготовке и физической закалке; строго соблюдать нормы коммунистической морали и этики; борясь за крепкую воинскую дисциплину, обеспечить образцовый внешний вид и строевую подтянутость; на основе войскового товарищества сплачивать воинский коллектив, бороться за честь своего подразделения; умножать боевые традиции внутренних войск, части.

Нравственные отношения, составляющие содержание моральной сферы соревнования, вообще не существуют, если можно так сказать, в чистом виде. Существуют нравственные нормы, требования. В жизни же они как бы накладываются на все дела и поступки человека в форме оценки: добро — зло, справедливо — несправедливо, честно — нечестно. Выполнял воин обязательства, отстрелялся на «отлично», мы оцениваем его действия с точки зрения нравственности: такой человек честно служит, общественные интересы ставит выше личных.

С моральной точки зрения интерес представляет не сама по себе тактическая подготовка внутренних войск, а ее результаты — несение боевой службы, отработка огневых задач, то есть отношение к делу, к товарищам, мотивы, которыми он руководствуется при выполнении задачи. Если при анализе самого процесса боевой службы, как правило, учитывается, как тот или иной воин принимает пост, ведет войсковое наблюдение, отрабатывает норматив, то при анализе моральной функции здесь на первый план выступают явления иного порядка: пове-

дение человека, его поступки, смысл которых выражается оценочными категориями — действовал согласно таблице постам, сделал все, что мог сделать, не уронил честь военнослужащего.

СИЛА СОРЕВНОВАНИЯ в полной мере проявляется и оказывает наибольший эффект тогда, когда при подведении итогов количественные результаты, в которых отражается боевая служба, стрельба, отработка тех или иных упражнений, тесно взаимодействуют и выступают в единстве с нравственным, поведенческим моментом. Именно этот аспект учитывается в роте, которой командовал капитан В. Фролов.

Служили здесь два солдата. Рядовой В. Иванюшкин, в прошлом студент педагогического вуза, соревновался с рядовым В. Борисовым. Первый военнослужащий был более подготовлен в общеобразовательном отношении, более начитан, ему легче давались многие военные дисциплины. И все-таки командир объявил победителем Борисова, потому что тот проявлял больше усердия в учебе. Иванюшкину было разъяснено, что успех ему в учебе достался не за счет старания, а благодаря факторам хорошей общеобразовательной подготовки. С нравственной же стороны высокой оценки заслуживает не просто тот, кто успешно справился с делом, а воин, который достиг той же цели, выполняя обязательства с полной отдачей сил.

Соревнование представляет собой особую форму связи между людьми в процессе воинского труда и реализуется только через сознательную, активную, творческую деятельность личного состава. Именно в совместном труде, повседневном общении, в товарищеском состязании проявляются коллективизм и взаимопомощь, принципиальность и честность, другие черты коммунистической нравственности.

Соревнование способствует формированию и развитию привычки твердо держать слово, выполнять свои обязанности инициативно, творчески, с полной отдачей сил, ставить общественные интересы выше личных, повышению заинтересованности в достижении общего успеха, активности во всех сферах многогранной воинской деятельности.

Пропагандисту важно так построить занятия, чтобы обсуждение третьего вопроса стало предметом пристального изучения состояния работы по организации командирами, политработниками соревнования в подчиненных частях и подразделениях. Нужно постараться довести до каждого слушателя, что реализация воспитательных возможностей боевой подготовки, силы социалистического соревнования в решающей степени зависит от эффективности в работе офицерских кадров, деятельности партийных и комсомольских организаций. Ибо нравственное воздействие состязательности на личность воина и в целом на воинский коллектив

в том и состоит, что оно способствует пробуждению у людей социальной активности, повышению их вклада в общее дело.

Вот почему крайне актуальным является увеличение вклада каждого офицера в дальнейшее развертывание социалистического соревнования, а точнее, в перестройку всего его механизма. В организации соревнования, как известно, накопилось немало наносного, что тормозит его распространение, снижает морально-психологическое воздействие прежде всего на личность соревнующегося. В числе негативных моментов — формализм, пустословие, рапортования. А это всегда отрицательно сказывалось на повышении качества боевой подготовки военнослужащих, их отношении к выполнению служебно-боевых задач, на формировании у воинов высокой нравственности. В былые времена кое-кто грешил лакировкой, а то и откровенным очковитирательством, что, конечно же, просто-напросто подрывало доверие к идее соревнования, а иногда и прямо искажало суть и наносило непоправимый вред всему учебно-воспитательному процессу.

Именно эта обеспокоенность Военного совета и Политуправления выражена в опубликованном во втором номере журнала Обращения к личному составу по случаю развертывания соревнования в 1989 году. Войскам ставится задача закрепить достигнутые рубежи и с еще большим упорством и настойчивостью совершенствовать свое боевое и служебное мастерство, крепить организованность и дисциплину с тем, чтобы достойно выполнять возложенные на них обязанности, обеспечить гарантированную защиту конституционных прав и свобод советских людей.

ДОЛГ КАЖДОГО ОФИЦЕРА — довести до сознания воинов содержание этого Обращения, чтобы каждый из них проникся мыслью, что нынешний этап соревнования — это время активного претворения в жизнь решений XIX Всесоюзной партийной конференции, проверка политической зрелости, желания и стремления каждого внести свой вклад в перестройку, в укрепление оборонного могущества нашей Родины, повышение авторитета внутренних войск.

Существенны и изменения в самой структуре организации соревнования. По итогам полугодия и 1989 года теперь в каждом управлении будет определена часть — победитель соревнования по каждому виду служебной деятельности. Из их числа на основе объективных показателей в службе, учебе людей, а также результатов проверки к 20 ноября 1989 года Военный совет определит лучшие в войсках воинские коллективы, которые и будут объявлены победителями социалистического соревнования.

Отражая социально-экономическое и общественно-политическое содержание ратного труда, соревнование развивает у воинов внутреннюю потребность в безупречном выполнении служебного долга, в

обмене опытом и знаниями, в бескорыстной помощи товарищам, способствует искоренению индивидуализма и эгоизма, словом, является действенным инструментом воспитания личного состава.

Именно в здоровом соперничестве, в стремлении быть лучше других, не отставать и тем самым принести пользу общему делу заключены богатейшие воспитательные возможности социалистического соревнования.

В заключение обсуждения поставленных вопросов пропагандисту целесообразно сделать вывод о том, что социалистическое соревнование превратилось ныне в массовое, всенародное патриотическое движение. Если в частях и подразделениях правильно понимают роль идейно-воспитательной функции соревнования, если политорганы, партийные организации ищут новые формы и средства ее развития и применения, то задачи боевой службы выполняются образцово, сполна и успешно отрабатываются программы боевой и политической подготовки. В таком подразделении царит здоровая моральная атмосфера.

На занятии по данной теме рекомендуется заслушать реферат «Ленинские принципы организации социалистического соревнования и их претворение в деятельности КПСС в современных условиях».

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Полн. собр. соч. — Т. 35. — С. 195 — 205.

Ленин В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 152 — 153.

Ленин В. И. Великий почин. // Полн. собр. соч. — Т. 39. — С. 1 — 29.

Ленин В. И. Тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта. // Полн. собр. соч. — Т. 38. — С. 271 — 274.

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. // Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 298 — 318.

Материалы XXVII съезда КПСС. — М.: Политиздат, 1986. — 352 с.

Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 16 июня 1986 г. — М.: Политиздат, 1986. — 63 с.

Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки: Доклад на XIX Всесоюзной конференции КПСС, 28 июня 1988 г. — М.: Политиздат, 1988. — 94 с.

Горбачев М. С. К полномочию Советов и созданию социалистического правового государства: Доклад и заключительное слово на внеочередной сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва 29 ноября — 1 декабря 1988 года. — М.: Политиздат, 1988. — 47 с.

Обращение Военного совета и Политуправления внутренних войск к личному составу. // На боевом посту. — 1988. — № 2. — С. 4—6.

Г. АЛЕКСАНДРОВ.

СЕГОДНЯ МНОГО ДЕБАТОВ ведется вокруг советов ленинских комнат. Одни считают, что само их существование — сплошная формальность. Другие полагают, что формализм кроется в работе этих советов, и прежде всего из-за невнимания к ним политработников, партийных и комсомольских организаций: мол, только повернись к ним лицом, и советы станут жизненно необходимыми. Кто прав? Кто ошибается и в чем? Хочу высказать свои мысли по этому поводу.

Что мы сегодня видим? То, что усилиями политорганов всех рангов ленинская комната подразделения постепенно из святого места превратилась в обыкновенный класс, напичканный всевозможными стендами. Когда не хватало стен, создавались приставные витрины и турникеты. И чего теперь здесь только нет! С портретами членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС соседствуют фотографии отличников боевой службы, боевой и политической подготовки; с диаграммами пятилетних планов — ордена комсомола и вехи боевого пути частей. Обо всем понемножку на наших стендах: от показа облика империализма до ответственности военнослужащего за самовольную отлучку. Как правилр, часть интерьера составляют поцарапанные столы школьного образца, деревянные скамейки или незатейливые стулья. В этом нагромождении наглядной агитации и безвкусной мебели начисто потерялись не только уют и привлекательность, но и, как ни горько, главное содержание этой комнаты, посвященной памяти Владимира Ильича.

А безвкусица, казенщина

КОМНАТА, КУДА СПЕШАТ СОЛДАТЫ

помещения, которое давно уже не жалуют любовью солдаты и сержанты, наложили отпечаток и на отношение к совету ленинской комнаты, ко всей его работе. Ведь как она чаще всего строится? Накануне очередного месяца председатель совета добросовестно переписывает из плана партийно-политической работы, составленного ротным политработником, подходящие мероприятия (тематические вечера, Ленинские чтения, викторины, диспуты и т. п.) в свой план. С той лишь разницей, что фамилии исполнителей — партийных, комсомольских активистов — заменяет членами своего совета. И все.

А на кого ориентирован такой план? Прежде всего на некую обезличенную массу, иначе говоря, «весь личный состав». А ведь яснее ясного — всех вместе военнослужащих у нас просто не собрать: до половины ежедневно заняты на службе. Стало быть, ориентация на «всех» уже изначально формальна.

Мне могут возразить: проводите мероприятия в две очереди. Что ж, правильно. Но уверен, тот, кто не понаслышке знает, скольких дополнительных усилий это стоит, с какими новыми трудностями сопряжено, воздержится от подобных советов.

Еще одна деталь. Абсолютное большинство наших ленинских комнат настолько

малы, что не могут вместить в себя больше двадцати-тридцати человек. И вопрос возникает сам собой: «Каким реально может здесь быть объект нашего воспитательного воздействия? Взвод? Отделение?» А прибавьте к нему и такой: «Как сделать ленинскую комнату притягательной, способной вытащить людей из «каптерок» и «курилок»? И вот она — серьезная проблема.

В подразделении, где политработником старший лейтенант З. Кумсиашвили, решая ее, пошли по пути, который партком, партполитаппарат считают ныне очень перспективным.

Специфика здешней службы такова, что люди немало времени проводят на колесах, в немногочисленных по составу караулах. Вот и совет ленинской комнаты стал больше работать индивидуально с каждым военнослужащим, с небольшими группами сослуживцев. Словом, повернулся лицом к человеку. Но... Как теперь провести Ленинское чтение? Или: не затевать же тематический вечер для двоих-троих? Видимо, настал момент, когда нужно пересмотреть кое-что из форм и методов своей работы, — к такому выводу пришли и члены совета во главе с рядовым О. Подпалым.

Перестройка была бы невозможна и без изменения самого облика ленинской

**В АРСЕНАЛ
ПРОПАГАНДИСТА**

Политотделом внутренних войск по Дальнему Востоку и Восточной Сибири выпущена брошюра с материалами, разъясняющими личному составу Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка». Кроме текста Указа, в брошюре опубликованы беседы корреспондентов «Правды» с начальником внутренних войск МВД СССР генерал-полковником Ю. В. Шаталиным и начальником штаба войск генерал-лейтенантом В. С. Дубиняком, а также актуальное интервью, данное корреспонденту «Красной звезды» членом Военного совета — начальником Политуправления войск генерал-майором А. И. Гриенко.

Высокую оценку в войсках региона получило и другое пособие для пропагандистов — листовки с текстом письма Военного совета и Политического управления внутренних войск МВД СССР «Служить по совести, оберегать честь и достоинство», обращенного к тем, кто служит в войсках, кто имеет к ним отношение. Ценность материала в том, что текст письма в листовках переведен на ряд языков народов СССР.

наты украшают витражи, на которых — история Вооруженных Сил от гражданской войны до наших дней.

комнаты. Мы хотим, чтобы солдат, сержант, прапорщик, улучшив свободную минутку, стремился сюда. Значит, все здесь должно радовать глаз, привлекать, не давить на психику своим оформлением. Ну и, конечно, надо, чтобы человек находил здесь если не все, то многое из того, что его интересует.

И вот в ленинской комнате остался лишь один стенд. Не трудно догадаться, что посвящен он жизни и деятельности В. И. Ленина. Снимки пропорциональ-ны размерам самой комнаты, хорошо смотрятся. Текст легко читается. Тут же на полках — общественно-политическая литература и собрание сочинений вождя.

«Казенная» мебель заменена одним большим овальным столом с цветами и аквариумом посредине, аккуратными пуфиками, сделанными руками самих солдат. По углам помещения размещены магнитофон, радиопла, телевизор, диафильмопроекторы. На журнальном столике — свежие газеты и журналы, приходящие в подразделение. У окна — клетка с птицами. Для удобства чтения и прослушивания музыки есть несколько кресел. Стены ком-

Всем, чем располагает ленинская комната (а в ней кроме всего прочего, думается, должны быть и фототека, и фильмотека, и каталог литературы), кто-то обязан заведовать. И вот тут-то на передний план выступает дежурный член совета ленинской комнаты. Он и радушный хозяин, и специалист, способный подсказать товарищу, что не пропустить в газетах, журналах, какую литературу взять для подготовки к семинару, и пластинку поставить, и слайды показать, и побеседовать по душам. Словом, ему больше не надо подменять кого-то из актива, прикрываться планом партполитработы. У члена совета есть свое, притом присущее только ему одному дело.

Майор А. НОВИКОВ,
заместитель командира
части по политчасти.

«ЗАЩИТА ПО МИХАЙЛОВУ»

Как сообщил врио начальника политического отдела соединения, критика недостатков в работе комсомольской организации подразделения, слабой помощи ей со стороны политоргана части, содержащаяся в очерке майора Е. Артюхова «Защита по Михайлову» (1988, № 3), вполне справедлива. Состоялось совещание

политотдела части. К основным приняты меры партийного воздействия. Офицеры политотдела соединения, работая в комплексных и целевых группах, оказывают практическую помощь на местах по выполнению постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в

коммунистическом воспитании молодежи».

Комсомольская организация подразделения, а которой шла речь в очерке, внесла свой вклад в качественное выполнение служебных задач личным составом: не допущено преступлений и происшествий, дисциплинарных проступков на почве неуставных взаимоотношений. В воинском коллективе поддерживается здоровая нравственная обстановка. Итоговую проверку подразделение сдало на «отлично».

АЛЬМА-МАТЕР,

ИЛИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЖИЗНИ СОЛДАТ ЧЕТВЕРТОГО ГОДА СЛУЖБЫ

«Оставаясь преданным комсомолу и армии, прослужив 4 года и 2 месяца, я вдруг оказался никому не нужным и выброшенным за ворота в 22 года, не имея никакой профессии. Родители у меня пенсионеры. Я надеялся послужить им опорой. Но в училище от меня отмахнулись, не желая поверить и разобратся в случившемся. Ведь у каждого наказания есть одна цель — дать понять человеку его вину, а не затоптать его окончательно. Но то, что я пережил за эти месяцы и осознал вину, никто в расчет не взял.»

Из апелляции бывшего члена ВЛКСМ, бывшего курсанта Пермского высшего военного командного училища МВД СССР Владимира ГРИШКЕВИЧА в партийную комиссию при Политуправлении внутренних войск.

В ВОЕННОЕ училище он поступал после года срочной. Едва остались за спиной вступительные экзамены, Гришкевича назначили командиром отделения, и два с половиной курсантских года он руководил подчиненными. Вот только как? Ответить на этот простой вопрос сегодня довольно-таки сложно. Судя по нынешним оценкам его бывших училищных командиров — капитана В. Бадрусева и подполковника С. Богачева — неважно: уже, дескать, к четвертому семестру многие курсанты не только поравнялись с ним в знаниях и навыках, но кое в чем стали и обходить. Отзывы же того времени, оставшиеся в личном деле курсанта Гришкевича, в основном иные: «Регулярно интересуется событиями в мире. Программу обучения усваивает на «хорошо» и «отлично». Опрятен, подтянут. Принимает активное участие в общественной жизни. Член бюро ВЛКСМ». Правда, в служебной характеристике при переводе на третий курс звучат и критические нотки: мол, следует улучшать руководство соревнованием в отделении, быть более требовательным к себе и подчиненным, правильно реагировать на замечания. Однако общий вывод однозначен: занимаемой должности соответствует.

Как бы то ни было, но вскоре после этой оценки Гришкевич был снят с должности и лишен сержантского звания. За что? И на этот вопрос ответить опять не так-то просто. Потому что, по словам того же Сергея Ивановича Богачева, это стало закономерным финалом работы спустя рукава, пренебрежительством с командирами, конфликта со старшиной. Но по документам

снова все выглядит по-другому: поводом послужила самовольная отлучка подчиненного — курсанта Ю. Жанкевича.

Велика ли в происшедшем вина Гришкевича? Соответствует ли она тяжести определенного ему наказания? Эти вопросы отнесем к компетенции тех лиц, которые издавали приказ. Но одно все-таки замечу: юношеская душа чутка к несправедливости.

В училище мне неоднократно доводилось слышать, дескать, у нас командиры не несут дисциплинарной ответственности за проступки подчиненных, если не усматривается в этом их прямой вины. Что же поди младший командир докажи: где она у тебя прямая, а где косвенная, и какой ее край перетянул на весах тех, кто стоит над тобой. По мне, так Гришкевич виноват ничуть не больше своих командиров батальонного звена, которым год с лишним писал рапорты курсант Жанкевич, тяготившийся учебой. Но почему их, как говорится, до последнего держали под сухом! Отчего так дорожили этим, едва успевающим на тройки курсантом, тогда как с десятками других расставались без всякого сожаления! Вопросы остаются открытыми.

В КОНЦЕ марта курсанты вернулись из закавказской командировки. В оперативно развернутый изолятор поместили группу с подозрением на сальмонеллез. Оказался в ней и курсант Владимир Гришкевич. Время шло, анализы уже не брали, но и карантин не снимали, а стало быть, за порог никого не выпускали. И тут, как

В ВОЕННЫХ УЧИЛИЩАХ

объяснял потом Владимир, земляк принес ему два письма из Белоруссии. Одно было от невесты, другое — от матери, но написано не ее рукой. Так как мать была серьезно больна, разволновался, не зная, что и подумать. К вечеру решил: надо срочно заказать переговоры с домом. На территории училища один междугородный телефон, и тот не работал уже больше двух месяцев. Вспомнил, как в горбольнице познакомился с экспедитором здешнего домостроительного комбината, который часто ездит в Минск. Пока проразмыслил, время подошло к отбою. Ждать до утра было мучительно. И тогда в сильном душевном волнении покинул изолятор. Сперва направился к зданию старого штаба, где телефонная будка, но, увидев идущего навстречу офицера (скорее всего, дежурного по училищу), повернул назад: уж очень не хотелось в такую минуту выслушивать нравоучения. А дальше...

Дальше был пролом в заборе за курсантской столовой. Увязавший следом Геннадий Бинецкий — однокурсник, товарищ по карантинному несчастью. Маршбросок к Дому культуры. Телефонная будка. Холодок трубки и холодок на сердце: что же это за полночь беспокою чужих людей? И потом, а ну как дежурный шел в изолятор?

Назад он спешил той же дорогой, ничего толком не отвечая на вопросы Бинецкого, который, кстати, так до конца и не разобрался: а он-то куда шел и зачем? Впрочем, и не таил этого, каюсь, что своим присутствием только усугубил впоследствии недоверие к Гришкевичу.

...Дежурный по училищу стоял напротив их пустых кроватей. Самовольщики отсутствовали час двадцать минут.

МНЕ не удалось познакомиться с материалами расследования, которое проводил подполковник Богачев (их почему-то не оказалось в деле). Но Сергей Иванович подробно рассказал обо всем, что произошло той ночью, особо подчеркнув, что проступку Гришкевича несколько не удивился (он, мол, к этому шел) и что с самого начала не верил ни единому его слову.

«А почему он не показал вам самого главного — материнского письма?» На этот вопрос человек, призванный быть первым батальонным педагогом и воспитателем, так и не нашел что ответить. Да и стоит ли удивляться?

Когда наш разговор касался воинской дисциплины, не раз довелось слышать, что молодых людей никто силком в училище не тянул, шли они добровольно. И действительно, те, кто ошибся в выборе, усомнились в своих возможностях и способностях, чьи планы изменились, а мечты рухнули, отсеиваются в самом начале четырехгодичного пути. И значит, на старших курсах пора бы отыскать всякий раз искать изъяны да червоточины в курсантских душах, а попытаться взглянуть на вещи шире.

Куда бежит великовозрастный самовольщик! Пусть случай с Гришкевичем нетипичен. Но ведь есть и типичные: на свадьбу к товарищу, к будущей жене... А финал всегда один. Никто не пытается войти в его положение, поверить раскаянию человека, совершившего проступок в условиях, созданных установленными порядками. Я не оговорился. Не думаю, чтобы нашлись охотники испытывать судьбу (тем более на старших курсах), будучи заранее уверенными, что командир обязательно тебя выслушает, поймет, пойдет навстречу твоей нужде и при этом, что тоже весьма существенно, не станет «тянуть волюнку», изматывать душу ссылками на устав.

Разве в нем предусмотрено, что у курсанта могут родиться дети! Что ему нужно купить кольцо невесте и, как главе семьи, подыскать подходящую квартиру! Что городские службы ведут прием с утра, а не с 21.30, когда ты относительно свободен! Что, как порядочному сыну, ему надо встретить родителей, которые почему-то едут не в выходные, а посреди недели, заранее купить билет домой себе самому, так как зимний отпуск короток и жалко терять сутки-двое в общем вольном столпотворении, связывая надежды с каким-нибудь проходящим составом! Да мало ли еще подобных «неуставных» ситуаций!

ПРИЗНАТЬСЯ, подъезжая к училищным воротам, из которых перед тем выводили Гришкевича, я не собирался принимать его сторону в этой истории и уж подавно — умалять его вину. Хотелось по возможности всесторонне разобраться в случившемся, тем более, что партийная комиссия при Политическом управлении внутренних войск восстановила Владимира в комсомоле. Мне очень хотелось понять, почему открыто никто не вступился за своего товарища, хотя, знаю, были и те, кто винился потом перед ним. Желал разобраться в позиции комсомольской организации, так просто за первый же проступок отлучающей от ВЛКСМ в недавнем прошлом комсомольского активиста. Наконец, хотелось вникнуть — по своей ли инициативе командир становится таким, когда ему курсант отдает должное за требовательность и отказывает в элементарной человечности?

Вот некоторые суждения, услышанные мною от сослуживцев Владимира:

■ «Вообще-то Гришкевич был парень с военной косточкой. Он прилично учился, а мог бы и на «отлично». Прихварывал. Книжки по общественным дисциплинам почти не открывал, но предметы эти знал, видно, школьный запас имел нормальный. Хорохористый, с каким-то налетом дедовщины: «Я два года уже прослужил, а вы, товарищ курсант, и года нет, а туда же. А ну-ка, подтяните ремень!»

■ «Ребята у нас не любят тех, кто ставит себя выше других. Ты хоть и сержант, но и я не солдат. Об этом забывать нельзя.

Гришкевич порой забывал. На первом курсе вообще морочил нам голову каким-то приложением к уставу, по которому он, видите ли, может впасть подчиненному два наряда вне очереди. И ведь пытался. Ну а дальше — помните про кошку и мышканы слезки!»

■ «Чем запомнился Гришкевич! Заливал он много и про родню, и про себя. Хотя бы, что он слесарь механосборочных работ пятого разряда. Я тоже вкалывал на заводе и никогда не поверю, что к девятнадцати годам можно стать мастером такой квалификации. Но хоть и хвастать он горазд, в одном ему не откажешь: любому скажет правду в глаза, если что не так. Даже офицерам. А у нас высовывающихся не любят. Им этого не прощают».

■ «Вы поглядите на распорядок дня. Ведь нам воздуха нет, но никого это не интересует. При чем тут Гришкевич! Мы все в одних условиях. Есть у тебя дела — крутись, ловчи. Чем ты крученей и хитрей, тем тебе уважения больше. Но уж попался — отвечай, таков закон. Гришкевичу я так и сказал на собрании, мол, прикрываешься каким-то письмом. Не верю!»

■ «Мы сами порой хороши. До госов еще семестр, а как вспомнишь, скольких ребят уже порастеряли. А все почему! Мы ведь педагогику и психологию на первом курсе проходим. Кое-что стало забываться. И командиры наши этому учились тоже на первом, только горазд раньше нас. Чего ж вы хотите! Жанкевичу полезли в душу, а он бросил комсомольский билет и убежал с собрания. Гришкевичу тоже никто не поверил. А может, спокойно почитай он письмо от парализованной матери, и все не так бы обернулось. Только он и сам в это не верил».

Вдумайтесь, ведь как подмечено: если мы к четвертому курсу что-то подзабыли, то чего требовать с тех, кто науки изучал давным-давно!?

Я потом неоднократно возвращался к этому бесхитростному суждению, и оно, признаться, помогало объяснить многое из того, что произошло потом с Владимиром Гришкевичем, когда его судьба попала буквально на конвейер. Да и судите сами, в один и тот же день комитет ВЛКСМ батальона утвердил решение «первички» об исключении Гришкевича из ВЛКСМ. Помощник начальника политотдела по комсомольской работе признал объективным проведенное комсомольское расследование. А затем на парткомиссии все тот же Сергей Иванович Богачев теперь уже по партийному упрекал бывшего комсомольца в том, что он не сделал правильных выводов из случая с Жанкевичем.

НЕ ПОЙМУ, как могло случиться, что в любом нашем подразделении сегодня есть политработник, а вот в курсантской роте — в сто с лишним человек — его нет! Да будь заместитель командира ба-

тальона по политчасти раззолотей, — чтобы посвятить каждому курсанту хотя бы день, уйдет полтора года! А учесть обстоятельства, как, например, в нашем случае, когда нынешние выпускники к третьему курсу познакомились с третьим (!) по счету замполитом! Выходит, чья-то очередь переговорить по душам с профессиональным военным педагогом подойдет akurat к получению лейтенантских погон!

Я, возможно, утрирую, но проблема в этом есть. Нельзя перекладывать все на командирские плечи. Нужно, чтобы кто-то показал в повседневной практике, что представляет собой хорошо поставленная индивидуальная воспитательная, партийно-политическая работа. Ведь не исключено, что иной выпускник вскоре и сам станет ротным политработником или будет избран в комсомольский орган.

И потом, не тут ли кроется причина того, и это не секрет, что молодые офицеры зачастую с трудом находят верный путь к солдату, под всяким предлогом буквально прячутся от личного состава! Что же касается непосредственно Пермского высшего командного, то приходится констатировать и такой факт: среди комсомольских лидеров частей и соединений, съехавшихся со всей страны на научно-практическую конференцию, посвященную 70-летию ВЛКСМ, не оказалось ни одного его выпускника.

ОБЩИЙ язык с людьми находить мне было нетрудно. Незадолго перед тем курсанты обсудили корреспонденцию из журнала «Студенческий меридиан», подписанную полуанонимно: «Группа курсантов высшего военного училища МВД СССР». В ней говорилось, что многие, грезя с детства армией и видя в офицере грамотного, гармонично развитого человека, столкнулись в стенах своего училища совсем с другим. «К сожалению, офицеры (я процитирую основные положения, поскольку журнал этот почти не встречается в наших библиотеках) в большинстве своем не являются примером для подражания. Воспитывают курсантов стандартно, по шаблону, применяя самые примитивные педагогические приемы. Работа опирается в основном на авторитарный стиль руководства, никакого доверия к курсантам, везде глаза «надзирателя». Мы имеем в виду прежде всего командиров батальонов, рот, взводов. Курсантам не прививают никакой самостоятельности, все — от первого до последнего дня пребывания в училище — распаяно по минутам. За нас все решили вышестоящие начальники: тебя поднимут, накормят, отведут на занятия, на самоподготовку в класс, и никуда кроме класса. Командиры остерегаются выпускать нас из поля зрения, боясь, что мы совершим самовольную отлучку или что-нибудь похуже. Если говорить о системе обучения, то она далека от совершенства. Большинство курсантов не желают учиться, получать знания, а работают ради оценки, которую можно получить по-разному: или списать, или

выучить, зная, что тебя обязательно спросят. Зимой главная каша задача — уборка территории от снега. Ради этого нас поднимают ни свет ни заря, работаем в личное время, и так — день за днем. А если учесть, что зима продолжается довольно долго, то можно себе представить, как мы — курсанты высшего учебного заведения — живем. Напрашивается вопрос: а как же быть с гармонично развитой личностью! К сожалению, все эти стороны воспитания у нас не на высшем уровне. Остановимся хотя бы на эстетическом воспитании. Достаточно послушать курсантов, и вам все станет ясно. А о каком чувстве прекрасного может идти речь, если для нас красиво только то, что стоит ровно, прямо, не выделяется. Воинский порядок есть воинский порядок — мы не спорим, но ведь не только это должно нам вбиваться в голову. Мы все четыре года живем в казарме. Вы удивитесь, если узнаете, сколько нас живет в одном помещении — 250! Почти две роты... Связь с внешним миром почти отсутствует. Вы скажете — увольнения. Да, отпускают один-два раза в месяц на 6 часов. Этого хватает только на то, чтобы позвонить домой и сходить, к примеру, в кино. Да и ходят далеко не все, а только те, у кого все нормально с учебой и дисциплиной. Увольнения у нас используются как стимул для учебы, воинской дисциплины, порядка. Таким образом, есть курсанты, которые были в городе один раз в год. Да и то когда приезжали родители. В общем, прямо скажем: воспитывают из нас солдафонов. Затем надевают офицерские мундиры и вперед: воспитывать личный состав...»

— Какое на вас впечатление произвело это письмо? — спросил я подполковника Фадеева.

— Думал, что отличился кто-то из моих. Но потом заместитель начальника политотдела внес ясность: саратовцы.

— А что думаете по этому поводу вы? — спрашивал я курсантов выпускного курса и в роте, где служил Гришкевич, и в соседних. — Не собираетесь ли подискутировать с авторами письма, ведь журнал приглашает к этому?

— Не о чем дискутировать, — заметили мне. — У нас все точь-в-точь, если не считать кроватей в один ярус.

ПОЧЕМУ же так происходит! Прежде всего потому, что курсант военного училища до сих пор не имеет своего статуса. Откройте общевойсковые уставы, и вы не сможете не отметить, что прямого обращения к нему там практически нет. И главное, не понятно: кто же он все-таки — солдат или завтрашний офицер! [«Подофицер» — хоть звание и от лукавого, а тоже не произнесешь, — место это зорко хранят за собой прапорщики и мичманы, которые, кстати, и учась в военных вузах, не лишаются своих прав и привилегий: освобождаются от казарменного положения, получают денежное содержание по пос-

ледней занимаемой должности и т. д.]. А курсант! Из Положения о высших военных учебных заведениях Министерства обороны СССР можно почерпнуть, что лица гражданской молодежи, принятые в высшие военно-учебные заведения, состоят на действительной военной службе со дня зачисления на учебу приказом начальника вуза. Одновременно с этим им присваивается воинское звание «рядовой». Курсанты первого-третьего курса содержатся на казарменном положении порядком, установленным Уставом внутренней службы. Четвертого и последующих — размещаются в общежитиях. Если же таковых нет, — опять-таки в казарме.

И ведь ясно-понятно: не существует в природе солдат четвертого года службы. Совсем не махровый «дембель», а высокообразованный, культурный офицер-профессионал должен принять на пятом году своего армейского пути взвод. Но для этого и отношение к нему должно быть соответствующим. Пусть не сразу — после учебных сборов или даже после первого «казарменного» года, чтобы, как говорится, понял солдатскую жизнь, — но соответствующим. А пока...

А пока, как едко замечают старшекурсники, бытие определяет сознание, и, не таясь, именуют себя солдатами четвертого года службы.

Я ДУМАЛ, что придется обещать каждому моему собеседнику неперемную защиту от возможных нападков за критику. Думал, что прежде, чем услышать маломальски правдивый рассказ о дне теперешнем, надо заверить, что редакция обязательно возьмет под контроль его день завтрашний, включая распределение по выпуску из вуза. Но никто никаких обещаний не требовал. Люди охотно делились наболевшим. Вот только две выдержки из суждений молодых коммунистов.

Курсант Владимир Писаренко: «Заканчивается четвертый курс, и я теперь могу твердо сказать, что система нашего обучения и воспитания в училище не соответствует конечной цели — подготовке квалифицированных офицеров. Если преподаватели, в особенности общественных наук, еще пытаются прививать нам некоторые качества, которые должны быть присущи настоящим офицерам [эрудиция, знания, взгляда, глубокие весторонние знания], то другие относятся иначе. И еще ставят в вину, что наши действия и поступки не соответствуют офицерским. А откуда им взяться! Как стать офицером, когда тебя воспитывают по принципам сержантской учебы и жизнь твоя мало чем отличается от жизни солдат срочной службы!»

Главное для наших командиров — это точное соблюдение распорядка дня, который далек от совершенства, а проще говоря, совсем не отвечает удовлетворению наших потребностей. И вот считается чуть ли не преступлением, если курсанта увидят на территории училища во время самоподготовки. И в то же время, когда надо

выполнить хозяйственные работы (перевести картошку или убрать территорию), те же самые командиры не обращают никакого внимания на этот распорядок. Больше того, когда снимают с самоподготовки. — Е. А.), командир роты или комбат говорит, мол, все равно вы ничего там не делаете.

Мы слышали не раз, будучи в войсках, что наших выпускников упрекают в неумении принимать самостоятельно решения. Но в училище боятся давать курсантам самостоятельность: как бы кто чего не натворил. Даже когда посылают куда-либо двух-трех курсантов, непременно приставляют старшим сержанта. А то ведь не ровен час кто-то сбежит в магазин или чайную. А куда денешься, в распорядке дня у нас практически нет времени на посещение торговых точек. А за те тридцать минут, что даны, все училище не в состоянии приобрести кому что нужно. Вот и вынуждены ловчить.

Курсантов, освобожденных от полевых занятий, автоматически лишают увольнения в грядущий выходной. Старший лейтенант А. Вершков объясняет это «заботой о здоровье личного состава».

Чтобы выйти в город, приходится проходить тщательный, а нередко просто уничижительный «досмотр» со стороны старшины, командира роты, комбата, дежурного по училищу.

На протяжении четырех лет мы задаем одни и те же вопросы, но их почти не слышат, а потому почти не решают. Создалось впечатление, что в батальонном звене никакой маломальский вопрос просто и решать нельзя. Вообще, по-моему, образовался какой-то разрыв между тем, что говорят в управлении училища и у нас. Курсовые офицеры словно пытаются скрыть или истолковать по-своему решения, которые поступают сверху. Порой нам приходится посылать «ходоков» из состава комсомольских, партийных активистов в тот же политотдел. Но уж зато потом командиры начинают со всей придирчивой строгостью спрашивать за то, что «прыгаем через их головы».

И другой человеческий документ, принадлежащий перу младшего командира. Старший сержант Сергей Белоус: «В училище трудно быть сержантом. Нам мешают работать, а потом упрекают, что ничего не делаем. Сержанта постоянно контролируют старшие командиры. А ведь этим они только показывают недоверие свое. Вот пример. Командир роты ставит мне задачу убрать в столовой и потом доложить ему. Пока мы убрали, он несколько раз приходил проверять. Потом закончили работу, я ему доложил. Он в свою очередь пошел доложил командиру батальона. Только после того, как тот проверил, мы ушли из столовой. Или взять контроль самостоятельной подготовки. Командир взвода должен присутствовать на ней. А зачем! Там ведь четыре сержанта. Им не нужна такая опека. Мне думается,

раньше, когда один офицер приходился на две курсантские группы, было лучше.

Зима. Командир роты запретил курение в туалете. Но офицеры курят и в туалете, и у себя в канцелярии. Мы предлагали поставить в туалете вентилятор, и проблема была бы решена, но нас никто не слушает.

Мне да и многим уже по двадцать два. Свою жизнь тоже надо устроить. Ведь не все же время я буду на службе. А у нас что ни воскресенье — проводятся только спортивные мероприятия. Впрочем, сейчас, на четвертом, стало немного не так. Но мы не далеко ушли от наших «младших братьев». Вот на очередной месяц нам запланировали три воскресенья подряд — соревнования по лыжам. Моя бы воля — организовал для желающих лыжную секцию, а другие пусть сами выбирают, чем заниматься в выходной. Попызы было бы больше».

— **КУРСАНТЫ** думают, предлагают, подвергают сомнению вчерашние догмы, и это хорошо. Так и должно быть. Ведь у наших старшекурсников отсчет армейского времени идет с 85-го года, взломавшего застой, — этим начался наш разговор с возглавившим несколько месяцев назад учебную часть подполковником Анатолием Владимировичем Бураковым. — Может, где-то они и горячатся, торопятся, но таков возраст, да и желание увидеть если не плоды, то, по крайней мере, ростки перестройки еще в стенах училища у них велико. А ростки пока еще слабы.

Правы курсанты — самостоятельность им нужна. Но они не понимают, что «количество» ее не зависит от того, хорош или плох твой командир взвода, роты, батальона. Все дело в заведенной системе. За что отвечают ныне командиры учебных подразделений? Прежде всего за воспитание курсантов и состояние воинской дисциплины. Вот все они и жмут на курсанта, закручивают гайки да еще обижаются, когда при анкетировании их воспитанники отдают симпатии преподавателям, а не им.

Систему ломать не просто, но придется, причем думая и о завтрашнем дне и самих командиров.

Что касается распорядка дня курсантов, то существующая сегодня жесткость тоже не оправдана. В часы самоподготовки хорошо успевающий курсант, тем более отличник, должен работать по личному плану. Три кафедры у нас начали такой эксперимент. Вместе с преподавателями курсанты решают, как лучше изучать предмет: чем заняться самостоятельно, когда прийти на консультацию, поработать в библиотеке, причем не только в училищной, но и городской. Однако не все преподаватели пока готовы к новым условиям: это хлопотно, куда проще отчитать положенные часы и проститься с аудиторией.

Анатолий Владимирович показал график, на котором значительно круче других поднималась вверх толстая синяя полоса. «Это

выпуск прошлого года, — пояснил он. — Синим отмечены троечники. Еще лет 10—15 назад эта линия принадлежала бы «хорошистам». Люди изменились, а подходы наши к ним зачастую прежние».

Верно подмечено. Жаль, что это понимают далеко не все. Совсем не тот он, наш нынешний курсант, каким был в шестидесятые и даже семидесятые годы. Не скажу, что запас его знаний стал богаче. Но слова комбата о том, что он-то в свои курсантские годы больше думал об учебе и не обременял вопросами курсового, не рвался в увольнение, а часами сам отработывал строевой шаг, отдавая честь зеркалу, — к сожалению, у подчиненных не находят поддержки, а вызывают чаще ироническую улыбку. Такова реальность.

Что поделат, эти юноши приходят в училище и с вопросами, и с запросами куда большими, чем когда-то наше поколение. Но в чем же их вина, если сама жизнь так разительно изменилась за эти полтора-два десятилетия! Стоит ли сетовать на то, что они — дети иного достатка, привыкшие к бытовому удобству. Надо ли эту привычку считать блажью, да еще пытаться выбить нападками или муштрой? Может быть, глядя на них, пора и нам прекратить кичиться своей былой неустроенностью, бесребренничеством, стойкостью в преодолении тягот и лишений, зачастую созданных чужь-то бюрократической неразворотливостью, бездумностью, алчностью! А мы теперь гордимся училищным долгостроем, оборудованием учебных мест, отстающим зачастую не только от вузовского, но и от лучшего школьного. Или казармами, которые «кальма-матер» можно назвать только в шутку. Здесь нет возможности человеку не только позаниматься вечером, спокойно почитать, но и просто побыть одному. И так четыре года кряду.

Полноте! Пора прозреть, осмотреться, вдуматься. И тогда, может, перестанет нас возмущать непривычное, но в общем-то нормальное их поведение. Ведь неспроста один из первокурсников на вопрос о главных впечатлениях начавшейся курсантской жизни ответил мне: «Комфорт, конечно, первобытный». Что ж, ругать его за это, топтать ногами! Думаю, прежде всего — попытаться понять и принять эту реликвию как горькое, но вместе с тем хорошее лекарство от самоуспокоенности. Впрочем, насколько я убедился, ею уже не страдают многие, и особенно пришедшие к руководству в последнее время.

— КОГДА я прибыл сюда служить, — рассказывает начальник политического отдела подполковник Геннадий Дмитриевич Шебунин, — в глаза, помню, бросилось объявление, вывешенное в казарме старшекурсников: проводятся спортивные состязания, взвод-победитель награждается культпоходом в театр. О чем речь? О том, что полтора года назад в училище увольнение надо было зарабатывать: в учебе, спорте, на службе, хозяй-

работах — но обязательно зарабатывать. Пришлось убеждать офицеров, что это не поощрение, а наш долг — предоставить курсанту возможность побывать в городе, пообщаться с людьми. И чем больше он увидит, узнает, поймет, тем больше пользы и ему, и нам как воспитателям и учителям. Совместно с кафедрой партийно-политической работы, педагогики и психологии политотдел взял на контроль посещение каждым взводом драмтеатра, картинной галереи, знаменитого на всю страну театра оперы и балета, краеведческого музея...

Примерно в то же время начали ломать и другую практику: выход в город только под командой офицера. Ведь что тут пугало: а ну как кто-то отстанет, попадет под дурное влияние, напьется? Год прошел — никто не отстал, не напился. Сержанты прекрасно справляются со своими обязанностями.

Еще пример. В любой конвойной роте командир решает все вопросы сам. Здесь же, в училище, как ни странно, и командир батальона шагу не ступит без доклада начальнику училища или обращения к нему за разрешением отпустить курсанта в город, предоставить выходной ротному и т. д. А коль у него нет самостоятельности, все по цепочке идет вниз. Сегодня есть сдвиги и тут, хотя люди за один день иными не станут. Больше скажу — кому-то даже выгодно жить по-старому: не ты решаешь, не тебе, в случае чего, и отвечать.

Самое же главное для нас теперь, чтобы каждый офицер училища видел в курсанте своего товарища, коллегу, строил с ним взаимоотношения на основе доверия и уважения. Это трудно, для многих кажется труднее, чем построить новый учебный корпус или спортивный комплекс. Но политотдел от своего не отступит. Сделали в любой день для отличников, комсомольских активистов свободный выход в город после занятий. Первый — чтобы полнокровней заниматься по личным планам, вторым — для нужд общественной работы. Люди этим правом дорожат. Самовольки постепенно уходят в прошлое, и я отношу это на счет возвращения доверия офицерам — их слову и делу.

Везде, где затрагиваются интересы курсанта, он должен участвовать: в совете клуба, библиотеки, кулинарном совете. Наконец-то по одному от курса вошли они в ученый совет училища. Ведь и здесь, где решаются важнейшие наши проблемы, должен слышаться и учитываться их голос.

Нет субботы или воскресенья, чтобы не проводились вечера отдыха. Для общепатальонных мероприятий снимаем Дома и Дворцы культуры. На прошлогоднем фестивале самодельного творчества училище плелось в хвосте. Теперь любой батальон хоть завтра готов дать концерт на час-полтора, а выступление училищного хора привлекло внимание и пермского телевидения.

Но проблемы есть. Их меньше не станет, пока к нам будут приходить офицеры не по призванию, пока не сам курсант, а ко-

мандир будет отвечать за его успеваемость, решать, что ему нужно, а что нет, а самым вдумчивым, дотошным, надоедливым, а стало быть, и мешающим кому-то удобно жить старым багажом — будут затыкать рот.

...Сегодняшние дела, планы на завтра. Все это, может быть, и неплохо, если бы не одно «но». И Бураков, и Шебуниин, и многие другие офицеры прекрасно понимают: чтобы их старания не свелись к очередному, энному по счету, косметическому ремонту, пора под перестройку в вузовском деле подвести законодательную основу. Чтобы не держались новшества только на чьем-то желании, понимании, что по старинке идти дальше некуда. Ведь, извините, и сегодня достаточно встать к училищному рулю пришибеёву новой формации, он мигом вытравит эти начинания да в придачу установит домострой похлеще вчерашнего.

Пока же такой основы нет.

БЕСЕДУЯ с курсантами, я неоднократно слышал: «А вот у ракетчиков по-другому...» Поэтому уехать из Перми, не побывав в Пермском высшем военном командно-инженерном Краснознаменном училище ракетных войск имени Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова, не узнав, а в чем же у них «по-другому», — не мог. Да, здесь четвертый, пятый курс живут в общежитии. Но ведь и училищу идет шестой десяток. Да и началось оно не с первой просеки, а въехало в прекрасную постройку на высоком камском берегу, на стене которой так впечатляюще смотрятся отлитые в бронзе строки: «В этом здании учились выдающиеся люди земли русской — П. П. Бажов, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. С. Попов».

Но проблем хватает и в этих стенах. Как рассказал начальник политотдела полковник Валентин Николаевич Милосердов, перестройка в учебном процессе стала набирать обороты в основном тоже после февраля прошлого года, когда на Пленуме ЦК партии был рассмотрен вопрос реформы высшей школы.

Милосердов прекрасно осведомлен о том, как и чем живут наши курсанты, а потому говорил в основном, в чем отстает, а в чем идет впереди его политорган. Я записал то, что, возможно, будет полезно попробовать и у нас.

При политотделе создан совет по делам молодежи, в который вошли помощник начальника политоргана по комсомольской работе, начальник кафедры истории партии и партполитработы, замполиты факультетов, секретари комитетов ВЛКСМ курсов, несколько курсовых офицеров, а также курсанты из числа партийных и комсомольских активистов. Совет изучает общественное мнение, вырабатывает практические предложения, а также с помощью начальника политотдела или его заместителя оперативно снимает конфликтные ситуации на местах.

Регулярно проводит свои заседания дискуссионный клуб «Диалог», возглавляемый старшим преподавателем кафедры истории КПСС и партийно-политической работы полковником А. Ярмишко.

Есть уже и плоды учебы успевающих курсантов по индивидуальным планам. Курсант Колбин, например, успешно выступил во Всесоюзном конкурсе студенческих работ по общественным дисциплинам, а несколько его товарищей-старшекурсников стали лауреатами ВДНХ.

НЕТ, до лауреатства нам пока далековато. При наших порядках увлечения курсантов нередко выходят им боком. Как, например, это случилось с Владимиром Говорко, пристрастившимся к радиodelу и носившим повсюду за собой ящик с радиодетальями. В конце концов этот ящик (когда его брать и где хранить) и привел к препирательству с заместителем командира взвода. Тот написал рапорт, что Говорко отказывается выполнять его распоряжения. Как результат — пять суток ареста буквально за неделю до истечения кандидатского стажа. Наложил взыскание командир роты капитан В. Бадрусев, он же — секретарь цеховой партийной организации. Так Говорко — на первом и втором курсах секретарю комсомольской организации роты, на третьем — заместителем секретаря комитета ВЛКСМ батальона — было отказано в приеме в КПСС по шестнадцатому параграфу. Но даже и в этой ситуации курсант выглядел порядочнее многих своих старших товарищей: попросил накануне собрания отдать ему назад рекомендации и вернул их коммунистам, выходит, только на бумаге верящим в него.

Бадрусев и по сей день считает, что поступил правильно, хотя мог (да и обязательно должен был!) погасить этот не стоящий выеденного яйца конфликт в самом начале. Что ж, оставим это на его совести, тем более, что жизнь все расставила по своим местам: комсомолец Говорко избран секретарем комитета ВЛКСМ выпускного курса.

Эту невеселую историю я рассказал еще и потому, что произошла она в той же роте и в то же время, когда решалась судьба и комсомольца Гришкевича.

Если Владимир Гришкевич не изменил мечте, нынешним летом попытается восстановиться на третий курс. Что-то встретит он в знакомых стенах!

Майор Е. АРТЮХОВ.

БЕССЕРДЕЧИЕ ПРОЯВИЛИ К СОЛДАТУ В ВОЙНСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ. ПОЧЕМУ ПОДОБНОЕ ВООБЩЕ СТАЛО ВОЗМОЖНЫМ? НЕ ПОРА ЛИ ОТ РАЗГОВОРОВ О ПОВЫШЕНИИ РОЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА ПЕРЕЙТИ К КОНКРЕТНОЙ ЗАБОТЕ О ЛЮДЯХ? ОБ ЭТОМ РАЗМЫШЛЯЕТ ЖУРНАЛИСТ МАЙОР А. ДРОГНЕВ.

ЧУЖОЕ ГОРЕ

Что заставило меня отложить все срочные дела и немедленно взяться за перо? Не задумываясь отвечу: щемящее чувство жалости к человеку, неукротимое желание биться за справедливость, стремление показать во всей неприглядности уродливый лик бюрократизма.

Роль побудительного мотива сыграло письмо рядового Серика Оширова, присланное в редакцию газеты УВВ по Западной Сибири «Красное знамя». Позволю себе привести некоторые выдержки из этого подлинного крика солдатской души.

«...Когда я только призвался в армию, даже не прошло и месяца — умер мой отец. Из дома пришла телеграмма и письмо лично на имя командира части. Но от меня их скрыли, а я узнал о кончине отца лишь через год.

В мае следующего года в автомобильной аварии погибла моя родная сестра и ее дочь, о чем было сообщено в часть срочной телеграммой. Вручили ее только через три дня, на следующие сутки после состоявшихся дома похорон, да еще обвинили меня в подделке этой телеграммы и, конечно, в отпуск непустили.

«Больно и обидно: за время службы во внутренних войсках без меня похоронили троих самых близких мне людей. Было желание написать на телевидение, чтобы об этом рассказали в передаче «Служу Советскому Союзу!» Но потом подумал и решил сначала сообщить вам. Все-таки я — очень терпеливый человек.

Рядовой С. ОШИРОВ».

Откровенно говоря, подобных писем в редакционной почте мне лично еще встречать не приходилось. До самого последнего момента, пока разбирался в длинной цепи бездушных поступков многих облеченных властью должностных лиц, просто не хотелось верить, что такое вообще могло произойти. Да и теперь рассудок упорно отказывается понимать логику деяний тех, кому доверено обучать и воспитывать солдат и сержантов, чей долг — неукоснительно проявлять заботу о нуждах, чаяниях воинов, быть постоянно в курсе всех их радостей и бед.

Ни в коей мере не покушаясь на авторитет офицеров, о которых пойдет речь ниже, считаю необходимым рассказать о проявленных ими равнодушии, безразличии, безучастности к юноше в военной форме, к солдату в самые тяжелые в его пока короткой жизни моменты. Ибо за этим, казалось бы, частным случаем — определенной позицией некоторых коммунистов-руководителей, упорно не желающих за «грандиозными» проблемами, решаемыми ими, видеть реального, живого человека.

Доармейская биография Серика Оширова весьма типична для многих его сверстников. Воспитывался в многодетной казахской семье, где, кроме него, еще восемь братьев и сестер. Родители трудились в совхозе «Троицкий» под Семипалатинском: отец — скотником, мать — дояркой. После восьмилетки учился в музыкальном училище на отделении культурно-просветительной работы, а закончив его, полгода заведовал клубом в своем селе.

После призыва в армию был направлен в одну из частей внутренних войск по Западной Сибири. Все шло у молодого солдата хорошо, вот только душа Серика частенько ныла: как там отец? Из-за сильных болей в желудке тому пришлось даже работу оставить. Врачи предлагали операцию, но он упорно отказывался. Родные решили понапрасну не волновать Серика на первых порах службы и поэтому в письмах не сообщали, что отца вскоре положили в больницу, а там доктора поставили страшный диагноз: рак. Не знал солдат и того, что выписанный домой мучительно доживал свои последние дни...

Когда отец скончался, старший брат Серика — Ретхан, работающий заместителем директора совхоза, отправил в воинскую часть заверенную врачом телеграмму, а также написал письмо на имя командира. Сейчас практически невозможно доподлинно установить, кто из офицеров, возглавлявших в тот период воинский коллектив, принял далеко не самое мудрое решение: скрыть от рядового Оширова факт смерти его отца. Можно лишь предполагать, какие соображения руководили при этом командованием части: то ли побоя-

лись за неокрепшую психику молодого солдата, то ли не захотели лишний раз рисковать, отпуская домой военнослужащего, не успевшего принять военную присягу, то ли вообще в суете повседневных дел забыли принять нужное решение, а потом посчитали, что потребность в нем отпала сама по себе.

Факт остается фактом: рядовой Оширов на похороны отца не попал. Родные же, видимо, подумали: коль скоро не приехал Серик — значит, в армии такой существует порядок, а потому, чтобы не выбивать парня из колеи, не стали вообще писать о кончине главы семьи.

Теперь представьте себе такую ситуацию. Через год ефрейтор С. Оширов поощряется командиром за отличную службу краткосрочным отпуском и убывает на родину. Здесь лучше всего дать слово самому Серику.

— Слово на крыльях радости летел домой, — рассказывал солдат. — Наконец постучал в дверь, знакомую с раннего детства. Несмотря на поздний час, вся наша большая семья собралась у самовара, посыпались расспросы о моей службе. Только чуть погодя, когда улеглось первое волнение от встречи, заметил, что не вижу среди близких отца. Спрашиваю: «А где же папа!» Тут все потупили глаза, отвечают: «Третий день, как положили в больницу в Семипалатинске». Хотел сразу же в город, к нему, но на дворе — глухая ночь. Утром, пораньше стал собираться, говорю: «Кто со мной!» Тогда мама отозвала в соседнюю комнату и сообщила, что папу давно похоронили... Сами понимаете, весь мой долгожданный отпуск полетел кувырком.

Честно признаюсь, мне стало не по себе, когда слушал эту горестную историю. Невольно предвставил: а каково было ему-то, Серику, в ту минуту? Даже теперь, спустя столько времени, голос солдата дрожал, рука лихорадочно теребила жесткий ежик волос, глаза наполнились крупными слезами...

Однако жизнь берет свое. Стойко перенося тяжелую утрату, подавив в сердце незаслуженную обиду, Оширов вернулся в часть и с прежним усердием принялся за службу. О том, насколько добросовестно относился он к выполнению воинского долга, как активен был в общественной жизни части, свидетельствуют многочисленные поощрения старших начальников, в том числе — командира части.

Был, правда, у него однажды досадный срыв, в котором Серик и поныне раскаивается. Записавшись установленным порядком в городской отпуск, ефрейтор Оширов получил увольнительную записку и намеревался в субботу сходить в кинотеатр. Но офицер, в чьем подчинении он нахо-

дился, дал задание выполнить срочную работу в штабе. Естественно, запланированный отдых сорвался. И вот тогда солдат поступил в корне неверно. Не доложив никому в роту, исправил в увольнительной дату и пошел в город в воскресенье. Нарушение не осталось незамеченным. За обман Оширова лишили звания «ефрейтор», а на комсомольском собрании товарищи объявили ему строгий выговор. Случилось это в апреле 1988 года.

Наступил май, а вместе с ним на Серика обрушилось новое несчастье. Возвращаясь от родственников, его старшая сестра попала в дорожную катастрофу и погибла вместе со своей двухлетней дочкой. Нетрудно представить горе семьи и понять, почему родственники отправили тогда в часть незавершенную телеграмму. Им было не до соблюдения необходимых формальностей в тот момент.

Мне довелось держать в руках этот печальный человеческий документ, по сей день сохраняемый Ошировым. Короткая фраза на стандартном бланке сообщала о том, к чему невозможно привыкнуть: «Скончалась сестра Зейнегуль, похороны 26 мая. Ретхан».

Какой же надо обладать черствой душой, жестоким сердцем, чтобы три дня подряд носить спокойно такую телеграмму в кармане и не передать ее адресату? Именно столько времени продержал у себя экстренное сообщение почтальон рядовой О. Архангельский. Когда же я попытался выяснить у Олега причину столь халатного отношения к своим служебным обязанностям или хотя бы понять истоки его ничем не объяснимой черствости, то, кроме невразумительного лепета, ничего не услышал в ответ.

Словарь русского языка С. И. Ожегова дает такую характеристику человеку бессердечному: «Чуждый мягкости, сердечности в отношениях с людьми, жестокий человек». Неужели рядовой Архангельский в свои неполные двадцать лет успел напрочь лишиться чувства сострадания к своему товарищу, человеку вообще? Просто страшно в это поверить.

К сожалению, почтальон оказался далеко не единственным, кто на редкость бездушно отнесся к чужому горю. Когда 27 мая в руки Оширова все-таки попала телеграмма, он кинулся к своему начальнику майору Б. Бурлию. Офицер сразу отправился с ходатайством к подполковнику В. Кузнецову. Старший начальник пообещал, что разберется, да так, видимо, и забыл про это на целых три дня. Пришлось Оширову обратиться лично к командиру части, но тот предпочел переслать солдата по инстанции. В итоге Серик предстал перед разгневанным майором А. Доценко, учинившим убитому горем юноше настоящий допрос с пристрастием.

— Ну-ка Расскажи, как удалось тебе от-стукать такую телеграмму! — строго за-дал вопрос Александр Анатольевич.

Словно невдомек ему было, что гораз-до проще (кстати, это и положено делать в случаях поступления незаверенной телег-раммы) срочно направить запрос на имя военкома по месту жительства родных солдата с просьбой засвидетельствовать факт смерти члена семьи военнослужаще-го, чем унижать воина необоснованными подозрениями. Но ведь для понимания этого надо хотя бы сначала увидеть в про-стом солдате человека, понять его трудно-сти, переживания. В данном случае упое-ние властью, сознание собственной значи-мости взяло верх.

Так и хочется напомнить всем, кто на редкость бездушно «отпихивал» от себя рядового Оширова в тяжелую для него минуту, слова из резолюции «О борьбе с бюрократизмом», принятой на XIX Всесо-юзной конференции КПСС. Там говорится следующее: «Уклонение от рассмотрения обоснованных просьб и законных требова-ний трудящихся следует считать серьез-ным должностным проступком, влекущим за собой самые строгие меры взыскания, вплоть до освобождения от работы».

Остается надеяться, что вопиющей не-справедливости, дважды допущенной в от-ношении рядового Оширова, политорганом будет дана подобающая оценка. Безуслов-но, не должны остаться в стороне и все, кто проявил формализм и волокиту в столь деликатной ситуации.

Теперь другая, не менее важная сто-рона дела. Выясняя все обстоятельства, сопутствующие истории с рядовым Оширо-вым, невольно обнаружил: рецидив болез-ни под названием «равнодушие», оказыва-ется, распространился не только на старших начальников. Когда у Серика случилось сначала одно, а потом второе несчастье, моральную поддержку и участие он полу-чил лишь у своих земляков — рядовых Айбека Уськембаева, Серикбека Ибрайха-нова, Мурата Айтышева да у воинов, с ко-торыми успел сдружиться за время служ-бы в роте: ефрейторов Игоря Суслова и Сергея Скворцова.

Ну а что же командир подразделения, его заместитель по политчасти, сержанты? Капитан А. Юлдашев, например, когда к нему обратился Оширов, выслушав прось-бу солдата помочь в оформлении отпуска на похороны сестры, пообещал узнать в штабе части, как это сделать, да, судя по всему, запомнил. Ни ротный политра-ботник, ни товарищи из партийного и ком-сомольского актива не нашли возможно-сти хотя бы побеседовать с солдатом, вы-яснить, что творится у него в душе, по-чему все вдруг стало валиться у Серика из рук.

А в подразделении продолжают на каж-дом шагу трубить о роли человеческого фактора, о внимании к нуждам людей. Да полноте! Не пора ли, наконец, спуститься с высоких трибун, посмотреть вниматель-но вокруг себя, задаться вопросами: от-куда в наших сердцах поселилось столь-ко бессердечия, наплевательского отноше-ния к окружающим? Когда и где успели растерять сострадание и милосердие? В погоне за какими показателями утратили потребность протянуть человеку руку по-мощи? Почему вдруг в коллективе возник дефицит благородства, готовности разде-лить чужую боль?

Не скрою: тяжелый осадок остался у ме-ня и после беседы с лейтенантом А. Ку-рочкиным, во взводе которого сейчас слу-жит рядовой С. Оширов. Привожу дослов-но наш короткий диалог.

— Охарактеризуйте, пожалуйста, рядово-го Оширова.

— Нормальный солдат.

— Были ли у него нарушения дисципли-ны до перевода в ваш взвод?

— Нет, не было.

— С кем он ведет переписку?

— Со всем Советским Союзом...

— Кто у Серика остался дома?

— Мать, отец, брат, сестра...

Есть, видимо, смысл прекратить цитиро-вание нашей беседы, подтверждающей наглядно, что коммунист А. Курочкин аб-солютно не занимается индивидуальной воспитательной работой с подчиненными, не знает, чем живут его солдаты.

Можно было бы на этом и поставить точку, но прежде, думаю, есть смысл упо-мянуть еще об одной небольшой, но су-щественной, на мой взгляд, детали. Перед самым отъездом из командировки рядовой С. Оширов показал мне аккуратный пря-моугольник картона. На нем была накле-на справка, заверенная печатью, подтверж-дающая смерть отца.

В ответ на мой недоуменный взгляд Се-рик грустно пояснил:

— Взял в сельсовете, когда был в от-пуске. Показывал в части, чтобы не ду-мали, будто я мог смертью отца спеку-лировать. О гибели сестры у меня справки пока нет, но родственники обещали вы-слать...

Зачем написал про это? Да пусть хотя бы теперь что-то шевельнется в душе тех, кто повинен в обиде, нанесенной Оши-рову. А зводно, может, появится гарантия, что подобная история никогда не повто-рится ни с одним военнослужащим в дру-гих подразделениях наших войск.

Кстати, лишь об этом, а вовсе не о мес-ти своим обидчиком думал Серик, когда садился за письмо в редакцию. Потому как он не только очень терпеливый, но еще и бесконечно добрый человек.

...ОНИ запомнились мне угрюмо молчаливыми. Один низко опустил голову, как напакостивший щенок, не решаясь взглянуть прямо в глаза. Другой, наоборот, блуждал по сторонам непонимающим взглядом. Третий, отвернувшись, пустил слезу. Что думали они и думали ли вообще, творя свои полные пугающего цинизма поступки? Впрочем, стоп! Хватит вопросов. Пора познакомиться с ними читателя, рассказать, что, собственно, сделали эти люди и кто, наконец, они такие.

Сразу замечу, это обыкновенные парни. Следуя букве закона, носят сейчас военную форму. Больше того, служат в наших войсках, комсомольцы (хотя, по-моему, ничего комсомольского в них нет). Никто до сих пор ничем особенным ни в службе, ни в учебе не выделялся. Однако в другом все как один преуспели, прослав к тому же большими «оригиналами». А вот и дела их «умелых рук» — изуродованные комсомольские билеты.

В. Арцибашев, В. Ващенко, Р. Секас, А. Русначенко, О. Клименко, И. Костиц, С. Гема... Они смотрят на меня с фотографий, помещенных на первой странице. Но откройте билеты, полистайте их — увидите сплошь заштрихованные где накрест, где одной чертой месяцы, надо понимать, службы. В конце жирно выведено долгожданное «ДМБ». Похоже, перед нами не комсомольский документ, а календарь. Но не слишком ли дорогой?

А вот билет члена ВЛКСМ Ш. Юлдашева. Он превращен им в некое подобие армейского дневника. Здесь и запись о первом внеочередном наряде; и еще какие-то цифры, даты, скорее всего, отра-

жающие пребывание солдата на гауптвахте. «Дневник» этот имеет усеченную форму, проще сказать, обрезан ножницами. Зачем? Для удобства ношения в «корочке» от водительского удостоверения.

К слову, юлдашевская идея усекования документа, как ни странно, нашла поддержку кое у кого в этом воинском коллективе. Видимо, она пришлась по вкусу и секретарю бюро ВЛКСМ подразделения прапорщику В. Журавлеву. Иначе чем объяснить его полное равнодушие к происходящему?

Горазды на выдумки оказались и комсомольцы А. Сердюков, В. Гранин, И. Муртазалиев. Недостаточно эстетичный, как им казалось, вид комсомольских билетов, они «оживили», вооружившись фломастерами. Дальше других пошел Сердюков, изрисовавший билет, как говорит, вдоль и поперек.

Странно? Скорее, страшно! Удивительно и непонятно? Да! Но меня, по правде, больше поражает другое: почему никто из этих «умельцев» своевременно не был привлечен к комсомольской ответственности?

ЧЛЕН ВЛКСМ обязан «решительно бороться... с религиозными предрассудками и другими чуждыми социалистическому образу жизни взглядами и нравами». Так записано в Уставе ВЛКСМ. Но что он значит для рядовых Н. Шкурика, Р. Прагина-вичуса, Н. Власюка? Библия — вот, похоже, их устав. А комсомольский билет — всего лишь ширма, удобно скрывающая различные религиозные атрибуты: иконки, списки с молитвами.

А вот и другие «экспонаты», извлеченные на свет при проверке комсомольских до-

ДЕЛА И ЗАБОТЫ КОМСОМОЛЬСКИЕ

кументов: деньги, открытки, календари. Рядовой А. Крутильников бережно хранил в своем билете... фотографии Рэмбо. У рядового В. Сухих там целая коллекция слайдов с изображением голливудских красавиц. Что касается рядовых Н. Мамедкалиева и Г. Серявичуса, то они с головой ушли в детальное изучение откровенно порнографических «этудов», хороня их от любопытных глаз опять же в своих комсомольских билетах.

И ведь вы только вдумайтесь, вся эта грязь и низость — рядом с шестью орденами, обильно политыми кровью и потом тех, кто подарил нам сегодняшний день, рядом с изображением Ленина.

Я смотрел на эти билеты, бездумно превращенные в «кошельки», «дневники», «молитвенники», «календари», а перед глазами стояли другие — залитые кровью, пробитые пулями и осколками. С фотографий смотрели на меня не только герои Великой Отечественной, но и наши с вами современники. Один из них воин-интернационалист сержант запаса Сергей Колотило.

ВСТРЕТИЛИСЬ и познакомились мы в общем-то случайно, незаметно сблизились, подружились. Когда недавно я рассказал ему о фактах осквернения комсомольских билетов нашими солдатами, он посмотрел на меня глазами, полными гнева и боли.

— Передайте им, — каким-то чужим голосом проговорил Сергей и смеялся, видимо, не находя подходящего слова. Потом быстро достал из кармана полиэтиленовый пакетик, извлек из него комсомольский билет и протянул его мне: — Расскажите им вот о чем...

Возвращаясь с задания, группа наших солдат попала в засаду. Путь к отступлению оказался отрезанным. Пользуясь значительным численным перевесом, душманы начали методично сжимать кольцо. Наши, заняв круговую оборону, приняли неравный бой.

У большого валуна занял позицию рядовой Кирилл Рушницкий. Он вел прицельный огонь короткими очередями. Но, как ни экономил патроны, в разгар боя почувствовал, что боеприпасы на исходе. Душманы же, невзирая на потери, все лезли и лезли.

«Живым — никогда!» — мелькнула у комсомольца мысль и вскоре завладела каждой его клеточкой. Рука машинально потянулась за отворот х/б. Там письмо от мамы и комсомольский билет. Даже этот родной кусочек далекой Родины он не отдаст врагу, не позволит прикасаться к нему грязными руками.

Кирилл перевалился на правый бок, ковырнул штык-ножом твердую породу и аккуратно вложил в образовавшуюся расщелину заветный сверток.

Бой шел со все большим ожесточением. Рядовой Рушницкий был ранен в плечо, контужен. Какое-то время он пролежал без сознания, а когда очнулся, увидел своего замкомзвода сержанта Колотило, поднимающего товарищей в атаку.

Душманы не выдержали отчаянного натиска. Преследовать же прорвавшуюся горстку уцелевших советских солдат почему-то не решились.

И тут... «билет!» — отрывисто выдохнул

Кирилл. Как вкопанные остановились солдаты.

— Я должен вернуться, — глухо проговорил Рушницкий, обращаясь к сержанту. Из-под ног сыпались камни. С трудом давался каждый шаг. Но за спиной Кирилл чувствовал горячее дыхание товарищей...

Мы сидели в тишине тенистой аллеи.

— Что же дальше? — не выдержал я, взволнованный услышанным.

— Дальше? Ничего особенного. Основные силы банды ушли в горы. На месте боя остались мародеры. Снимали все, что только можно было снять со своих же убитых. Тут мы и накрыли их. А вот потом, — Сергей тяжело вздохнул, — Кирилл спустя несколько месяцев погиб. Его комсомольский билет я храню теперь рядом со своим.

Бережно держу в руках комсомольский билет рядового Кирилла Рушницкого, а внутри все кипит. Как могли рядом с такими ребятами вырасти совсем иные парни? Вот они, плоды «валового» приема в комсомол. Вот он, результат бюрократизма и формализма работы комсомольских лидеров, заживо схоронивших инициативу и творчество молодежи, притуливших боль и гордость дорогой нам памяти.

...**ТОЛЬКО** руками разводят молодежные вожак офицеры А. Коротков, С. Васильев, А. Кухарев: что, мол, мы можем сделать? Разве мы принимали в Ленинский союз тех, кто не дорожит своей принадлежностью к нему, уродует комсомольские билеты? Да, принимали не вы, но сделать можете и обязаны многое!

Причины падения авторитета ВЛКСМ надо искать прежде всего в каждом из нас.

Плохо, что наведение порядка с комсомольскими документами мы по привычке начали «сверху»; проблема-то куда виднее в «первичке», группе.

...Этот билет сразу заставил обратить на себя внимание. Вернее, не сам документ, а потемневшая от времени обложка, в которой хранился. Она досталась комсомольцу рядовому В. Мухырю от отца, вручившего ее сыну в день вступления в ряды ВЛКСМ. Пропахшая порохом и рабочим потом, она как дорогая семейная реликвия передается из поколения в поколение. Побольше бы нам таких негромких, но истинных по своей сути традиций!

ПО ВСЕЙ стране, пусть не так гладко, как хотелось бы, и не так быстро, идет перестройка. Она проникает во все стороны нашей жизни, в наше сознание, изрядно подвергшееся коррозии в застойные годы. Не лучшие времена переживает сейчас комсомол. Трудно ему. Но он был, есть и будет. Это я тем, кто пытается намекнуть: мол, не изжил ли себя Ленинский Союз Молодежи? Помочь ему твердо встать на ноги — это другой вопрос. Здесь верный спутник и надежная опора — перестройка. Не парадно-рапортная, а основательная и деловая, как, скажем, пахота в весеннем поле.

Капитан А. БЫСТРОВ,
помощник начальника политотдела
внутренних войск
по Средней Азии и Казахстану
по комсомольской работе,
член ЦК ЛКСМ Казахстана.

«...Заговор в войсках НКВД»

ЖЕРТВОЙ ЭТОГО БЕРИЕВСКОГО МИФА СТАЛИ
МНОГИЕ ВОЕНАЧАЛЬНИКИ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПЕРВЫЙ
КОМАНДИР ДИВИЗИИ ИМЕНИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО
КОМБРИГ П. Г. КОБЕЛЕВ.

П. Г. Кобелев.

Летом 1937 года на одном из совещаний в Наркомате внутренних дел генеральный комиссар госбезопасности Н. Ежов как бы между прочим бросил фразу: «Товарищ Сталин считает, что военно-фашистский заговор должен иметь ряд ответвлений». И чуть позже в течение всего 1939 года «многочисленные» следователи теперь уже нового «железного сталинского наркома» Л. Берия с усердием трудились над очередным из таких «ответвлений» — раскрытием «антисоветского заговора в войсках НКВД».

Эта чудовищная акция была задумана с целью очищения войск от «неугодных и строптивых», от тех, кто сомневался в существовании в стране такого огромного количества «врагов народа», кто прямо или косвенно высказывался против необоснованных репрессий.

Фантазия бериевских следователей работала с размахом. Им была нужна разветвленная антисоветская организация. Но как ни старались они — широкомасштабного заговора не получалось. Цепочка распалась на отдельные звенья. По этому полностью сфабрикованному «делу» было арестовано несколько человек высшего и старшего состава войск НКВД. На допросах они держались стойко...

Одним из «заговорщиков» оказался комбриг Павел Георгиевич Кобелев — первый командир дивизии имени Ф. Э. Дзержинского. Считается, что историю этого про-

славленного соединения внутренних войск мы знаем достаточно хорошо. Неожиданно выяснилось, что о его первом командире известно до обидного мало. Даже в историческом формуляре дивизии фамилия Кобелева отсутствует. В брошюрах и книгах по истории войск, изданных Политическим управлением, упоминания о нем весьма отрывочны и в некоторых случаях не точны. Например, в сборнике документов и материалов «Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922—1941 гг.» (М.: Юридическая литература, 1977.—640 с. с илл.) ошибочно указана дата трагической гибели П. Г. Кобелева — 1938 год. Тогда его только уволили из войск. До расстрела около двух лет. Долгие и нестерпимые месяцы тюремных застенков и допросов с пристрастием...

Эти факты, конечно, объясняются и объективными причинами. Ко многим архивным материалам доступ исследователям ограничивался.

Наконец в архивах удалось разыскать некоторые документы, по-новому раскрывающие многие страницы биографии мужественного комбрига.

Павел Георгиевич Кобелев родился в 1894 году в Курске в семье мелкого торговца. К разочарованию отца, должного интереса к коммерции он не проявлял. Много лет спустя он напишет в одной из анкет о своем детстве и юности следую-

Парад войск ГПУ Московского гарнизона 17 декабря 1922 г. на Красной площади в ознаменование 5-летия ВЧК-ГПУ. Командующий парадом командир 1-го отдельного полка войск ГПУ П. Г. Кобелев докладывает Ф. Э. Дзержинскому о готовности частей к проведению парада.

154

щее: «...до 1915 года учился, окончил церковно-приходскую школу, два класса городского училища, два класса торговой школы, курсы землемерного училища в Курске...»

В 1915 году Павел надел солдатскую шинель. Служить ему довелось в I-м самокатном батальоне, воевал на германском фронте под Двинском.

После Февральской революции в воинских частях стали создаваться солдатские комитеты. Более достойной кандидатуры для своего комитета, чем Кобелев, самокатчики не видели.

Воины-самокатчики были одной из самых революционных частей Петроградского гарнизона. Батальон стал полностью красногвардейским за несколько месяцев до Октябрьского вооруженного восстания. Самокатчики несли охрану штаба революции Смольного, выполняли поручения Военно-революционного комитета. А когда генерал Корнилов двинул войска на революционный Питер, самокатный батальон в полном составе выступил против мятежников...

У организаторов вооруженного восстания красногвардеец Кобелев пользовался большим доверием. Он выполнял роль связного-самокатчика при Смольном институте. Доставлял пакеты с приказами и распоряжениями ВРК в воинские части и подразделения восставшего гарнизона. Благодаря этому Павел познакомился со многими видными деятелями Октября.

Довелось самокатчику Кобелеву штурмовать Зимний дворец, обеспечивать революционный порядок в столице нового государства рабочих и крестьян, бороться с контрреволюцией.

С первых дней создания Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией небольшой отряд бойцов I-го самокатного батальона постоянно выполнял ее отдельные задания и поручения. В марте 1918 года по ходатайству Ф. Э. Дзержинского этот отряд был полностью передан в ведение ВЧК. Павла Кобелева назначают начальником чекистского самокатного отряда, а затем и батальона войск ВЧК. Самокатчики участвовали почти во всех чекистских операциях по борьбе с контрреволюцией в Петрограде и Москве.

В одной из анкет Кобелева в графе «участие в боевых операциях» значится: «В ликвидации анархобандитов в Петрограде и Москве; в подавлении левозсеровского мятежа в Москве в 1918 году; в ликвидации заговора национального центра в Москве и области в 1919 году и других операциях ВЧК-ГПУ...»

В схватках с врагами Советской власти закалялся характер Павла Кобелева, приобретался командирский опыт и чекистские навыки, совершенствовалось боевое мастерство. Вскоре его назначают командиром I-го отдельного полка войск ГПУ. Двадцатисемилетний комполка был строг и заботлив, честен и человечен. А как он относился к детям!

Еще в январе 1921 года Президиум ВЦИК утвердил Ф. Э. Дзержинского председателем Комиссии по улучшению жизни детей. Но воины-чекисты в силу специфики своей деятельности и раньше постоянно сталкивались с детской беспризорностью. По мере сил и возможностей они старались облегчить их тяжелую долю. Кобелев при оркестре своего полка создал музыкальную школу для круглых сирот. В день пятилетия Октябрьской революции в праздничной демонстрации участвовал сводный детский оркестр музыкальных школ войск ГПУ Московского гарнизона. Своей отличной музыкальной подготовкой подростки успешно соперничали со многими военными оркестрами. Особенно отличались музыканты детской школы I-го полка. «Считая, что успех, достигнутый в этом, — подчеркивалось в одном из приказов ГПУ войскам, подписанном И. С. Уншлихтом, — принадлежит всецело... неустанным заботам по образцовой постановке полковой школы подростков командира I-го полка ГПУ т. Кобелева, объявляю ему благодарность...»

В конце 1922 года торжественно отмечалось пятилетие ВЧК-ГПУ. В честь этого события 17 декабря на Красной площади был назначен парад войск ГПУ Московского гарнизона. Он являлся смотром возросшей строевой и боевой выучки воинов-чекистов, демонстрацией их готовности в любую минуту встать на защиту завоеваний Октября.

В приказе о проведении парада говорилось: «Парад принимает народный комиссар внутренних дел, он же путей сообщения, председатель ГПУ, командующий войсками ГПУ т. Дзержинский... Командующим парадом назначается командир I-го отдельного полка войск ГПУ т. Кобелев...».

Сохранилась фотография того далекого события. Вдоль здания нынешнего ГУМа замерли в строгом строю воины-чекисты. На их головах — буденовки, руки твердо сжимают винтовки с прижатыми штиками. Командующий парадом Кобелев с шашкой наголо докладывает Феликсу Эдмундовичу о готовности к проведению парада. Оба в длинных кавалерийских шинелях...

В связи с пятилетием ВЧК-ГПУ была учреждена специальная чекистская награда — знак «Почетный чекист». Награждение производилось за особые заслуги, проявленные в борьбе с врагами Советской власти. Кобелеву был вручен такой знак за номером 19. «За беспощадную борьбу с контрреволюцией», — указывалось в грамоте, выдаваемой вместе с наградой.

В декабре того же года еще одно знаменательное событие произошло в жизни Павла Георгиевича: его избрали депутатом Моссовета. Многотиражная газета I-го полка «На страже революции» опубликовала наказ избирателей: «Пусть депутаты, избранные нами, исполняют наш наказ, исполняют нашу волю, доказав на деле, что

власть у нас воистину рабоче-крестьянская».

В конце 1923 года 1-й отдельный полк войск ОГПУ вошел в состав Отряда особого назначения (ОСНАЗ) при коллегии ОГПУ. Командиром отряда стал Кобелев. А в середине следующего года началось формирование соединения ОСНАЗ при коллегии ОГПУ. Павел Георгиевич вошел в историю дивизии как ее первый начальник-военком.

Формирование дивизии закончилось к середине июля 1924 года. Воины-осназцы обеспечивали охрану съездов Советов, конгрессов Коминтерна, поддерживали революционный порядок при проведении массово-политических мероприятий, охраняли важные государственные учреждения, вели беспощадную борьбу с политическим бандитизмом. Наряду с этими сложными задачами командование дивизии уделяло большое внимание боевой подготовке личного состава, освоению новых видов вооружения и боевой техники. Осенью 1925 года Кобелев получил распоряжение вывести части дивизии на двухнедельные маневры войск Московского гарнизона. В ходе их дивизия «показала образцовые и примерные для других частей действия».

Вместе с дивизией рос и Кобелев, приобретал необходимый опыт и знания. Много сил и энергии он отдал совершенствованию войскового организма, его мужанию. В июне 1926 года в соединение прибыла комиссия ОГПУ. После тщательного и всестороннего анализа состояния дел она отметила «значительные достижения в боевой подготовке, дисциплине, несении боевой службы, политике и в материально-бытовом отношении».

Но радость от достигнутых успехов заслонило огромное горе, постигшее воинвоосназцев. Центральные газеты опубликовали правительственное сообщение: «20 июля, в 16 час. 40 мин., на своей квартире, от приступа грудной жабы, скоропостижно скончался председатель Высшего Совета Народного Хозяйства Союза ССР и председатель Объединенного государственного политического управления СССР товарищ Феликс Эдмундович Дзержинский...».

Воины-чекисты собрались на траурный митинг. Его открыл Кобелев.

— Умер часовой Октября — Дзержинский, — говорил он, едва сдерживая дрожь в голосе. — Словами не выразить всю скорбь этой великой утраты. Пусть коллегия ОГПУ знает, что мы — сироты без Дзержинского, но наши чекистские ряды не дрогнули...

На митинге воины-чекисты приняли резолюцию: ходатайствовать перед ОГПУ о присвоении дивизии имени железного Феликса.

«...Удостаивая дивизию имени покойного вождя, — подчеркивалось в приказе ОГПУ о присвоении дивизии имени Феликса Эдмундовича, подписанном В. Р. Менжинским, — коллегия ОГПУ выражает твердую уверенность, что «осназцы» будут с честью носить это имя...».

Около пяти лет командовал П. Г. Кобелев славным соединением.

Его успехи в нелегкой и тревожной службе были отмечены именными золотыми ча-

сами, серебряным портсигаром; почетным оружием — именной шашкой. В 1928 году грудь командива украсил высший в то время знак отличия — орден Красного Знамени. В мотивировке награждения боевым орденом сказано: за активное участие в Октябрьской революции, гражданской войне и в связи с 10-летием РККА.

В 1929 году Кобелев стал слушателем Военной академии имени М. В. Фрунзе. В те годы академию возглавлял один из видных советских военачальников Р. П. Эйдемман. На лекциях отстаивались прогрессивные взгляды на ведение военных действий в современных условиях, на современное военное строительство.

После успешного окончания академии Павла Георгиевича назначают начальником Управления внутренней охраны ОГПУ Московского округа. Это было время коренной реорганизации войск, приближения их структуры и системы руководства к общевойсковым. В своей работе он старался на практике как можно шире применить все то новое и передовое, чему научился в академии.

В 1935 году П. Г. Кобелеву одному из первых в войсках было присвоено персональное воинское звание — комбриг.

«...Открытые судебные процессы над Тухачевским, другими известными военачальниками, деятелями партии и государства поразили Павла Георгиевича. «Враги народа» — это не укладывалось в его голове. Репрессии начались и в системе НКВД. Войска захлестнула кадровая чехарда...»

В 1938 году Кобелева неожиданно переводят из столицы на Северный Кавказ на равнозначную должность начальника Управления пограничной и внутренней охраны НКВД Северо-Кавказского округа. А через несколько месяцев — увольнение из войск и арест...

Вместе с Кобелевым по «делу об антисоветском заговоре» были арестованы начальник Управления пограничной и внутренней охраны НКВД АзССР П. И. Смирнов, командир 3-й Амурской бригады войск НКВД по охране железнодорожных сооружений, герой гражданской войны А. Г. Лунев, командир 236-го полка войск НКВД А. М. Гильфонд. Им предъявили чудовищное в своей абсурдности обвинение «в том, что являлись участниками антисоветской заговорщической террористической организации и занимались подготовкой к совершению террористических актов...». Только за это следовало самое суровое наказание. Но изощренному следствию этого казалось мало. Боевых, испытанных командиров-чекистов обвинили еще и в том, что, «являясь командирами воинских частей, готовили свои подразделения для вооруженных выступлений против Советской власти...».

24 января 1940 года суд полностью признал П. Г. Кобелева и его соратников виновными в этих немыслимых преступлениях. Приговор был безжалостным. Высшая мера наказания — расстрел. Приговор привели в исполнение в тот же день...

Ныне первый командир дивизии имени Ф. Э. Дзержинского комбриг Павел Георгиевич Кобелев реабилитирован.

Капитан Н. СЫСОВЕВ.

155

Юлиан Семенов

НЕНАПИСАННЫЕ

РО- МА- НЫ

Вместо предисловия

1

Хочу предложить вниманию читателей короткие сюжеты из «Ненаписанных романов», которые уже никогда не станут романами: не успею, увы.

В новеллах, которые я предлагаю вниманию читателя, нет вымысла: они построены на встречах с живыми свидетелями и участниками описываемых событий.

Литератор не прокурор. Он имеет право на свою версию истории, хотя высшее право беспристрастного судьи присуще именно Истории. Стремление к однозначным оценкам скрывает неуверенность в себе или страх перед мыслью. Лишь те выводы, к которым человек приходит самостоятельно, единственно и формируют его нравственную позицию.

Главное, что меня занимало, когда я работал над этой вещью, — это проблема неограниченной власти в годы, именуемые сейчас периодом культа личности.

Понимание такого рода феномена должно помочь наработать в каждом из нас гражданское противодействие даже легчайшим рецидивам возможности возрождения чего-либо подобного в той или иной форме.

Сталин читал работы Сергея Булгакова еще до того, как тот был выслан в Париж и стал протонереем; и строй рассуждений философа казался ему любознательным, в нем не было ничего от убеждающе-стремительной легкости Бердяева, которая болезненно его раздражала, потому что в ней он чувствовал нечто похожее на стиль Троцкого — такая же парадоксальность, раскованность, блеск; естественно, это привлекает к нему широкого читателя, жаль.

Булгаков был ближе к надежной теологической доказательности; очень русский, оттого постоянно искал исток духовности и правды; именно у него Сталин как-то прочитал длинную цитату из Библии без сноски на страницу; это помогло ему на диспуте с лидером меньшевиков Ноем Жордания: когда стало очевидно, что легендарный «Костров» берет над ним верх, Сталин процитировал пассаж, абсолютно подтверждавший его правоту, сказав слушателям, что он оперировал выдержкой из Маркса, — это и решило исход дела; изумленный Авель Енукидзе спросил: «Из какой работы ты это взял, Коба?» Сталин усмехнулся: «Пусть ищут, откуда я знаю? Главное сделано, люди пошли за нами».

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Поэтому, узнав, что Политпросвет не разрешает МХАТу показ пьесы Михаила Булгакова — как говорят, родственника столь уважаемого им православного философа, — Сталин попросил Мехлиса позвонить Луначарскому и предупредить наркома, чтобы без его, Сталина, посещения театра окончательного решения по пьесе не принимать: «Хочу посмотреть сам».

...Он тяжело страдал от того, что в свое время высказался против привлечения Троцким военспецов в Красную Армию: «Опасно давать командирские звания бывшим офицерам-золотопогонникам: сколько волка ни корми — в лес смотрит!» Он полагал, что его поддержит Дзержинский, первый красный главноком Крыленко, Антонов-Овсеенко с Раскольниковым, Невским, Дыбенко и Подвойским: не могут же первые народные комиссары Армии и Флота так легко уступить свое место «команде» Троцкого, неужели так легко отдадут то, что по праву принадлежит им?

Однако и Подвойский, и Крыленко с Раскольниковым, и Дыбенко с Антоновым-Овсеенко согласились с доводами Троцкого; наверняка запомнили его, Сталина, возражение, именно поэтому, вероятно, главноком Вацетис и его штаб так настороженно относились к нему во время сражения против Колчака.

...Время кидать камни и время собирать камни, воистину так. Сейчас, когда Троцкий, Каменев и Зиновьев потеряли свои позиции в ЦК, именно он, Сталин, должен приблизить к себе буржуазных спецов в сфере культуры; Горький позволил себе стать эмигрантом; таким образом его детище, ЦЕКУБУ¹, вполне может послужить его, Сталина, целям:

¹ Центральная комиссия улучшения быта ученых.

буржуазные деятели культуры — при том что маскируются — таят в себе заряд русской государственной идеи, а это надежный заслон против «мировой революции» Троцкого и иже с ним; русский народ не сможет не оценить этого — в будущем, понятно; торопиться негоже, выдержка и еще раз выдержка, только она являет собою вернейшую константу окончательной победы... Он мучительно, до щемящей боли в сердце сознавал, что ему ничего не остается, кроме как ждать: он не мог, не имел права выйти на общесоюзную трибуну до тех пор, пока рядом Бухарин, с его эрудицией, раскрепощенностью, с блестящим русским языком; пока приходится терпеть Луначарского; пока в народе свежа память о зажигательных речах бывшего предреввоенсовета Троцкого — никакого акцента, фейерверк мыслей, какое-то странно-волготное отношение к чувству собственного достоинства на трибуне...

...И ведь снова он, именно он, Троцкий, — в пику мнению большинства ЦК — выступил с эссе о талантливом поэте Сергее Есенине; снова оказался впереди, хотя потерял и Армию, и Политбюро. Однако популярность — с ним; ведь именно он заступился за русского поэта; ничего, когда перестанем печатать Есенина, то и статью Троцкого забудут... Пусть порезвится; сжать зубы и ждать, уж недолго эсталося...

С его, Сталина, акцентом, с его директивностью стиля и чувством гордой ответственности за каждое произнесенное слово (Мехлис — надежный редактор, недаром его так не любят; ясное дело, зависть: не у них, а у него, Сталина, такой помощник) сейчас надо готовить поле боя, но не выходить на него, рано, народ не созрел еще, он должен устать от дискуссий и свободы, он должен возглавлять единого вождя, — кто знает русских, как не он, Сталин?!

ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

Очень хотел бы, чтобы вы, воины, хорошо знали историю Родины, историю своих войск. К истории всегда надо относиться честно — она никогда не должна писаться в угоду кому-то.

В моем произведении много страниц посвящено горестным судьбам чекистов Артузова, Уншлихта, Кедрова, Петровского, Новикова... Но в том же комиссариате были и наделенные огромной властью палачи собственного народа. И о тех, и о других надо знать правду, ибо только она есть очищение от зла, надежный щит для того, чтобы не повторились старые ошибки.

Иван Селин

Итак, Сталин приехал на закрытый спектакль во МХАТ; в ложе рядом с ним сидели Станиславский, Немирович-Данченко, начальник ПУРККА Бубнов; наркома Луначарского, Крупскую, Ульянову не пригласили, Мехлис вызвал завагитпропом Стецкого, замзавотделом Кагановича и Николая Ежова.

Сталин оглядел зал: множество знакомых лиц; ясно, собрали аппарат.

После первого акта, когда медленно дали свет, зрители обернулись на ложу, стараясь угадать реакцию Сталина; он, понимая, чего ждут все эти люди, нахмурился, чтобы сдержать горделивую — до холодка в сердце — улыбку; медленно поднялся, вышел в квартиру, обуродованную впритык к правительственной ложе; заметив ищущий, несколько растерянный взгляд Станиславского, устало присел к столу, попросил стакан чаю; на смешливый вопрос Немировича-Данченко: «Ну как, товарищ Сталин? Нравится?» — и вовсе не ответил, чуть пожав плечами.

И после второго акта он видел взгляды зала, обращенные к нему: аплодировать или свистеть? Он так же молча поднялся и ушел, не позволив никому понять себя, — много чести, учитесь выдержке. С острой неприязнью мазанул быстрым взглядом лицо Солнца, члена ЦКК; ишь, «совесть партии», посмотрим, кто истинная совесть партии, народ выскочек не любит, особенно тех, кто склонен к политическим спектаклям... Дело в том, что Мехлис доложил ему: Солц, ехавший в ЦК, как всегда, на трамвае, зачитался книгой и не заметил свою остановку. Легко вскочив с места, бросился к выходу; здоровенный верзила с мутным, похмельным взглядом закрывал проход.

— Товарищ, разрешите, пожалуйста, — обратился к нему Солц.

Тот осклабился:

— Куда торопишься, юркий?! Больно шустрый!

Солц не понял потаенный смысл сказанного, повторил просьбу. Верзила зло осклабился:

— Подождешь, жиденыйш!

Стоявший неподалеку милиционер усмехнулся:

— Да пусти ты старика пархатого.

— Как же вам не стыдно?! — тихо сказал Солц, обернувшись к милиционеру. — Что можно пьянице, то непозволительно вам, представителю советской власти!

Милиционер лениво посмотрел на пассажиров:

— Все слышали, товарищи? Слышали, как при вас оскорбили красного милиционера?! — И, не дождав ответа, взял Солца за руку и подтолкнул его к выходу...

В отделении дежурный выслушал милиционера, потом обернулся к Солцу и попросил дать показания; Солц рассказал все как было. Дежурный пожал плечами:

— Конечно, про жиду нехорошо, но мы не позволим оскорблять красного милиционера!

Солц потребовал встречи с начальником отделения; тот слушать его не стал, махнул рукой:

— Нечего оскорблять наших людей, они же вас и защищают, в камеру его!

— Я хочу позвонить Дзержинскому, — сказал Солц, — немедленно!

Все трое рассмеялись:

— Только что и дел Феликсу Эдмундовичу до вас!

И только после этого Солц достал трясущимися руками свое удостоверение; имя этого политкаторжанина, героя революции, ленинца было известно всем. Он позвонил Дзержинскому. Через двадцать минут Феликс Эдмундович был на Солянке, в милиции; дверь и окна приказал заколотить досками; через час в ОГПУ был отдан приказ, вычеркивавший это отделение из списка московских: нет такого номера и впредь не будет, рецидив охранки, а не Рабоче-Крестьянская милиция...

...В сороковых годах отделение восстановили: Сталин никогда ничего никому не прощал, оттого что все помнил...

...После окончания спектакля Сталин так же медленно поднялся, подошел к барьеру ложи и обвел взглядом зал, в котором было так тихо, что пролети муха — гудом покажется...

Он видел на лицах зрителей растерянность, ожидание, восторг, гнев; каждый человек — человек: кому нравится спектакль, кто в ярости; церковь не зря обращалась к пастве, но не к личности — мала, падка на дурь, вздор и соблазн...

Сталин выдержал паузу, несколько раз похлопал сухими маленькими ладонями; в зале немедленно вспыхнули аплодисменты; он опустил руки; аплодисменты враз смолкли; тогда, не скрывая усмешки, зааплодировал снова; началась овация, дали занавес, на поклон вышли плачущие от счастья актеры.

Сталин обернулся к Станиславскому и, продолжая медленно подносить правую ладонь к малоподвижной левой, сказал:

— Большое спасибо за спектакль, Константин Сергеевич...

В правительственном кабинете при ложе был накрыт стол — много фруктов, сухое вино, конфеты, привезенные начальником кремлевской охраны Паукером; напряженность сняло как рукой: Немирович-Данченко оглаживал бороду, повторяя: «Я мгновенно понял, что Иосиф Виссарионович в восторге! Я это почувствовал сразу! Как всякий политик, — нажал он, — товарищ Сталин не может не обладать даром выдающегося актера».

Сталину явно не понравилось это замечание, он отвернулся к Станиславскому и, принимая из рук Паукера бокал с вином, чуть кашлянув, поднялся; сразу же воцарилась тишина.

— Скажите, Константин Сергеевич, сколь часто наши неучи из политпросвета мешают вам, выдающимся русским художникам?

Не ожидая такого вопроса, Станиславский словно бы споткнулся:

— Простите, не понял...

Сталин неторопливо пояснил:

— Вам же приходится сдавать спектакли политическим недорослям, далеким от искусства... Вас контролируют невежды из охранительных ведомств, которые только и умеют, что не пущать... Вот меня и волнует: очень ли мешают вам творить эти проходимцы?

И тогда Станиславский потянулся к Сталину, словно к брату, сценил ломкие длинные пальцы и прошептал:

— Иосиф Виссарионович, тише, здесь же кругом ГПУ!

...Когда Сталин, отсмеявшись ответу Станиславского, сделал маленький глоток из своего бокала и сел, рядом сразу же устроился Немирович-Данченко; мгновенно просчитав их отношения во время всего вечера, понимая, как Немирович тянется к нему, Сталин обернулся к Владимиру Ивановичу:

— А вот как вам кажется: опера Глинки «Жизнь за царя» имеет право на то, чтобы быть восстановленной на сцене Большого театра?

Немирович-Данченко растерялся, прищурился, поправил «бабочку» и в задумчивости откинулся на спинку стула.

Сталин, улыбнувшись, придвинулся к нему еще ближе:

— Говорите правду, Владимир Иванович. Мне — можно, другим — рискованно.

— В конечном счете это опера не о царе, но о мужике Иване Сусанине. Это гордость русской классики, Иосиф Виссарионович. Восстановление этой оперы вызовет восторг артистической Москвы.

Сталин достал трубку, закуривать не стал, спросил задумчиво:

— И Мейерхольд будет в восторге?

— Конечно!

Сталин покачал головой:

— Хм... Любопытно... Впрочем, если Троцкий так поднимает на щит Есенина, почему бы Мейерхольду не восторгаться Глинкой?

О Немировиче подумал: «Чистый человек, весь наружу, наивен, как ребенок».

...Спустил почти десять лет генсек предложил на Политбюро восстановить оперу Глинки, переименовав ее в «Ивана Сусанина».

2

...Я никогда не забуду руки Сталина, маленькие, стариковские уже, ласковые...

...Звонок «вертушки» раздался около одиннадцати; отец подошел к аппарату — точное подобие того, что стоял в ленинском кабинете, копия с фотографии Оцуа.

— Слушаю.

— Бухарина, пожалуйста.

— Его нет, — ответил отец, дежуривший в кабинете редактора «Известий».

— А где он?

— Видимо, зашел к Радеку.

— Спасибо.

Голос был знакомым, очень глухим, тихим.

Через две минуты снова позвонили:

— Что, Бухарин не вернулся? У Радека его нет...

— Наберите номер через десять минут, — ответил отец, — я пошщу его в редакции.

Он, однако, знал, что Николай Иванович уехал к Нюсе Лариной, своей юной, красивой жене, матери маленького Юры: поздний ребенок — родился, когда Бухарина исполнилось сорок семь, копия отца, такой же лобастый, остроносенький, голубоглазый.

Отвечать по «вертушке», что редактора нет на месте, невозможно: руководители партийных и правительственных ведомств могли разъезжаться по домам лишь после того, как товарищ Сталин отправится на дачу; обычно это бывает в два-три часа утра, когда на улицах нет людей, абсолютная гарантия безопасности во время переезда из Кремля за город.

Отец поэтому решил — от греха — уйти из кабинета, где стояла «вертушка». Тем более, в типографии у дежурного редактора Макса Кривицкого возникли какие-то вопросы, есть отговорка: перед самым собой, не перед кем-то...

Вернулся он что-то около трех, лег на диван, подложив под голову подушку-думку Николая Ивановича — тот привез ее из Америки, спал на ней в тюрьме, куда его посадили в семнадцатом: не хотели пускать в Россию, знали, что этот человек может стать одной из пружин новой революции, страшались.

В три часа снова раздался звонок «вертушки». Голос был тот же, тихий, глухой:

— Алло, простите, что я вас так поздно тревожу, это Сталин говорит...

Отец, испытывая звенящую горделивую радость, сказал, что он счастлив слышать Иосифа Виссарионовича, какие указания, что следует сделать?

— Бухарина, видимо, в редакции уже нет? Пусть отдыхает... Тем более сегодня воскресенье... Ваша фамилия? Кто вы?

Отец ответил, что он помощник Бухарина, заместитель директора издательства «Известий».

— Вы в курсе той записки, которую Бухарин направил в Политбюро? — спросил Сталин.

— Мы готовили ее проект вместе с Василием Семеновичем Медведевым.

— А не Бухарин? — Сталин чуть усмехнулся.

— Николай Иванович попросил нас сделать лишь экономические расчеты, товарищ Сталин.

— Завтра в три часа приезжайте ко мне на дачу, вас встретят, передадите Бухарину и редколлегии мои соображения по поводу записки.

...Я отчетливо помню, как отец усадил меня в свой маленький «фордик» — по-

дарок Серго Орджоникидзе за организацию выставки «Наши достижения к XVII партсъезду». Называли эту машину «для молодоженов с тещей», потому что впереди было два места для шофера и пассажира, а сзади откидывался багажник, куда мог поместиться третий человек; вот журналисты и шутили: «Там будет сидеть теща с зонтиком, чтобы не промокли во время дождя», — «Фордик» — то был открытый, без крыши...

...Через восемнадцать лет, в январе пятьдесят четвертого, когда разговор по делу отца, осужденного Особым совещанием на десять лет тюремного заключения во Владимирском политическом изоляторе, был отменен и его вернули в Бутырку, меня вызвал полковник Мельников, ставший — во время переследования — другом отца.

— Обыск проводили только в вашей квартире? — спросил он.

— Верно, — ответил я.

— А у бабушки, где в ту ночь ночевал отец, обыска не было?

— Не было.

— Скажите, а какие-нибудь отцовские документы могли остаться у вашей бабушки?

— Какие именно?

Мельников помолчал, потом глянул на молчаливого соседа по кабинету, размял папиросу и, наконец, ответил:

— Ну, вот, в частности, одним из пунктов обвинения вашего отца было то, что он получил в подарок от Бухарина автомобиль... А ваш отец утверждает, что был премирован лично товарищем Орджоникидзе...

— А что, нельзя запросить архив Наркомтяжпрома?

— Наркомтяжпрома нет, и архива нет, — ответил Мельников. — Я пытался...

Я вспомнил тот день, когда подполковник Кобцов руководил группой, приехавшей забирать отца, вспомнил, как на полу квартиры валялись книги, документы, записки, фотографии, вспомнил, как возле моей левой ноги лежала бумажка: приказ по Наркомтяжпрому о награждении отца автомобилем, подписанный Серго, вспомнил, как, страшась самого себя, я осторожно подвинул каблучком эту бумагу под тахту, а потом, когда обыск кончился, все документы и фотографии отца (с Серго, с генералом Берзариним в Берлине, с маршалом Говоровым, с Константином Симоновым, с Воршиловым) увезли, а комнату опечатали, я ночью вскрыл форточку, влез в бывший кабинет и достал из-под тахты этот приказ Серго — все, что у меня отныне оставалось от памяти...

— А что, если я вам найду этот документ? — спросил я Мельникова. — Это во многом поможет делу?

— Во многом. Отпадает одно из самых серьезных обвинений: согласитесь, подарок от троцкистского диверсанта Бухарина не украшает советского человека...

...Итак, отец усадил меня в свою машиненку, и был он тогда одет в черную косоворотку с белыми пуговичками, в коричневый пиджак, и было ему тогда двадцать девять (одногодок моей старшей дочери Дунечки. Спаси бог поколение от повторения ужаса тех лет), и счастливо шепнул:

— Сынок, я еду к товарищу Сталину!

И каким же одухотворенным было его лицо, когда он шепнул мне это, сколько в нем было мальчишеского счастья и невыразимой гордости от того, что увидит «фельдмаршала революции», «вождя народов», «творца нашего счастья», «отца всех одержанных нами побед».

...Оставив машину возле ворот сталинской дачи, назвав свое имя, несуразно ответив на то, как ему, выткнувшись, откозыряли люди из личной охраны Сталина, отец попросил их поглядеть за мною: «Пусть мальчик поиграет рядышком, только б далеко не отходил, ладно?»

...Спустя восемнадцать лет, вернувшись из тюрьмы, он рассказал мне все, что произошло дальше, — в подробностях.

По песчаной дорожке к дому Сталина его сопровождали два человека в форме; Сталина отец увидел издали: тот оккупывал молодое грушевое деревце, делал он это неторопливо, вкрадчиво, но одновременно резко нажимая маленькой ногой на остро отточенную лопату, входившую на штык в жирную, унавоженную землю.

— Знаешь, — говорил мне потом отец, — в его фигуре, особенно когда он наваливался на лопату, чувствовалась литая сила; он наслаждался этой работой, и что-то неестественное было в его единении с жирной землей, тем более, что рядом стояла легкая плетеная мебель: столик и три кресла; на столике лежал утренняя номер «Известий», прижатый ножницами, коробкой «Герцеговины Флор», трубкой и спичками.

— Садитесь, — Сталин кивнул на кресло, словно бы спиной заметив, что отец подошел к нему.

Вогнав лопату в землю, он обернулся, достал платок, вытер маленькие руки, сел рядом и, неторопливо набив трубку папиросным табаком «Герцеговины», заговорил:

— Мы в Политбюро познакомились с запиской Бухарина... Он предлагает понизить стоимость газеты с пятнадцати копеек до десяти потому, что вырос тираж, газета стала популярной в народе... Передайте редколлегии, что это наивное предложение... Надо просить Пэ-бэ не понижать стоимость номера, а повышать его... До двадцати копеек... Так мы решили. Возможно, Бухарин согласится с нашим мнением... Я бы просил также передать редколлегии ряд моих соображений и по поводу верстки номера... Она пока что оставляет желать лучшего, слыхом недисциплинированна, разностильна, точнее говоря... Вы — правительственный официоз, поэтому, если первая полоса несколько суховата, надо

взрывать ее изнутри — темой передовицы, например. Не стоит бояться острых тем, больше критики, нелицеприятной критики... Газета должна быть единым целым — это азы пропаганды и агитации. Поэтому, во-вторых, на следующей полосе должен быть фельетон, публицистика, развивающая основные тезисы передовицы. И не бойтесь, наконец, и на третьей полосе, где печатаются иностранные материалы, заверстать что-либо, связанное с основной темой номера... Ну, а четвертая — в ваших руках, ищите в ней свою «известинскую» индивидуальность... Вот, собственно, и все...

— Спасибо, товарищ Сталин, я передам редколлегии все ваши пожелания.

Сталин заметил движение отца за мгновение перед тем, как он решил встать с кресла.

— Погодите, — сказал он, пыхнув трубкой. — У меня к вам ряд вопросов...

— Слушаю, товарищ Сталин...

— У вас дети есть?

— Да, товарищ Сталин, есть.

— Сколько?

— Сын — Юлька...

В это время к Сталину подошел высокий круглолицый человек, склонился к нему:

— Звонит Калинин... По поводу сегодняшнего мероприятия... Что сказать?

Сталин неторопливо пыхнул трубкой, положил ее на стол, поднялся и пошел к дому. Отсутствовал он минут пятнадцать; когда вернулся, лицо чуть побледнело, улыбка морщинок вокруг глаз не было, жестче обозначился рот под сидящими усами.

— Трудно содержать ребенка? — спросил Сталин, словно бы все то время, что говорил с Калининным, помнил ответ отца.

— Нет, товарищ Сталин, нетрудно.

— Вы сколько получаете в месяц?

— Партмаксимум, «кремлевку»...

— А жена?

— Она библиотечка... Зарабатывает сто десять, вполне обеспечены...

— Хорошо, а могли бы вы содержать двух детей на этот ваш максимум?

— Да, товарищ Сталин, смог бы!

Сталин усмешливо посмотрел на отца, но глаза были строгие, несмеющиеся, желтые:

— У грузин есть присказка: «один сын — не сын, два сына — полсына, три сына — сын»... Смогли бы содержать на ваши оклады трех детей? Честно отвечайте, не пойте...

— Конечно, товарищ Сталин, смогли бы...

Сталин, неотрывно глядя в глаза отца, спросил:

— Почему вы ногами егозите? В туалет надо?

— Нет, товарищ Сталин. Просто у меня в машине сын остался, я поэтому несколько волнуюсь...

— А что же вы его не привели сюда? Разве можно бросать ребенка? Пойдите-ка за ним...

...Я помню большие, крестьянские руки отца, помню, как он прижал меня к себе, помню, каким горячим было его лицо, помню его восторженный шепот:

— Сейчас ты увидишь товарища Сталина, сынок!

...А я не смог поднять глаз на вождя, потому что торжественное, цепенящее, робкое смущение обуяло меня...

Но зато я увидел его маленькие руки, ощутил их ласковое тепло, Сталин легко поднял меня, посадил на колени, погладил по голове и, кивнув на газету, что лежала на плетеном столике, сказал отцу:

— Этот номер «Известий» возьмите с собою. Тут есть ряд моих замечаний по верстке. Может быть, пригодятся Бухарину и Радеку. Счастливой дороги...

...Кортеж «накардов» обогнал нас у въезда в Москву — Сталин возвращался в Кремль.

В это же время, только с другой стороны, в Кремль въехала машина с зашторенными стеклами, в которой сидели Каменев и Зиновьев; их привезли из внутренней тюрьмы для встречи со Сталиным и Ежовым; вчера они, наконец, после двухлетнего заключения согласились писать сценарий своего процесса, который закопает Троцкого, докажет его фашистскую сущность, взамен на заверения о том, что им будет сохранена жизнь, а малолетних детей выпустят из тюрьмы.

...А когда был принят указ, запрещающий аборт, я помню, как отец ликующе говорил всем, кто приходил к нам:

— Как же он мудр, наш Коба, как замечательно он готовит решения! Сначала советуется с рядовыми работниками, выясняет всю правду, а только потом санкционирует указ государства! Мы непобедимы нерасторжностью связи с вождем, в этом наша сила!

Все, конечно, с ним соглашались.

Бухарин, однако, глядя на отца с грустной улыбкой, восторги его никак не комментировал, молчал.

Только дядька Илья, один из самых молодых наших комбригов, покачал головой:

— Сенька, ты что, как тетерев, заливаешься? Ты хоть знаешь, где аборт запрещают? Только в католических странах! Там, где последнее слово за церковью. У них за аборт в тюрьмы сажают, а коммунисты поддерживают женщин, которые выступают за то, чтобы не власть, а она сама решала, как ей следует поступить... Кому охота нищих да несчастных плодить?!

Отец побледнел, резко поднялся:

— Что, повторения двадцать седьмого года захотел?! Неймется?!

...Тогда, в ноябре двадцать седьмого, после разгона демонстрации оппозиционеров — отец принимал в ней участие — братья подрались.

Жили они на Никитской, дом этот сейчас снесен; длинный коридор, заложный поленцами — еще топили печи; затаенные коммуналки с толстыми дверями — до революции здесь разме-

щался бордель, греховная любовь требует тишины. Комнатушка деда и бабушки была крохотной, метров десять, курить выходили в коридор, здесь и схватились, когда Илья, выслушав восторженный рассказ отца, хмуро заметил: «Что ж ты раньше Каменева не тащил за ноги с трибуны, когда его портреты на демонстрации выносили? Как скажут «ату!», так и бросился...» — «Ты на кого?! — отец захохотался от гнева. — Ты кого защищаешь?! На кого голос поднимаешь?!» — «Да ни на кого я голоса не поднимаю... Голова у тебя есть? Есть. Ну и думай ею, а не повторяй чужие слова, как попка-дурак».

Отец тогда схватился за полено. Илья легко выбил полено у него из рук, вертанул кисть за спину, повернулся и уехал к себе в Люберцы, он был там начальником НКВД. С тех пор братья два года не разговаривали, тяжело переживая размолвку.

Помирились на похоронах общего друга, Васи Сироткина, его зарезали во время командировки на коллективизацию, виновных не нашли, а двое сирот у него остались. Нюра и Зина, погодки.

...После того, как в «Известиях» начали печатать сообщения о расстреле троцкистско-фашистских наймитов Каменева и Зиновьева (заместителя Ленина по Совнаркому и предисполкома Коммунистического Интернационала), лицо Бухарина сделалось желтым, вымученным; он лег на землю (это было на Памире), взял свечку, зажал ее в руках, сложил их на тоненькой груди и, посмотрев на отца, усмехнулся:

— Семен, я похож на покойника, а?

3

Федор Николаевич Петров, один из старейших большевиков, консультировал в шестидесятых мой роман и фильм «Пароль не нужен» о Блюхере и Постышеве.

Он-то и рассказал мне историю, которая теперь подтверждается косвенными свидетельствами; хочу верить, что вскоре откроются новые обстоятельства, опровергнуть которые невозможно.

— Когда Каменева и Зиновьева сломали, уговорив признаться в том, что они — по заданию Троцкого — организовали убийство Кирова, когда после того, как Сталин дал им честное слово, что они не будут расстреляны, если помогут «закопать троцкизм как идейное течение», суд провели быстро, в суматохе не проверили «показания» обвиняемых, заранее написанные людьми наркома Генриха Ягоды, и случился трагедийный конфуз. — Петров еще больше прибавил звук в старинном радиоприемнике, стоявшем на его большом письменном столе возле окна, из которого открывался прекрасный вид на Москву и Кремль. — Один из зиновьевцев «признался», что он приезжал в Копенгаген для встречи с Львом Седовым — сыном Троцкого — и останавливался в

отеле «Бристоль». А скорые на розыск датские журналисты — через неделю после того, как обвиняемые были расстреляны, — опубликовали официальную справку, что отель «Бристоль» был снесен за много лет до описываемых событий, фальшивка чистой воды... Именно тогда Серго потребовал у Сталина рассмотрения этого дела с вызовом свидетелей, оставшихся в живых.

Сталин пообещал и сразу же начал готовить второй процесс, на этот раз против заместителей Орджоникидзе — Пятакова и Серебрякова. Их обвинили уже не только в троцкизме и диверсиях, но и в шпионаже. Однако в отличие от Зиновьева (честно говоря, он был слабым, амбициозным человеком, но, понятно, ни в каком терроре не участвовал), Юрий Пятаков никогда не дрался за власть, от оппозиции отошел. Серго утвердил его первым заместителем народного комиссара тяжелой промышленности — на нем был и Сталинградский тракторный, и Горьковский автозавод имени Молотова, и Кузбасс, и Магнитка, человек действительно горел на работе... Мы все чтим память его брата, Леонида, замученного петлюровцами в девятнадцатом, — словом, чистый был человек, чистый и открытый... Как можно было повернуть его на признание в шпионаже? Коммунист, ленинец — и гестаповский шпион? Давить на него, как давили на Каменева, у того осталось двое детей, трудно, семья у Пятаковых не сложилась, жена пила, он и ночевал-то порою у себя в кабинете...

...В поселке «Известий» на Сходне, рядом с той дачей, где жили мы, стоял дом Карла Радека, возглавлявшего иностранный отдел редакции; друг Держинского и Розы Люксембург, человек непростой, ядовито-остроумный, он, после того, как публично отрекся от Троцкого и был за это возвращен в двадцать девятом году из ссылки, стал одним из тех, кто более всего славил Сталина, причем делал это вдохновенно и талантливо. Он-то и рассказывал тогда: «Коба — человек поразительный! Он узнал, что новый заместитель наркома ютится в крошечной квартирке, и приказал перевезти его семью в роскошные апартаменты, обставленные чудной мебелью... Вот как Коба относится к тем, кто честно разоружился и порвал с оппозиционерами, поняв чудовищную сущность Троцкого...»

(Когда прошла очередная волна арестов, во время торжественного банкета по случаю дня рождения Максима Горького, помрачневший лицом Радек, неотрывно глядя при этом на секретаря ЦК Ежова, поднял тост: «Я пью за нашу максимально горькую действительность...»

Сталин, не выпуская трубки изо рта, сухо посмеялся вместе с Алексеем Максимовичем, который не отпускал от себя Бухарина; его лицо порою теряло обычную живость, замирало и чуть желтело, становясь не по чозрасту старческим.)

Из квартиры, подаренной Сталиным, Пятакова скорости и забрали — в один день с Радеком...

Федор Николаевич вздохнул о чем-то и, устроившись поудобнее в кресле, словно бы затолкав свое усохшее тело в привычно малое пространство между спинкой и подлокотниками, снова изучающе-требовательно обсмотрел меня:

— Я-то скоро уйду, а вам надо сохранить память, только оттого все это и рассказываю, хоть и рискую. Да, да, это так. Каждый, кто прикасается к той поре, рискует. Словом, Серго Орджоникидзе потребовал устроить ему встречу с Пятаковым. И получил ее. Никто не знает, о чем шла речь, никто, кроме Сталина, потому что тот дал Орджоникидзе слово: «Пятаков не будет казнен». Но Пятакова, как и Каменева, расстреляли. Серго был в ярости, Ежов ему ответил: «Пятаков жив». Серго потребовал встречи. Ему пообещали; Ежов уверял наркома: «Юрий (он и после процесса над «шпионом» продолжал так называть Пятакова) перенес шок после фарса, разыгранного норвежцами. Как только он придет в себя, вы увидите его, Григорий Константинович...» Шок действительно был, но не для Пятакова, а для тех, кто писал за него показания: он заученно произнес на суде, что, мол, летал на немецком самолете в Осло на встречу с Троцким. А норвежские социал-демократы опубликовали в газете опровержение: в тот месяц, когда Пятаков якобы летал в Осло, ни один иностранный самолет там не приземлялся...

...Серго позвонил Сталину; тот отказался его принять; Серго сказал: «Куба, если нам необходимо развенчать Троцкого, то партии совершенно неудобно избиение ленинцев». И — начал готовить свое выступление на февральском Пленуме ЦК... Он знал, что его поддержат Постышев, Чубарь, возможно, Калинин... Он понимал, что Сталин наверняка поднимет на Пленуме вопрос об аресте Бухарина, а тот был его другом... Он допускал, что если открыто и честно сказать Пленуму всю правду, то далеко не все станут поддерживать Сталина. Потому что геноцид, начатый против старой гвардии, принял чудовищные формы. Нам предлагали верить в бред, произносимый на скамье подсудимых всеми, кого Ленин вел вместе с собою, поручая ответственнейшие должности в самые крутые месяцы гражданской войны и интервенции. Но мы помнили состав нашего первого правительства! Мы-то помнили, кто составлял костяк Политбюро в самые грозные пять лет — с октября семнадцатого! А теперь оказывается, что эти люди уже тогда были предателями! Чего ж они тогда не захватили власть?! Их — при Ленине — было подавляющее большинство! А был ли один я такой памятный?! Да нет! Как минимум, миллион партийцев! И столько же — беспартийных активистов! Это — минимум минимум! Значит, тогда ж и ли два миллиона людей с кровоточащей памятью — я имею в виду большевиков со стажем.

А их семьи?! Понимаете, каким резервом обладали те, кому был дорог Ленин?! Понимаете, как шатки тогда были позиции Сталина, несмотря на то, что Ежов с его рукавица ми душил всех, кто продолжал оставаться личностью — то есть, зная правду, не отрекался от памяти?! Понимаете, что Серго — с его авторитетом — мог повернуть ход истории, прекратив чудовищный террор?! Понимаете, что он мог потребовать у Пленума выполнения воли Ленина о снятии Сталина с поста генерального секретаря?!

...Вторым человеком, консультировавшим наш фильм «Шароль не нужен», был генерал Штеменко. С громадными усами, удивительно тактичный, с печально-доброжелательной улыбкой, неторопливый в словах, он во время одной из встреч со съемочной группой, всматриваясь в лицо Николая Губенко, игравшего роль Василия Константиновича Блюхера, заметил:

— Я попрошу подобрать все архивы по маршалу... Надо бы вам поискать чего-то еще для этого замечательного образа.

Я сказал тогда, что все архивы уничтожены; пояснил, что находил огрызки документов, просматривая отчеты ветеринарной службы дальневосточной армии, — там чудом сохранились резолюции Блюхера, в которых удивительно прочитывался человек, его моральный стержень, мягкость и непримиримость.

Штеменко усмешливо покачал головой:

— Мы свои архивы не трогали, через три дня вам их покажут.

Однако, когда мы увиделись через три дня, он заметил:

— Да, к сожалению, вы правы. Архивов нет, все уничтожено, надо собирать по памяти.

...Иван Степанович Конев, служивший в армии Блюхера командиром бронепоезда, а затем ставший начальником оперативного отдела штаба его фронта, показал мне маленькую фотографию главнокомандующего ОКДВО — Особого Краснознаменного Дальневосточного военного округа — Блюхера, стоявшую у него на столе:

— Я не убирал ее с этого места и после того, как маршал пал жертвой клеветы.

...Маршал Блюхер не пал жертвой клеветы; его надо было убрать, ибо он посмел сказать друзьям, что не судил Тухачевского, хотя его именем был подписан приговор одному из самых блестящих военачальников двадцатого века. «Суда не было, — повторял он, — Тухачевского и Якира просто убили...»

Василий Константинович покончил с собой сразу после ареста, чтобы не окзаться сломанным, чтобы не предать свое плохое чудовищными показаниями на очередном процессе, эти показания убивали не жизнь, а то дело, которому он служил, — Революцию...

...Петров устало поднял руку, указал пальцем на книжные стеллажи и, прикрыв веки, сказал:

— Посмотрите речи Сталина на февральско-мартовском Пленуме тридцать седьмого года... Обратите внимание, что там впервые не было привычных «бурных аплодисментов, переходящих в овацию». Просто — «аплодисменты»... И главный удар Сталин нанес по неназванному Серго, по «хозяйственным успехам, которые привели к беспечности»... Серго постоянно говорил: чем больше наши успехи, тем лучше живут люди; чем они явственнее ощущают прямую связь между трудом и благополучием, тем меньше будет врагов в стране, нет поля для вражды, наоборот, пришло гражданское замирение... А Сталин, наоборот, гнул свою линию: чем больше успехов, тем сильнее сопротивление врагов... А ведь Бухарин еще не был арестован, объявил голодовку, написал письмо членам ЦК о своей невиновности, сидел в кремлевском зале — кандидат в члены ЦК. Именно тот Пленум должен был решить его судьбу. «Бухарин — любимец партии» — не случайная фраза. Ее помнили. После того, как Пятаков сказал на суде про аэродром в Осло и всему миру стало понятно, что второй процесс тоже построен на фальшивках, Сталин решил, что Пятаков это сделал намеренно — прокричал о своей невиновности из камеры тюрьмы. И помог ему в этом, считал он, Серго... — Петров говорил тяжело, с одышкой, часто замолкал, словно собираясь с силами. — А за Серго действительно была школа в Лонжюмо, Ленин открыто называл его своим другом. Серго никогда — в отличие от Сталина — против Ленина не выступал, он шел за ним ледоколом...

— А дело Мдивани? — спросил я. — Помните, как Ленин тогда обрушился на Серго?

Петров раздраженно пожал плечами: — Политическая борьба предполагает чувство! Не надо из Ленина делать икону! Как всякий гениальный стратег, он был при этом ранимым человеком... Он не считал возможным скрывать того, что думал! Увидав, что вытворили его любимцы Каменев и Зиновьев в октябре семнадцатого, он прелюдно назвал их «проститутками!» Но ведь через пять дней после этого Каменев стал председателем ВЦИКа! То есть президентом революционной России! (Петров сказал это именно так, «революционной», строкой Блока.) А Зиновьев — секретарем Петроградской парторганизации! А Троцкий, которого — опять-таки поделом — Ленин называл в свое время «иудушкой», по его же, ленинскому, предложению был единогласно избран народным комиссаром иностранных дел, хотя сначала именно Ленин предложил его — председателя Петроградского Совета рабочих депутатов — на пост председателя Совнаркома! А Троцкий отказался! Троцкий сказал, что председателем Совнаркома может быть только один человек — Ленин! Это же правда! Как ее ни прятать, она все равно не исчезнет... А как Ленин «колотил» Бухарина и Дзержинского во время Брестского мира?! Но ведь он не предлагал

сместить Феликса Эдмундовича с поста председателя ЧК! А у Бухарина — отобрать редакторство «Правды»! Мы отучились дискутировать! Нас приучили к поранжирному повиновению! Мы поэтому... Нет, вы... Хотя это нечестно — Петров прерывисто, всхлипывающе вздохнул, — мы, именно мы, вина моего поколения перед вами неизмерима... Мы поэтому не понимаем, как это можно обмениваться резкостями, но при этом оставаться на одной стороне баррикады... Нам стало важно слово, а не дело... Постепенно победило Евангелие, семинария, дисциплина казармы...

Медленно, словно бы собирая себя, Петров поднялся, отошел к кровати:

— Словом, говорили, что Сталин поручил начальнику охраны Ежова убить Серго. И Серго был застрелен у себя на квартире... Наиболее доверенным сказали, что Серго покончил с собой — слишком дружил с Бухариным, Рыковым, Пятаковым. Но ведь шла в мешке не утайшь: те, кто первым вошел в квартиру Орджоникидзе, подписали себе смертный приговор, составив акт о том, что в маузер Серго было семь патронов, а пороховой гари в стволе не было... Этих дзержинцев расстреляли, но — через неделю. Понимаете?! И мы узнали правду... И мы поняли: теперь все возможно, время вседозволенности, конец надеждам, крах вере в справедливость... А на похоронах Сталин рыдал на груди того, кто был им убит... А было тогда Серго сорок девять лет... А наркомздрав Каминский, который подписывал официальный бюллетень о «болезни» Серго, был расстрелян, как и все, кто знал трагедию или слышал о ней. Вот так и закончился термидор... А вот я уцелел...

Петров медленно поднял на меня серые глаза, в которых постоянно жила печаль и невысказанный укор:

— Да, я молчал, это правда... Но я и молчал-то для того лишь, чтобы дожить до сегодняшнего дня... Чтобы сохранить для вас мою память... Хоть какую-то, но все же... Пritchа о Глате вопиющего в пустыне еще ждет своего толкователя.

4

Это случилось во время традиционного авиапарада в Тушине. Рано утром к нам домой позвонил Бухарин:

— Семен, вы куда едете?

— Конечно, Николай Иванович.

— Слушайте, я ни разу не наблюдал этого зрелища с поля — всегда с трибуны... Возьмите-ка меня с собой, а?

Отец заехал за Бухариным, тот взял огромный бинокль, две бутылки боржоми, сказал, что близкие за городом, поэтому бутербродов, увы, не будет, я, задержавшись возле окна, внимательно обсмотрел улицу.

— В пятом году перед тем как уйти с квартиры, я всегда проверялся, нет ли слежки, — улыбнулся Бухарин. — Не думал, что привычка так въедлива. Да-

же когда меня охраняли как члена Политбюро, порою ловил себя на мысли: отчего сопровождающие не глядят, чисто ли на улице. Впрочем, — заключил он, — к несвободе привыкаешь значительно быстрее, странно...

В ту пору брат моего отца, Илья, комбриг, вступивший в Красную Армию в восемнадцатом году, когда ему было четырнадцать, работал заместителем легендарного начальника московской милиции Вуля. В тот день он отвечал за обеспечение и координацию деятельности ОРУДа. Поскольку на парад приехало все руководство во главе со Сталиным — Молотов, Ежов, Ворошилов, Калинин, Каганович, Андреев, Микоян, Хрущев, Чубарь, Рудзутак, Косиор, Постышев, — регулировка движения на трассе от Кремля до Тушинского аэродрома была делом весьма ответственным, как и порядок на поле: «страна кишмя кишит троцкистско-зиновьевскими диверсантами и шпионами, они готовят теракты против товарища Сталина, бдительность и еще раз бдительность, враг не дремлет...»

В отличие от отца, прослушавшего курс у Бухарина в ту пору, когда Николай Иванович возглавлял Институт Красной профессуры, Илья был самоучкой, закончил четыре класса в деревне Березине, потом занимался в школе рабочей молодежи, будучи уже командиром эскадрона. Отличала его военная косточка, поэтому, заметив отцовский «Фордик» (редакционный пропуск разрешал ездить на поле), он подошел, никак не предполагая, что человек в косо-воротке и кепчонке, устроившийся на капоте машины, не кто иной, как Бухарин; вскинув ладонь под козырек, Илья отпарторговал:

— Товарищ член Центрального Исполнительного Комитета, обстановка на поле нормальная, никаких происшествий не было!

Бухарин недоумевающе посмотрел на отца.

— Это мой брат, — чуть смущенно пояснил отец.

— Ах, это и есть ваш легендарный Илья?! — Бухарин протянул ему руку. — Приятно познакомиться.

И в это как раз время над полем аэродрома пронесли самолеты; Бухарин, взбросив бинокль, словно любопытный ребенок, приник к окулярам; проведя серебряные машины, подивившись слаженной стройности их треугольника, он случайно мазанул биноклем по правительственной трибуне и увидел, как Сталин неотрывно рассматривает в бинокль его, Бухарина.

Не оборачиваясь к отцу, Николай Иванович негромко сказал:

— Семен, пусть ваш брат продолжает работу на поле, а вам бы лучше сесть на землю. Подстелите газету, вы хорошо сидите по-азербайджански, как настоящий кунак...

Через двадцать минут Илья вернулся и, снова взяв под козырек, обратился к Бухарину:

— Товарищ член Центрального...

— Да вы прощ, — досадливо попрощал Бухарин, не отрывая глаз от бинокля, — обращайтесь ко мне по-человечески.

— Николай Иванович, товарищ Сталин просит вас подняться на правительственную трибуну, мне поручил это передать вам замнаркомвнудел товарищ Берман...

Бухарин снова мазанул окулярами по местам под полотняным тентом, где наблюдали парад члены Политбюро, и снова уткнулся в бинокль Сталина, направленный точно на него.

— Передайте Берману благодарность, — ответил он. — Но мне очень интересно наблюдать парад как журналисту, среди зрителей.

За неделю до того, как Бухарина прямо с заседания Пленума ЦК отправили в тюрьму, Илью арестовали.

Следователь, молодой парень, мобилизованный в НКВД после расстрела практически всего прежнего аппарата дзержинцев, внимательно посмотрел на те места в петличках дядкиной гимнастерки, где еще утром были эмалированные ромбы, отличительный знак комбрига, и очень тихо сказал:

— Нам все известно о вашей преступной связи с врагом народа Бухариным. Вы знаете законы, поэтому нет нужды разъяснять, что чистосердечное признание о совместной вражеской деятельности с троцкистским прихвостнем облегчит вашу участь.

— Я видел Бухарина один раз в жизни, — ответил Илья. — На Тушинском аэродроме. Я подошел, чтобы приветствовать его, как полагается по уставу...

— Как вы узнали его среди десятков тысяч трудящихся? По условному знаку? Или было заранее обговорено место встречи?

— Да не было ничего обговорено!

— Кто привез Бухарина в Тушино?

— Не помню.

— Кто вам его показал?

Илья усмехнулся:

— Вы с какого года?

— Здесь мы задаем вопросы, — также тихо и корректно ответил следователь. — А вы отвечаете.

— Вам двадцать два, — сказал Илья. — не больше. Значит, в двадцать девятом вам было четырнадцать, и вы помните, что портреты Бухарина выносили на Красную площадь наряду с другими членами Политбюро.

— И вы не препятствовали этому?

— Чему?

— Прославлению одного из диверсантов и убийц?!

— Да разве член Политбюро может быть диверсантом и убийцей?!

— Прошу ответить на конкретный вопрос: вы, лично вы, не препятствовали прославлению Бухарина?

— Слушай, ну что ты, ей-богу, вола крутишь? — Илья вздохнул. — Скажи, что произошло, чего ты от меня хочешь, и на основании этого, когда я пойму суть дела, станем говорить по-людски.

— Это что, призыв к сговору? Так вас надо понимать? Повторяю: с какого года поддерживаете конспиративную связь с врагом народа Бухариным, формы, паролы, явки?! Пока не ответите на эти вопросы, из кабинета не выйдете.

И — начался конвейер: один следователь сменял другого, работала бригада; в конце вторых суток Илья почувствовал, что готов на все, лишь бы соснуть хоть десяток минут. И вот в то именно время вошел Иван Коробейников, они вместе участвовали в польском походе, в двадцатом.

Он долго сидел за столом, обхватив голову ладонями, потом подобрал к Илье, схватил его за шею, поднял со стула и закричал:

— Ты сколько времени будешь издеваться над людьми, вражина сучья? А?! Ты сколько времени будешь задом вертеть?!

И, приблизив свое лицо к лицу Ильи, одними губами прошептал:

— Спи, а я буду орать.

И, обматерив комбрига, швырнул его на стул.

Илья сразу же уснул, как выключился. Он не знал, сколько времени спал, но очнулся от того, что Коробейников хлестнул его по лицу, заорав истошно:

— Встать! Я что говорю, вражина сучья?!

Илья, не понимая, что происходит, смотрел на него изумленно.

— Почему не выполняете указаний следователя? — услышал он чей-то голос у себя за спиной; с трудом обернувшись, увидел замнаркома Бермана. Тот стоял рядом с Николаем Ивановичем Ежовым, маленьким, похожим на калмыка, в скромной гимнастерке и мягких сапогах.

Раскачиваясь, Илья поднялся:

— Я не сплю двое суток, товарищ заместитель наркома.

— Гусь свинье не товарищ, — отрезал Берман. — Будете и дальше отпираться, пенять придется на себя. Сколько лет сыну? Пять? Смотрите, останется сиротой! Пролетарская диктатура умеет прощать заблудших, но беспощадна к вражинам.

Ежов кивнул Коробейникову:

— Продолжайте работать, соблюдая корректность, — и вышел; Берман — следом.

В ту ночь Илья спал четыре часа, это дало ему возможность вынести еще двое суток «конвейера», пока не пришел черед Ивана; и снова тот, надрываясь, кричал, а Илья, отвалив голову на спинку стула, спал.

После этого, на исходе пятого дня, Илью отправили в тюрьму: «С этим типчиком надо работать более серьезно».

И первым, кого он увидел в камере, был тот, самый первый, молодецкий следователь — уже без кубарей в петлицах и без шеврона НКВД на рукаве гимнастерки; Илья заметил его сразу, хотя вместо четырех человек было набито более тридцати; сидели и лежали по очереди, пока остальные, кто покреп-

че, стояли, подпирая друг друга спинами — какой-никакой, а отдых.

Сосед Ильи, судя по следам от ромбов — начдив, то и дело усмехался, как скалился:

— Я — троцкист, а? Ты понимаешь?! Троцкист! Все, кто был в Красной Армии с восемнадцатого, — троцкисты! Сам с Троцким на трибунах стояли и в президиумах сидели, а нам — отдувайся! Кто виноват, что Ленин с собою в Смольный одних врагов народа привел?! Кто?! Мы?!

Ночью комдива и еще семерых военных вызвали по списку.

— Прощай, браток, — сказал он Илье и дал ему мундштучок, который не выпускал изо рта. — Нас ведут кончать. И тебя кончат, если не признаешься в какой дури. Соглашайся на то, что Климента Ефремовича критиковал, шутковал над ним, но только дай им что-нибудь. Я поздно это понял — чего с меня взять, троцкист долбаный, дурак...

Через три месяца Илья признался, что однажды слышал антисоветский анекдот в трамвае, рассказывал старик в очках, с родинкой на носу, увижу где — сразу на него укажу, виноват, что не задержал на месте, потерял бдительность, готов отвечать по всей строгости закона.

Решением Особого совещания ему дали пять лет, и он был этапирован во Владивосток; там, вокруг вокзала, уже ждало отправки в Ванянский порт более тридцати тысяч зеков, спали на земле, где кто устроится.

Осмотревшись, Илья понял, что урки наверняка пришлют его за чекистскую форму — «сука», а особенно за следы от ромбов, — «большая сука». Поэтому, вспомнив молодость (хотя во время ареста ему было всего тридцать три), бои с бандформированиями, когда его под видом блатного мальчишки засылали в состав группировок Булак-Булаховича, он присел к уркам — кинуть «очко».

То ли урки были квые, то ли карта шла Илье, то ли он умело тасовал, но к утру снял банк, унес наволочку с деньгами, купил валенки, ватник, теплую шапку, кожаную куртку; свою форму продал фраерам, а через месяц оказался на руднике «Запятаая», в двухстах километрах от Магадана.

С повозок им сбросили колючую проволоку, чтобы сами обнесли зону, и простыни: «Устраивайте себе ледовые палатки, ничего, перезимуете, челюскинцы труднее жили».

И началось его лагерное житье.

В забое работал вместе с секретарем Ленинградского горкома (доходил, арестовали в тридцать шестом) и начальником политотдела Сталинской железной дороги — Василием Борисовым.

Секретарь горкома тощал на глазах, сох; однажды шепнул Илье:

— Не в коня корм, Илюшка... Меня несет, язва... Как горох поем, так он целехоньким и выходит... Горошинка от горошинки... Добро пропадает... Понял?

Тут выжить надо, для этого все сойдет, скоро этот бред кончится, погоди, дай только узнать обо всем товарищу Сталину...

Илья начал промывать нечистоты, заливал кипятком и, зажмурившись, ел горошки и ки...

Когда секретаря похоронили — в забое, сил не было тащить наверх, — начальник политотдела сказал:

— Илья, с полгода протянем, глядишь, а потом содохнем... Надо идти в побег, нести правду Москве: здесь же цвет партии гибнет.

— А чего ты жрать в побеге будешь? — спросил Илья. — До железной дороги не дочапаешь, до Магадана две сотни верст, замерзнем...

— Говорят, есть путь... Помнишь чекиста Бурова? Он еще с помощником Дзержинского, товарищем Беленьким дружил? Ну он и говорил, что отсюда было два побега, выходили на материк...

— А где этот Буров?

— Похоронили неделю назад.

— А Беленький?

— Того в Москве расстреляли, он сокамерникам говорил...

— А ты поверил? Здесь же ссылок не было, тут ссылку начали год назад создавать, Вася, сказки это...

— Так что ж — и подыхать здесь?!

— Не надо, — усмехнулся Илья, — стоит пожить...

Помог, как и всегда, случай: единственный трактор, который забросили в лагерь еще летом тридцать седьмого, сломался. Начальник выстроил эзков:

— Кто исправит машину — дам килограмм масла и три буханки хлеба.

Илья шагнул из строя:

— Я механик, гражданин начальник. Позвольте попробовать?

— Попробовать? Нет, пробовать не разрешу. А заперешь машину — до конца сядешь в БУР.

— Слушаюсь, гражданин начальник, согласен.

Было это уже в декабре, мороз лютый, за сорок; Илья развел костры вокруг трактора, взял в помощники начальника политотдела Васю, хотя тот в технике был ни бум-бум, а дядька как-никак кончил шоферские курсы и по праву считался одним из самых лихих водителей Москвы.

Словом, трактор они сделали, начальник был человеком справедливым, дал полтора килограмма масла и четыре буханки.

— Я это мороженое масло топором рубил, ел кусками и Васю политотдельского заставлял, — рассказывал потом дядька. — Я блюю, и он блюет, понял-нет?! «Не могу, — стонет, — кишки выворачивает». А я ему: «Жри! Надо кишки-то смазать, дать им витамин, доходягой в побег уйдешь!» — «А как же товарищи?! Им что принесем?!» Ну я тогда и озлился: «Здесь двадцать тысяч наших товарищей, понял-нет?! Хочешь накормить их полтора килограммами?!»

— Однако же, — заключил Илья, — в сердце у меня была тяжесть, неудобство какое-то, хоть лагерь быстро лечит от сентиментальностей. Отнесли мы маслаца старикам-доходягам, политкасторжанам, что еще с Фрунзе сидели, с Рудзутаком и Эйхе, понял-нет?.. А самый уважаемый человек, вроде «пахана» был у нас, политиков, член Реввоенсовета одиннадцатой армии, фамилии не помню, только знаю, что он с Иваном Никитовичем Смирновым дружил, красный командир был, его одним из первых посадили, в начале тридцатого... Так вот, поллизав масла и выслушав слова Васи, что надо нести правду в Москву, он засмеялся беззубым ртом: «Дурачок! Сталину, говоришь, намерен нести правду?! Да все, что происходит здесь, угодно одному лишь человеку — Сталину! Он же всех тех должен истребить, кто помнит Октябрь, кто знает, как он перед Троцким заискивал, как он в его честь в газете «Севзапкоммуны» в восемнадцатом году статью написал, мол, когда говорим «Красная Армия», всем ясно: «товарищ Троцкий»... Вы погодите, погодите, он еще какие-нибудь документы напечатает, каких слабаков об коленах сломит — и будет процесс против Ленина как немецкого шпиона! Что контра не успела сделать, он доделает...» Вася тогда аж побелел, масло у него вырвал, сухой обозвал, фашистом... Словом, решили мы с Васей идти в побег в июне тридцать девятого, понял-нет? К счастью, в ту пору меня на трактор перевели, так мы с Васей то хлеба сворем, то масла, подкармливали стариков-ленинцев, да и себе на побег делали запасы... Главное, чтоб в Москву прорваться, иначе следующим летом тут вообще никого не останется, одно кладбище, понял-нет? Назначили мы день побега, а тут утром, понял-нет, начальник лагеря объявляет, что приговор по моему делу отменен: Сеньку-то в партии восстановили после расстрела Ежова, ну он и пошел за меня молотить... Да, понял-нет... Это я еще тебе смешного не рассказал, у нас там смеху тоже хватало, страх вспомнить...

На Новодевичьем кладбище, на могильной плите моего деда Александра Павловича до сорок девятого года было выбито: «Прости, не успел. Илья. 20-го мая 1940 года» — дядька вернулся в Москву через три дня после похорон его отца.

Я помню, как он — худой, с ввалившимися щеками — посмотрел на обеденный стол, накрытый у нас на Спасо-Навляковском, и спросил отца:

— А водка где?

Бабушка Дуня принесла пол-литра, Илья накрошил черный хлеб в большую тарелку, нарезал туда лук, залил все это водкой и начал есть большой ложкой, — молча и сосредоточенно. Он съел всю тарелку, подвинул сквороду с яичницей и салом, поковырял вилкой и усмехнулся:

— А ведь правду говорил наш пахан-политик.

Он продолжал усмехаться, уплетая яичницу, а по щекам его катились быстрые слезы.

5

Кремлевский кабинет. Весна тридцать шестого, гулканье голубей на металлическом отливе под широкими окнами, три группы людей: слева, ближе к книжному шкафу, — Ворошилов, Ежов и Ягода, в углу — Каменев и Зиновьев, а возле самой двери — сотрудник НКВД Миронов, который доставил их на эту встречу из внутренней тюрьмы.

Медленно расхаживая по кабинету, Сталин глухо говорил, обращаясь к своим бывшим коллегам по Политбюро, но не глядя на них:

— Если товарищи поведут себя на процессе так, что смогут раз и навсегда похоронить троцкизм как идейное течение, если они докажут миру, что Троцкий не останется ни перед чем в его борьбе против государства и партии, тогда, конечно, аресты бывших оппозиционеров будут немедленно прекращены, члены их семей отпущены домой и затем отправлены в хорошие санатории, а сами товарищи, — Сталин, наконец, поднял глаза на Каменева и Зиновьева, — после вынесения приговора, который будет однозначным — «если враг не сдастся, его уничтожают», — отправятся на дачу, чтобы продолжать свою литературную работу, а затем будут помилованы, — кстати, на днях мы опубликуем закон о помиловании.

Сталин снова посмотрел на Каменева и Зиновьева, резко остановившись посреди кабинета, в уголках его рта можно было прочесть горькую, но в то же время ободряющую улыбку.

Каменев поднялся:

— Мы согласны.

Он сказал это человеку, который в семнадцатом считался его другом; во всяком случае, он, Сталин, именно так называл себя в редакции «Правды», где они — до ареста Каменева Временным правительством — были соредакторами.

Каменев считался другом Сталина и в двадцать четвертом, когда они вели совместную борьбу против Троцкого: «члены ленинского Политбюро Зиновьев, Каменев и Сталин — идейные продолжатели дела Ильича».

И вот, спустя двенадцать лет, напротив Сталина, организовавшего убийство Кирова, стоял Каменев, согласившийся принять на себя вину за это убийство и прилюдно растоптать свое прошлое.

Через два месяца Каменева расстреляют.

Миронова, присутствовавшего при том, как Сталин дал слово сохранить жизни Каменева и Зиновьева, расстреляют через семь месяцев.

Затем расстреляют Ягodu, которому Ежов дал честное слово сохранить жизнь, если он обвинит Бухарина.

Писатель Александр Воинов рассказал мне поразительную историю:

— В конце ноября сорок первого я получил недельный отпуск — после контузии и награждения орденом. Поехал в Куйбышев, там тогда находилась наша вторая столица. Встречаю на улице Киселева, режиссера кинохроники по кличке Рыжий.

— Хочешь посмотреть мой новый фильм? — спросил Киселев. — Я снимал парад на Красной площади, когда выступал товарищ Сталин.

— Конечно, хочу.

И мы отправились в то здание, где было выделено несколько комнаток кинохронике. В маленький просмотровый зал натолкалось народу видимо-невидимо; фильм смотрели затаенно, многие плакали; мягкие хлопья снега царственно и беззвучно ложатся на брусчатку Красной площади, на Мавзолей, на шинели красноармейцев и командиров, на осунувшееся лицо Сталина и его соратников — товарищей Молотова, Ворошилова, Берия, Андреева, Кагановича, Калинина, Щербакова, Микояна... Снежное безмолвие, тревожная тишина. Только одно живое во всей панораме — дыхание людей; кто простужен — ловит воздух ртом; счастливики в валенках и теплом белье дырявят студеной воздух струйками белого пара из носа.

Апофеозом фильма был тот момент, когда Сталин приблизился к микрофону и произнес свою короткую речь. Я представил себе счастье красноармейцев моего батальона, когда они увидят эти кадры: Отец — в скромной солдатской шинели, осунувшийся, но такой родной и любимый, — говорит со своими Детьми...

— Слушай, — спросил я Киселева, жадно вглядываясь в лицо Вождя, — а почему у него пар не идет изо рта?

Киселев окаменел. Я почувствовал, как замерло его плечо; он словно бы не слышал моего вопроса, а мне тогда исполнилось двадцать шесть, дипломатии учен не был, свято верил догмам: «ничего не таи в душе, спрашивай все, что не понял, товарищи помогут разобраться во всем».

— Нет, но почему все же у товарища Сталина не идет пар изо рта? — продолжал удивляться я. — У всех шел, а у него — нет...

Сзади, из напряженно-тревожной темноты, кто-то спросил требовательным шепотом:

— Кто задал этот вопрос?

Киселев яростно толкнул меня коленом, закашлялся и показал глазами на дверь; поднимаясь со стула, шепнул, стараясь скрыть свои слова надрынным кашлем: «Иди за мной».

Недоумевая, я вышел; в коридоре поразился мертвенной бледности Киселева:

«Немедленно возвращайся на фронт, — прошептал он. — Забудь об этом просмотре! Никому не говори ни слова! Знаешь, кто о тебе сейчас спрашивал?! Беги на вокзал, и чтоб ноги твоей здесь не было! Я твою фамилию не помню: какой-то журналист, и ты молчи, что мы дружили, ясно?!»

С этими словами Рыжий вернулся в зал. Я по-прежнему не очень-то понимал, что произошло. Но то, как он был испуган, как выступили мелкие веснушки на его побелевшем лице, как тряслись руки, подсказало мне: дело пахнет керосином, я прикоснулся к чему-то запретному, надо драпать.

И я бегом бросился на вокзал, сел в проходящий эшелон и вернулся на фронт, терзаемый безответным: так почему же не шел пар изо рта товарища Сталина?

С режиссером Киселевым я познакомился летом пятьдесят седьмого в Кабуле, где работал переводчиком с пушту и английского на торгово-промышленной ярмарке.

Киселев делал документальный фильм об этой ярмарке; престиж кинематографиста был тогда еще достаточно велик, он властно командовал директорами павильонов, переводчиками, гостями, организовывая нужные ему сцены; пару раз я переводил ему, когда он снимал эпизоды с наиболее уважаемыми пуштунами.

Вот к нему-то я и обратился с вопросом: «Так почему же не шел пар изо рта товарища Сталина?»

С той поры, когда он снимал легендарный парад, прошло пятнадцать лет. Сталин умер, пришло время Хрущева, в стране настала кратковременная оттепель, люди начали постепенно — со страхом и неверием — пытаться изживать из себя ввевшийся страх и привычное неверие друг в друга.

Киселев ответил мне не сразу; мялся, глядя на меня, молодого еще совсем; потом вдруг отчаянно махнул рукой:

— Ладно, расскажу... Председатель Комитета по делам кинематографии Иван Григорьевич Большаков назначил меня ответственным за съемку парада на Красной площади. Честь огромная. Сняли. В ту же ночь проявили на Лиховом переулке. Кадры — поразительные, однако речь Сталина на звуко пленку не записалась. Представляете?! Нет, вы себе этого представить не можете. Это гибель не только всех нас, всех наших родственников и друзей, но и разгром кинохроники: «злостный саботаж скрытых врагов народа, лишивших человечество уникального документа...» Именно тогда я и начал сесть, в те страшные минуты, когда звукооператор, едва шевеля посиневшими губами, сообщил эту новость.

«Как это могло случиться? — спросил я его, придя в себя. — Ты понимаешь, что нас ждет? Ты понимаешь, что мы — объективно — льем воду на мельницу Гитлера?» — «Да, — ответил мой товарищ едва слышно. — Понимаю... Но ведь

я не имел времени, чтобы проверить кабель, все ж было в спешке... Снег... Наверное, что-то не сработало в соединительных шнурах... Я за своих ребят ручаюсь головой, ты ж их знаешь — большевики, комсомольцы». — «Рыков тоже называл себя большевиком, — ответил я ему, — а на поверку оказался гестаповским шпионом».

— Словом, — продолжал Киселев, — поехал я к Большакову. Тот выслушал меня, поблдевел, походил по кабинету, потом, остановившись рядом со мною, спросил: «Какие предложения? Кто виноват в случившемся?» — «Виноват я. С меня и спрос. Предложение одно: сегодня ночью построить выгородку декорации в одном из кремлевских залов и снять там товарища Сталина». — «А как объяснить, что съемка на Красной площади была сорвана?» — «Съемка не сорвана. Кадры сняты уникальные. Но из-за того, что у нас не было времени заранее подготовиться к работе, один из соединителей микрофона отошел — снег, обледенело, — охрана постоянно гнала наших людей к камере, подальше от Мавзолея...»

Большаков снова походил по кабинету, потом снял трубку «вертушки», набрал трехзначный номер: «Товарищ Сталин, добрый вечер, трезвожит Большаков... Кинохроника сняла замечательный фильм о параде на Красной площади... Однако из-за неожиданных погодных условий звук получился некачественный. Интересы кинематографа требуют построить выгородку в Кремле и снять фрагмент речи в Грановитой палате. Что? Выгородка — это часть Мавзолея, товарищ Сталин... Да... Именно так... Это займет тридцать минут, товарищ Сталин... Да, не больше... Хорошо... Выгородку мы построим часа за четыре... Сегодня в три? — Большаков посмотрел на меня с растерянностью; большие настенные часы показывали одиннадцать вечера; я решительно кивнул, мол, успею; Большаков покачался, потом тягуче ответил: — Лучше бы часов в пять... Хорошо, товарищ Сталин, большое спасибо, в половине пятого съемочная группа прибудет к Спасским воротам, строителей и художников вышлют немедленно».

Ровно в четыре тридцать утра дверь Грановитой палаты отворилась и вошел Сталин. Видимо, Большаков его предупредил уже, Верховный был в той же солдатской шинели, что выступал давеча; хмуро кивнув съемочной группе, он поднялся на выгородку, сколоченную за это время нашими художниками; я дал знак осветителям, они врубил юпитеры; свет был ослепительным, внезапным; Сталин прикрыл глаза рукой, медленно достал из кармана текст выступления и начал говорить — в своей неторопливой, обсматривающей манере. Я наблюдал его вблизи, видел, как он похудел, как тяжелые мешки у него под глазами, как отчетливы оспины и седина; обернувшись к операторам, я сделал едва заметное движение рукой; они поняли: надо

избегать крупных планов, вождю это могло не понравиться, народ привык к совершенно иному облику Верховного: широко расправленная грудь, черные усы, прищурливая усмешливость глаз; здесь же, в Грановитой палате, на деревянном помосте, изображавшем Мавзолей, стоял согбенный, уставший старик.

И в тот короткий миг, когда я обернулся к операторам, мой коллега, отвечавший за звукозапись, показал руками, что и сейчас, в этом огромном, пустом зале, когда мерно стрекотали камеры и юпитеры жарили лицо Сталина, текст Верховного по-прежнему не идет на пленку... Я ощутил приступ тошноты, своды палаты начали рушиться на меня, сделалось душно, и я вдруг ощутил свою ничтожную, крохотную малость. Зачем надо было класть жизнь на то, чтобы рваться вперед и наверх?! Жил бы себе тихо и незаметно! Умер бы дома, в кругу родных, не обрек бы их на грядущую муку и ужас! Но именно в момент отчаяния, в ситуации кризисной решения приходят мгновенно. Когда Сталин, закончив читать выступление, снял фуражку, вытер вспотевший лоб и неторопливо пошел к выходу из Грановитой палаты, я обжег а л Большакова, который сопровождал Верховного, и сказал: «Товарищ Сталин, вам придется прочитать выступление еще раз». Помню испуг Большакова, страх, который он не мог скрыть; никогда не забуду реакцию Сталина: «Это почему?» Он спросил меня, не подымая глаз, голосом, полным усталого безразличия. И я, глядя на Большакова, словно гипнотизируя его, моля не выдавать мою вынужденную ложь, ответил: «В кинематографе принято делать дубль, товарищ Сталин». Верховный, наконец, медленно поднял на меня свои глаза: они только издали казались улыбочивыми и отеческими; когда я увидел их вблизи — желтые, постоянно двигающиеся, тревожные, — мне стало не по себе. Сталин медленно оборотился к Большакову; лицо наркомка сделалось ленивым — прочитывался каждый мускул; однако он согласно кивнул, хоть и не произнес ни слова. Медленно повернувшись, Сталин вернулся к выгородке, под жаркий свет юпитеров. Я подбежал к звукооператору, шепнул, чтобы он еще раз проверил все соединения, подошел к микрофону и постучал пальцем по сетке; звуковик обмяк в кресле, и некое подобие улыбки тронуло его бескровные губы, — все в порядке, пошло! А в моей голове мелькнула шальная мысль: «Вот бы попросить: «Товарищ Сталин, скажите-ка: раз-два-три, проба!» И я подумал: а ведь он бы выполнил мою просьбу, — важно только было сказать приказным тоном...

Дубль получился; Сталин так же, как и в первый раз, не прощаясь ни с кем, медленно пошел к выходу; я семенил за Большаковым, который был, как всегда, на полшага за Иосифом Виссарионовичем. Уже около двери Сталин жестко усмехнулся: «И в кино одни Макиавелли!».

Эти странные слова Сталина, которые так запомнились Киселеву, преследовали меня; я искал ответ на вопрос: «Почему именно Макиавелли?»

Искал и не мог найти.

...В 1965 году писатель Лев Шейнин (в прошлом помощник Вышинского) позволил мне из Кунцевской больницы: «Вы хотели поговорить с Вячеславом Михайловичем Молотовым? Он здесь, вместе с Полиной Семеновной, приезжайте, я вас представлю».

Через час я был у него в палате. Маленький, кругленький, работавший — после освобождения из Лефортовской тюрьмы — главным редактором «Мосфильма», Шейнин был человеком улыбочивым, постоянно тянувшимся к людям. В разговорах, однако, был сдержан: как-никак именно он, помощник Генерального прокурора Союза, прибыл вместе со Сталиным в Ленинград на следующий день после убийства Кирова. О Вышинском как-то сказал во время прогулки по аллеям нашего поселка в Пахре: «Это человек тайны, не стоит о нем, время не подошло». В другой раз, тоже во время прогулки, смеясь, заметил: «Когда меня привезли в Лефортово, я сказал следователю: «Если будет боржом, подпишу все, что попросите о моей, лично моей шпионской работе», — я-то знал, что исход один. Впрочем, я еще хранил иллюзии. Черток в этом смысле оказался самым умным». — «Кто такой Черток?» — «Это следователь Льва Борисовича Каменева... Чудовище был, а не человек... Он себе такое позволял, работая с Каменыным... Словом, когда за ним пришли, а это случилось через месяц после того, как Каменев был расстрелян, он прокричал: «Я вам не Каменев, меня вы не сломите!» — и сиганул с балкона». Я спросил: «Почему?» Шейнин поднял на меня свои глаза-маслины, судорожно вздохнул и ответил: «Милый, не прикасайтесь вы к этому, не надо, так будет лучше для вас...»

Именно он, Шейнин, и завел меня в большую палату государственного пенсионера СССР, бывшего члена партии Молотова и его жены, ветерана партии Жемчужиной. Разговор был светским: Молотов шутил, говоря, что, прочитав мою «Петровку, 38», он начал с опаской гулять по улицам, расспрашивал, над чем я работаю, как начал писать, имеет ли что-то общее с моей судьбой персонаж из моей повести «При исполнении служебных обязанностей» молодой пилот Павел Богачев, воспитывавшийся в детском доме, куда был отправлен после расстрела отца; когда я попросил о следующей встрече (я тогда готовился к роману «Майор Вихрь»), он ответил согласием, написал свой телефон на улице Грановского, попросив при этом никому его более не передавать.

Позвонил я к нему, однако, только через год: то он уезжал на курорт, то я шастал по стране, работая в архивах.

Первый раз я поднялся к нему на Грановского, когда Полины Семеновны не

стало уже; мы сидели в маленьком кабинете Молотова, обстановка которого напоминала фильмы тридцатых годов: кресла, обтянутые серой парусиной, стол с зеленым сукном, маленький бюст Ленина, в гостиной — книги в скромных шкафах, китайский гобелен и портрет Энгельса в деревянной рамке.

Молотов рассказал ряд эпизодов, связанных с январем сорок пятого, когда Черчилль обратился к Сталину за помощью во время Арденнского наступления немцев, дал анализ раскладу политических структур в тот месяц, как они ему представлялись; потом, улыбувшись, заметил, что в то время Сталин уже практически «не затягивался, набивал трубку «Герцеговиной Флор», но табак лишь пыхал». Не знаю почему, но именно тогда я и решил спросить его о Макиавелли.

Молотов цепко обсмотрел меня своими глазами-буравчиками, снял на мгновение пенсне, потер веки и ответил четкой формулировкой:

— Увлечение Макиавелли симптоматично, ибо свидетельствует о сползании в реакцию.

Я уже знал тогда, что в тридцать шестом году какое-то время позиции Молотова были шатки, поскольку ни Каменев с Зиновьевым, ни Пятаков не назвали его имя в числе тех, кто «подлежал уничтожению»; были перечислены практически все ближайшие соратники вождя — Н. И. Ежов, Г. К. Орджоникидзе, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, но Молотова среди них не было. Лишь после того, как был убит Серго, а Молотов вскоре выступил на февральско-мартовском Пленуме ЦК, его имя было включено в список будущих «жертв» на третьем процессе по «делу» Бухарина и Рыкова.

Знал я тогда и то, что над Молотовым собралась тучи и накануне смерти Сталина, — жена арестована как «враг народа», а сам он оттерт на третий план группой Маленкова — Берии. Поэтому меня потрясала та нескрываемая нежность, с которой он произносил имя Сталина; нежность была какой-то юношеской, восторженной, она даже несколько выпячивалась им, хотя Молотов, казалось, не был человеком поэты.

— А как Сталин относился к Макиавелли? — спросил я, несколько опасаясь его реакции, ибо рискованная пересеканность имен подчас вызывает в политиках (особенно с приставкой «экс») непредсказуемую реакцию.

Молотов ответил сдержанно:

— Сталин понимал, как чужд самому духу нашего общества строй мыслей этого философа. Сталин говорил правду, а Макиавелли всегда искал путь, чтобы ложь сделать правдой, — и, по мелким мгновениям, он заключил: — Впрочем, пороку, наоборот.

...Первый том Собрания сочинений Макиавелли был издан «Академией» в Москве и Ленинграде крошечным тиражом в тридцать четвертом году; второй том так и не опубликовали, поскольку предисло-

вие было написано Каменевым, а его — вскоре после убийства Кирова — арестовали. Хотя в предисловии Каменев и подчеркивал, что одна из порочных идей Макиавелли состоит в отторжении морали от политики и что — следуя флорентийцу — высший смысл человеческого существования заключен лишь в работе во благо государства, но при этом советовал помнить: идеал государства — это республика; Древний Рим дал пример такого сообщества, где каждый гражданин вдохновенно сражался и отвечал за престиж и достоинство родины, поскольку имел на то право, гарантированное Законом; однако Республика становится фикцией, если власть убивает в народе добродетели и личное достоинство, предпочитая править страхом и террором.

Будучи по образованию теологом, Сталин знал толк в осмыслении заложенного между строк; он считал, что выпуск тома Макиавелли с предисловием Каменева направлен против него, дирижера начинавшегося террора.

Именно поэтому во время процесса Каменеву и было поставлено в вину — наравне с подготовкой покушений и антисоветской борьбой — издание книги Макиавелли.

Сталин достаточно долго думал и о том, чтобы вписать в показания Зиновьева фразы о «вредительской» книге Займовского «Крылатое слово» с предисловием того же Каменева, который утверждал: «Автор далеко не в достаточной степени использовал нелегальную, подпольную прессу эпохи царизма, а также «крылатые слова», созданные революционной эпохой. Но это не личная ошибка автора, а скорей, наша общая беда. Можем ли мы сказать, что в должной мере изучили — или хотя бы изучаем — подпольную прессу, ее историю, ее сотрудников, приемы, язык? Конечно, нет!»

Сталин прекрасно понимал, что если, следуя Каменеву, читатели начнут «изучать подпольную прессу», то в массе своей пришлось бы упомянуть имена тех революционеров, которые ныне по его, Сталина, указанию были объявлены «врагами народа».

Именно поэтому каменевское предисловие к «Крылатым словам» и не было упомянуто на процессе: еще далеко не все книги были запрещены и изъяты из библиотек, еще не до конца была убита память — надо ждать.

Нельзя было вспомнить и «Замогильные записки» Печерина, изданные также с помощью Каменева. Как поставишь ему в вину книгу профессора Петербургского университета, сбежавшего на Запад в 1837 году, если придется зачитывать отрывки из нее?!

Каково Генеральному прокурору Вышинскому процитировать: «Я был уверен, что если бы я остался в России, то... попал бы в Сибирь ни за что ни про что. Я бежал не оглядываясь, чтобы сохранить в себе человеческое достоинство!»

(Поли додумайся царский цензор, что Лермонтов дал своему любимому герою

имя первого беглеца из России! Поди разгадай писательскую хитрость: поставил две точки над «е» — и вся недолга, — «Печёрин», а не изменник «Печерин»!

Искусству или уменью изучать русскую прозу следует помогать компьютерами, хотя, думается, даже компьютер не сможет подсчитать все те трагические компоненты отчаяния, надежды, мольбы, страха, любви, что рвали сердца тех литераторов, кому господь дал ум — от него у нас горе, от чего ж еще?!

Впрочем, определенные выводы во время подготовки процесса своих бывших друзей Каменева и Зиновьева были сделаны: Сталин запретил издание «Бесов» и «Дневника писателя», как и переиздание Макиавелли, не говоря уже о запрете публикации ряда работ Энгельса о русской истории, с одной стороны, а Соловьева — с другой.

Среди режиссеров, которых Сталин высоко ценил, был и Чиаурели; тот подробно рассказывал ему о «технологическом процессе» создания фильма; поэтому Верховный знал, что в документальных лентах «дублей» не делают, — на то они и документальные, одно слово — «хроника».

Большакову — при очередной встрече — Сталин заметил: «А этот ваш режиссер, что снимал в Грановитой палате, смелый человек... Таких бы и посылать на самые боевые участки — не подведет».

Киселев, однако, выжил, судьба не дала ему погибнуть, хотя должен был: «макиавелли» страшны не только в политике, но и в кино.

Александра Воинова от ареста спасло ранение; когда его все же нашли, он лежал в госпитале, думали — не поднимется.

А — поднялся.

7

Летом сорок второго Сталин — после разговора с Черчиллем — затребовал гитлеровскую кинохронику, подчеркнув, что хочет видеть «все, а не цензурированные отрывки, мне политконтроль не нужен».

Просмотрев сцены восторженного приема, устроенного солдатами и офицерами вермахта фюреру в непосредственной близости от линии фронта, он вызвал народного комиссара внутренних дел Л. П. Берия:

— Вашей службе были заранее известны даты приезда Гитлера в окопы?

Берия ответил, что прилет Гитлера на фронт был совершенно неожиданным, заранее не подготовленным, некий экспромт, лишь поэтому «мои люди в Швейцарии не успели нас проинформировать».

— И это вам представляется нормальным? — спросил Сталин. — Разведка, которая «не успевает проинформировать», недорого стоит... Ваш либерализм по отношению к арестованным, когда вы прилетели в Москву, в тридцать восьмом, был оправдан; тот, кто сменил Ежова, обя-

зан быть справедливым... Думаете, мне не писали, что вы санкционировали слишком много пересмотров дел? Полагаете, не сигнализировали, что на Особом совещании вы предлагали давать обвиняемым минимальные сроки вместо максимальных? Но преступно считать, что либерализм — по отношению к бездельничающим нелегалам, которые отдыхают в Женеве, — в дни битвы народов допустим и оправдан.

Сталин медленно поднял на Берия побелевшие глаза — явный признак раздражения; когда Верховный был в гневе, зрачки исчезали, словно бы растворяясь в размытой желтизне.

Впервые Берия заметил это, окончательно перебравшись в Москву. Ночью, после долгого разговора о том, как следует выбрать из Германии нелегалов, чтобы не раздражать Гитлера после заключения договора о ненападении, Сталин неторопливо походил по кабинету, потом достал из стола бумагу — листочек в клеточку, исписанный четким и, как показалось Берии, детским почерком.

— Ознакомьтесь, — сказал Сталин, кивнув на письмо.

Берия протер пенсне замшевой тряпочкой, которую постоянно носил в левом нагрудном кармане, взял листок, пробежал строки, опустив первые, обязательные, в которых говорилось о том, что Сталин — честь, ум и сердце страны, великий гений, друг всех обездоленных, и все в этом роде. Остановился на третьем абзаце: «Когда нашего замечательного дирижера, народного артиста Грузии Микеладзе привезли в кабинет Берии Л. П., он уже был слепым, потому что во время допросов у него выбили глаза, требуя признания в том, что он вместе с поэтами Паоло Яшвили и Тицианом Табидзе входил в диверсионно-шпионскую группу, руководимую из Парижа лидером меньшевиков Ноем Жордания и неким полковником гестапо».

Микеладзе в тащили в кабинет тов. Берии Л. П., и тот сказал:

— Дирижер, вас изобличили поделуцы, у нас достаточно материалов, чтобы расстрелять вас и без официального признания! Но неужели вы не хотите облегчить совесть, выскоблить себя перед народом?!

— Товарищ Берия, — ответил великий музыкант, — я ни в чем не виноват, и вам об этом прекрасно известно!

— Откуда ты узнал, что я — Берия?! Ты же слеп!

— У меня абсолютный слух, Лаврентий Павлович. Я узнаю любого человека по голосу.

И тогда Берия Л. П. сказал тем, кто привез к нему гения грузинского народа:

— Так вбейте ему гвозди в уши, чтоб он не мог никого узнавать по голосу!

И это сделали с Микеладзе. И Родина потеряла одного из лучших своих сынов...»

Берия мгновенно просчитал, что если Сталин вызовет сюда тех трех, что присутствовали в кабинете во время беседы с Микеладзе, они неминуемо раз-

валятся. Поэтому отвечать надо правду, замоти вированную правду.

— Да, — ответил Берия, — это правда, товарищ Сталин... Микеладзе, Яшвили и Табидзе прилюдно обсуждали вопрос о том, как я перекоил историю, приписав Сталину те революционные заслуги, которых он не делал». Более того, они говорили, что «убийство Авеля Енукидзе и Камо санкционировано Сталиным, который убирает тех, кто работал на Кавказе в начале века...» И еще: они повторяли слова бывшего полицмейстера Василлашвили, который рассказывал, что якобы «Сталин был впервые арестован не как пламенный революционер-ленинец, но как... некий Робин Гуд, дерзко грабивший богатеев. И только в тюрьме, под воздействием Ладо Кецохели он примкнул к социал-демократии и с тех пор занимался экспроприациями для партии...»

— Вам более, чем кому бы то ни было, известно, откуда идет эта сплетня... Меня не волнуют сплетни, я их о себе слышал немало... Меня волнует другое: как могло случиться, что информация о факте с Микеладзе, — Сталин кивнул на письмо, лежавшее на столе, — известна людям? Да, да, людям, Берия! Многим людям! Думаете, об этом не говорит Грузия? Меня во всем этом деле меньше всего интересуют вы! Меня беспокоит престиж моих коллег, которые рекомендовали Берию на пост наркомвнудела. Словом, я даю вам три дня для того, чтобы этот факт, — он снова брезгливо кивнул на письмо, — перестал быть фактом. Если что-то делаете — доводите до конца. У нас в России грузинские штучки не проходят, Берия. Ясно?! Или, может быть, вы такого рода вседозволенностью решили похвалиться своей близостью к Сталину? Особенно после того, как выпустили книгу об истории большевистских организаций Закавказья?! Может быть, это не случай, а организованная комбинация?! Может быть, вы забыли, что накануне следствия Каменева было принято постановление, запрещавшее пытки оппозиционеров?!

Берия опустил глаза, боясь, что Сталин прочтет его: всем было прекрасно известно, что два года Каменева и Зиновьева кормили соленой рыбой, не давали воды и держали в камерах, где даже в жару топили печки. Зиновьев валялся на полу, начались печеночные колики, на этом его и сломали, потом сдался Каменев, о каком постановлении говорит Куба, он же знает все, абсолютно все!

Вот тогда впервые Берия и затаил ненавидящий ужас к этому человеку, задавленный, однако, неподвижной плитой магического преклонения перед ним.

И вот сейчас, спустя три года, походя по кабинету, Сталин раздраженно бросил:

— Во-первых, всю радиосвязь с вапими нелегалами необходимо прекратить, начиная с сегодняшнего дня. Вплоть до моего указания. И во-вторых, послезавтра я выезжаю на фронт, в район Ржева, пусть Серов подготовится.

Он никому не верит, подумал Берия; он запретил связь с резидентурами, чтобы мы не передали им о его выезде из Москвы, он не дал мне время на подготовку, чтобы факт его поездки не стал известен кому бы то ни было. И Ржев выбрал не зря: видимо, именно для беседы о положении на Северо-Западном фронте он вчера вызывал не только Штеменко, но и Шапошникова с Голиковым, которые привезли оттуда двух командармов.

...Наутро генерал Иван Серов отправил под Ржев эшелон с батальонами охраны — «для проведения маневров в условиях боевой обстановки»; вызвал в штаб всех особистов фронта: «Необходимо обсудить вопросы, связанные с реформированием частей особого назначения».

В тот же день в Ржев прибыло еще три эшелона: охрана начала патрулировать большаки и проселки в радиусе ста километров.

А назавтра туда приехал Сталин; его отвезли на окраину разбомбленного города и поселили в одном из чудом уцелевших домиков; Серов извинился:

— Товарищ Сталин, беда с водопроводом... Туалет во дворе, там же и умывальник...

— А где, по-вашему, оправлялся Сталин в Туруханском крае? — усмехнулся Верховный. — В ванной комнате?

Утром он вышел из просторной избы, отправился к рукомойнику, прикрепленному к старому вязу. Неторопливо намылив руки, тщательно вымыл их, потом лицо; больше всего любил земляничное мыло; впервые пользовался им в Берлине, в девятьсот седьмом году, когда, в частности, помогал Литвинову и Красину готовить операцию по спасению Камо из тюрьмы. Золотой был человек Камо, таких больше нет; трагично, но его уход был угоден истории, ибо он знал все; тем более просился к большому Ленину — именно в то время, когда тот искал союза с Троцким против него, Сталина. Несмотря на то, что завещание Ленина было запечатано в пяти конвертах, генеральный секретарь знал о его содержании; жена, Надя Аллилуева, работала в секретариате Ильича, там об этом говорили, дважды обмолвился Каменев... Сделать подарок Троцкому, разрешить ему узнать свое прошлое — недопустимо; именно Берия тогда и доказал впервые свою преданность, именно он организовал трагедию с Камо, больше доверять в ту пору было некому. Риск? Еще какой, но положение было безвыходным: с одной стороны — теоретик Троцкий, с другой — он, Сталин, связанный с экспроприациями, хорош генеральный секретарь, нечего сказать...

Вытирая лицо мягкими прикосновениями крахмального вафельного полотенца, Сталин заметил двух парней из охраны в однотипных коричневых плащах и кепках такого же цвета — с длинными, полуквадратными козырьками.

— Кто это? — не оборачиваясь, спросил Сталич.

Серов, кашлянув, ответил:

— Охрана, товарищ Сталин.

— Это называется не охрана. — Верховный неторопливо обернулся; лицо бледное, глаза щелчками. — Это намеренная дешифровка — вот как это называется. Любой гитлеровский лазутчик за версту увидит этих загримированных остолопов и сообщит в свой центр. Убрать их всех немедленно.

— Слушаюсь, товарищ Сталин.

Проводив Сталина к завтраку, Серов бросился к ВЧ, соединился с Берией.

— Охрану не снимать, — отрезал тот. — Наверное, поставил в оцепление рослых, а ты найди маленьких, вроде тебя, пусть на корточках ходят.

(Спустя семь лет, во время съемок очередной картины о Сталине, заехавший на «Мосфильм» Роман Кармен увидел поразительную картину: народный артист Советского Союза Геловани, утвержденный решением Политбюро для исполнения роли генералиссимуса, шел перед камерой, а за ним, на корточках, семенили Зубов, игравший Молотова, и Толубеев, исполнявший роль Ворошилова. Изумленный Кармен спросил Чиаурели: «Миша, в чем дело?!» Тот ответил шепотом: «Никто не имеет права быть выше Сталина». Видимо, об этом стало известно генералиссимусу, потому что он вызвал министра кинематографии Большакова и сказал: «Сталин — русский человек, и играть его надлежит русскому. Мне нравится Алексей Дикий. Товарищ Каганович находит, что мы похожи, пусть он играет Сталина в новых картинах».)

Превозмогая дерзостный страх, Большаков ответил: «Но ведь Дикий был в свое время репрессирован, товарищ Сталин!» — «В свое время я тоже был репрессирован охранкой, — Сталин усмехнулся. — А ведь — ничего, народ простил».)

После первого совещания с командующими армий Сталин, перед обедом, снова пошел мыть руки и заметил коротышек, ходивших по улице.

— Серов, — сказал Сталин негромко, — если вы сейчас же не уберете всех этих дармоедов, которые только привлекают ко мне внимание, вам и Берии несдобровать. Так ему и передайте.

Ночью два батальона охраны были загружены в теплушки, но в Москву, тем не менее, не отправлены.

На следующее утро, убедившись, что вокруг дома нет никого, кроме взвода автоматчиков, Сталин, усмехнувшись, сказал:

— А вечером давайте-ка поедем поближе к линии фронта.

Всю ночь разведка искала хоть один несгоревший дом примерно в пятидесяти километрах от передовой; нашли; хозяевам было сказано, что придет «генерал-майор Иванов, остановится на одну ночь, не могли бы переночевать в соседней землянке?»

Здесь, в избе, Сталин и провел совещание с четырьмя комдивами — эти донесут до солдат правду о том, что он, Верховный, был на передовой, но без трево-

на, шумихи и пропагандистских штучек, а скромно, как и надлежит вести себя соратнику Ленину, продолжателю его великого дела.

Ящик вина привез начальник его охраны Власик, он же и откупоривал бутылки, угощая молодых генералов «Саперави» и «Хванчкарой».

За обедом Сталин шутил, расспрашивал комдивов об их семьях, рассказал, как он со Свердловым и Каменевым жил в ссылке, — он говорил о нем спокойно, как о здравствующем и поныне партийце, а не шпионе.

Попрошавшись с гостями, Сталин попросил Власика закрыть бутылки пробками: «Не люблю, когда вино выдыхается. В Грузии тщательно следят, чтобы пробки были хорошо пригнаны, пора бы и нам этому научиться».

Наутро, едва только рассвело, Сталин проснулся, с видимым удовольствием вымылся во дворе, сказал, что время возвращаться в Москву, и поинтересовался:

— Серов, где хозяйева этого дома?

— Они ночевали у соседей, в землянке, товарищ Сталин.

— Вы их как-то поблагодарили за это?

— Нет.

— Это плохо, Серов. Очень плохо. Человек, лишенный чувства благодарности, бездуховен. Конечно, особенно баловать крестьян не следует, но отмечать доброе дело — должно. Дайте им в подарок от генерала Иванова денег...

— Слушаю, товарищ Сталин. Сколько?

— Сто рублей, пожалуй, слишком много, — задумчиво ответил Сталин. — А вот тридцать передайте им от меня — в хозяйстве пригодится.

В ту пору буханка хлеба на рынке стоила пятьсот рублей...

По нынешнему пересчету цен этот подарок крестьянской семье выразился бы тридцатью копейками.

После того, как операция «Багратион» с блеском закончилась, Советская Армия вышла к границам тридцать девятого года. (Константин Симонов, когда я спросил, отчего он не продолжил «Солдатами не рождаются», усмехнулся: «Я воевал за освобождение моей Родины. Все, что произошло потом, — новый цикл, с иными героями и потаенными целями, но писать его будет кто-то другой».)

Сталин пригласил на Ближнюю Дачу маршалов — решил устроить в их честь ужин.

Когда все съехались, Сталин приветствовал гостей в холле, пожал каждому руку; остановившись перед Рокоссовским, задумался на мгновение, молча повернулся и вышел; военачальники переглянулись; Жуков ободряюще кивнул: «Сейчас вернется».

Сталин действительно вскоре вернулся с букетом роз, протянул их Рокоссовскому, глухо кашлянув:

— Это за то, что ему больше вас всех досталось.

Понимать эту фразу можно было двояко: либо Сталин говорил о тяжести боев (хотя Жукову доставалось не меньше), либо о том времени, когда маршала таксади на допросы, выбивая показания о принадлежности к «банде троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов».

Потом Сталин пригласил маршалов во двор, где стол был накрыт по-кавказски, под полосатым тентом; дымилась карские шашлыки на углях, жарилась молодая козлятина, на старинных сковородах, привезенных с Кавказа, шипел желто-сливочный сулгуни.

Вино было из Тбилиси; бутылки опечатаны особым сургучом, что означало: «проверено, соответствует кондиции»; ЛСУК — «Лечебно-Санитарное Управление Кремля» — проверяло все, что подавалось на стол Верховному; потом, впрочем, была еще одна проверка, негласная, контролировавшая заключение медиков. Был на столе и коньяк «Варцихе»; водки стояло всего две бутылки (Сталин ее не пил, но знал, что Толбухин и Конев коньяк не очень-то любят, пусть себе порадуются «белой»).

Ужин удался на славу; хороший тост произнес Берия; он знал, что тост этот нравится Сталину, поэтому разыгрывал его в лицах: «Однажды юноша зашел на старое кладбище в горах и подивился надписям на крестах и могильных плитах: «Гиви Кварцхава, родился в девятистах году, умер в девятьсот пятнадцатом, жил тринадцать лет»; «Ладз Гудиани, родился в восьмьсот сорок пятом, умер в девятьсот двадцатом, жил сорок два дня»... Что такое, думает юноша? Как такое может быть?! А навстречу ему шел седобородый мудрец в белых одеждах с посохом. И обратился к нему юноша: «Скажите, уважаемый, отчего такие странные надписи на крестах?» — «Оттого, сын мой, — ответил седобородый мудрец, — что возраст людей в этом краю определяется не годами, прожитыми на земле, но часами дружбы!» Так выпьем же за дружбу наших маршалов, выдающихся военачальников эпохи гениального стратега наших побед Сталина!»

Рассказал свой любимый анекдот и Молотов: «Мужчина был в гостях, постоянно прикладывался к рюмочке, а жена, как и полагается всем женам, удерживала его: «Не надо да не надо!» В конце концов она взмолилась: «Ну хоть съешь что-нибудь! Вон, смотри-ка, хорошая булочка!» Ее муж покорно съел булочку и сразу же обвалился со стула, прошептав при этом: «Это твоя булочка виновата!» ...Потом плясал Буденный.

Ах, как он плясал в восемнадцатом, когда собирались узким кругом; как шел Ворошилов; как же быстролетно время, как неудержимо уходит оно, словно песок сквозь пальцы...

Сталин чувствовал, что вечер удался; редкое состояние спокойствия размягчило его, он откинулся на спинку кресла, чуть вытянул ногу и с прищурливой доброжелательностью обсматривал лица гостей: все свои, никакой затаенности,

недоговоренности; случилось то, чего он столько лет добивался: наконец-то окружен гвардией, не кто-либо, но именно они передадут поколениям правду о том, что он, Сталин, сломал шею гитлеризму; конец — всему делу венец! Это еще надо будет посмотреть, по чьей вине случился сорок первый год; не сейчас, конечно, сейчас нельзя мешать людям делать их дело, но придет время, и мы найдем истинных виновников трагедии. Генерал Павлов — что? Сошка, мелюзга... Ворошилов не зря рассказывал, как он нашел его в Белоруссии, в июле, на проселке, под дубом, — ноги солнцу подставил, портянки сушил на глазах у всех... «А я ведь читал твои донесения, которые ты против меня сочинял, Павлов, — сказал ему тогда Клим. — Ты ведь сигнализировал на меня, псевдонимом подписывался, хотел под монастырь подвести, нехорошо...».

Перед тем, как пришло время разъезжаться, после того, как все произнесли тосты за Верховного, Берия попросил слова; Сталин несколько удивился — это не в обычаях стола просить второй тост, тем не менее посчитал неудобным отказывать, военные могут этого не понять, у них свое представление о тех, кто на вершине пирамиды, нет смысла это представление менять...

— Товарищ Сталин, я предлагаю выразить благодарность вашим поварам, охроне, всем, кто готовил сегодняшний стол, — Берия обернулся к тем, кто стоял у мангалов, — наши грузинские янычары верны вам, как никто!

Сначала Сталин поднял свой бокал, но потом заметил, как Жуков и Конев, обернувшись, следом за Берией внимательно рассматривали поваров и охрану — рослые грузины, в основном голубоглазые, видимо, менгрелы, лица счастливые, вот-вот заплачут от гордости.

Сталин поставил бокал на место, лицо собралось старческими морщинами и, не глядя на Берия, а словно обращаясь ко всему столу, сухо посмеялся:

— Значит, грузины Сталина любят и верны ему. Хм... А что русские? Любопытно, как они относятся к Сталину?

Через три дня, перед тем, как маршалам разъезжались по своим фронтам, Сталин неожиданно устроил прощальный обед; ни одного грузинского повара не было; стол обслуживали рослые охранники — все как один русские.

Сталин постоянно наблюдал за Жуковым и Коневым, за их реакцией; однако ни один из маршалов попросту не обратил на это внимания.

«А Троцкий бы понял? — подумал Сталин. — Все-таки разница между профессионалами, техниками войны и политиком весьма значительна».

Грузин, однако, возвращать в Москву не стал: то, что сделано — сделано, нельзя менять решения.

(Продолжение следует)

Герой Советского Союза
Михаил БОРИСОВ

В измерении времени

Эту дату — сорок пятый год —
Выжег
на поверженном рейхстаге
Мой неунывающий народ
Из былой мальчишеской ватаги.

Помните, безоблачной порой
Мы в войну,
Казалось бы, играли?
Только это не было игрой —
Мы азы Победы постигали.

...За четыре года треть Земли
В орудийном прошагали гаме,
А всего вернее — проползли,
И планета корчилась под нами.

Выдержал и выстоял народ
И себя обрел
в победном шаге,
Чтобы кровью выжечь
На рейхстаге
Эту дату — сорок пятый год...

ПРИКРОЙ МЕНЯ!

Мне истребители — родня,
Я их люблю
И понимаю,
С окопных лет еще, считаю,
Осталось это у меня.

...Три МиГа рубят синеву
Над раскаленным Сталинградом.
Тянусь к ребятам
Жарким взглядом.

В их измерении живу.
У истребителя закон:
Пусть самого
Противник срежет,
Всегда товарища поддержит

Огнем и крылышками он.
Признаться, не было ни дня,
Когда бы я,
Как после взлета,
Не прикрывал и сам кого-то
И не просил:
— Прикрой меня!

«Не станет нас, а миру хоть бы
что...»

Хайям и прав и нет одновременно,
Без нас наш мир не дрогнет —
Это верно!
Но что-то все же будет с ним не то.
Ему своей дорогой не пройти,
Одно звено лишь потеряй эпоха.
Одно звено...

И, видимо, неплохо,
Что мы, собрат, по-прежнему в
пути.

Ведь он пока не выкован таким,
Каким Октябрь семнадцатого года
Его узрел за кромкой небосвода,
Здесь дел по горло нам и молодым,
В грядущий день когда-нибудь

и нас
Лишится мир — разноречив
и тесен,

И правнуков
По городам и весям
Никто так не поддержит,
как сейчас.

Анатолий Бышовец:

БУДЕМ ЖИТЬ НАДЕЖДОЙ

ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

Анатолий Федорович Бышовец — один из наиболее интересных футбольных тренеров в нашей стране. Так складывается его судьба, что до сих пор серьезных неудач на этом поприще он не терпел. Огрехи в работе с московским «Динамо» не в счет, ведь год пребывания в должности главного тренера команды совпал с подготовкой к Олимпийским играм и участием в них. Зато теперь Бышовца по праву называют конструктором олимпийской победы советской футбольной сборной, одержанной ею тридцать два года спустя после Мельбурна. Но вместе со славой золотые медали добавили молодому тренеру и забот: теперь его действия и решения оцениваются олимпийским эталоном. И вполне закономерно, что наш разговор с подполковником Бышовцем, главным тренером олимпийской команды СССР и московского «Динамо», начался с приятных воспоминаний об Играх XXIV Олимпиады в Сеуле.

— Как рождалась команда, принесшая всем нам столь долгожданную олимпийскую победу!

— С немалыми сложностями. В 1986 году, когда проходил чемпионат мира, из числа олимпийцев выбыли такие известные игроки, как Рац, Яремчук, Яковенко, Чанов, занимавшие в нашей команде ключевые позиции. Пришлось искать им замену, а по существу, комплектовать команду заново. Теперь я могу смело утверждать, что мы сумели создать коллектив единомышленников, волевою, а главное, мыслящую команду. Особо подчеркну: мы убедились во время Игр в Сеуле, что ни одной ошибки при подборе игроков в команду допущено не было. Все двадцать футболистов оказались не только отличными мастерами, но и настоящими парнями. О каждом из них могу сказать только хорошее.

— Анатолий Федорович, убежден, не может быть команды-чемпиона без «звезд».

— Да, это так. И у нас они были. Настоящими лидерами в коллективе стали Алексей Михайличенко и Игорь Добровольский, два динамовца, один из Киева, другой москвич, непохожие друг на друга по манере игры. Благодаря их высокому мастерству, игра команды была более разнообразной, интересной. К Михайличенко особое отношение, ведь у меня Алексей начинал тренироваться в детской и юношеской командах киевского «Динамо». Сегодня вдвойне приятно, что его заслуги по достоинству оценены, и в прошедшем году он признан лучшим футболистом страны. Убежден, его потенциал далеко не ис-

черпан, важно, чтобы он и дальше не только сохранил свою индивидуальность, но и развил ее.

У Игоря Добровольского с удовольствием отмечаю тонкое понимание игры, высокое исполнительское мастерство, чувство партнера и позиции, умение в короткое время принять единственно верное решение. Что бы я пожелал Добровольскому? Чаще использовать свои главные достоинства — работу с мячом на скорости и умение наносить прицеленные удары издали.

— В спортивном коллективе очень важная роль принадлежит капитану команды. Его справедливо называют первым помощником тренера. Согласны ли вы с этим?

— Конечно. Капитаном обычно становится игрок с сильным характером, пользующийся уважением товарищей. Он своеобразный проводник тренерских идей в команде. Именно таким был в олимпийской сборной Виктор Лосев, московский динамовец.

Я назвал лишь нескольких футболистов, но слов благодарности и признательности достойны все. Три года назад ни один из тех, кто был приглашен в олимпийскую сборную, не считался среди лучших в стране. Теперь они — заслуженные мастера спорта, входят в число 33 лучших футболистов по итогам года.

— Анатолий Федорович, каков ваш основной творческий принцип?

— Он прост: прислушиваться к мнению футболистов. По себе знаю, как это важно для игрока, когда с ним советуются, считаются. Еще выступая за киевское «Динамо» и сборную, убедился: споры, если

они идут на равных, творчески обогащают и спортсмена, и тренера. Поэтому охотно слушаю своих подопечных. Так вот, и в олимпийской команде, и у нас в «Динамо» действовал совет коллектива. В «Динамо» в него входили Лосев, Поздняков, Морозов, Добровольский, Каратаев. По самым важным проблемам обязательно консультируюсь с ними. Как, впрочем, и с другими игроками. И впрямь не собираюсь отказываться от этого правила. Почему убежден в правильности такого метода? Командно-административный стиль изжил себя в футболе, приказом многого не добьешься. Надо больше доверять игрокам, а при необходимости — умело убеждать, подбирать весомые аргументы. К сожалению, если в олимпийской команде мне удавалось постоянно придерживаться этого принципа, то с динамовцами все сложнее. В команде я всего второй год, да и то с большими перерывами, дела олимпийские отвлекли. Так что, открывенно сказать, общего языка со всеми игроками пока не нашел. Но я по натуре оптимист: считаю, время поможет нам сблизиться. Что бы я в первую очередь хотел, так это повысить сознательность своих подопечных, помочь им занять более активную гражданскую позицию. Обидно видеть, что некоторых игроков команды со столь славной историей и традициями устраивает роль середнячков.

— По себе знаю, сколь тяжело переживают неудачи динамовцев болельщики. Многие с отчаянием спрашивают: неужели москвичи навсегда распрощались с надеждами на возрождение славы столичного «Динамо», не захвнутся больше на золото!

— Легче всего было бы успокоить таких болельщиков, пообещав им уже в нынешнем году чемпионские титулы. Я бы покривил душой, сделал это. Предстоит много потрудиться, чтобы сформировать команду, способную на большие дела. У нас сегодня есть индивидуально сильные игроки, лидеры. Те же Лосев, Добровольский. Надо сплотить ребят единой целью, создать здоровую конкуренцию в составе, решить некоторые организационные вопросы. Тут я очень надеюсь на помощь всех, от кого зависит благополучие команды, в том числе командозащиты и Политического управления внутренних войск.

Пока же приходится решать проблемы, связанные с комплектованием команды. Вот, например, произошел у меня конфликт с лучшим бомбардиром команды Александром Бородюком. Казалось бы, какие претензии могут быть к олимпийскому чемпиону, новоиспеченному заслуженному мастеру спорта? Бесспорно, Саша очень талантливый игрок. Но кому многое дано, с того и много спрашивают, а вот это-то Бородюку не нравится. Он последнее время особо не утруждал себя на поле, выкладывался в игре так процентов на пятьдесят, не больше. На мои же требования пока внимания не обращает.

Подобные конфликты мешают динамовцам. Однако не все зависит только от игроков и тренеров. В нашем футболе накопилось немало проблем. Не говорить о

них больше нельзя. Минувшей зимой нашумела история с отставкой спартаковского тренера Константина Ивановича Бескова. Можно, конечно, по-разному отнестись к ней, но случившееся еще раз показало, что при командно-административной системе в футболе тренер фактически бесправен, условия ему диктуют одновременно и меценаты от спорта, и игроки.

Сейчас многие уповают на создание футбольного союза, наивно полагая, что это само по себе позволит решить все большие проблемы нашего футбольного хозяйства. Этого не произойдет, если мы уже сегодня не признаем, что оно давно поражено коррупцией, не избавившись от которой, невозможно двигаться вперед. И не только признаем, но и поведем с ней честную и решительную борьбу, как это делается во многих странах.

— В печати в последнее время появилось немало публикаций: мол, динамовские и армейские коллективы, пользуясь возможностью призывать спортсменов, в том числе футболистов, что называется, собирают себе все сливки. Как вы относитесь к подобному мнению?

— У нас почему-то очень часто забывают пословицу «Насильно мил не будешь». Что-то я не помню случая, когда кто-либо из футболистов, попавших помимой своей воли в динамовский или армейский коллектив, здорово заиграл в нем. Да и тренеры не очень-то полагаются на таких мастеров. Для меня, например, очень важно, чтобы игрок сам стремился в команду, любил ее, был патриотом клуба. В «Динамо» должны играть динамовцы по духу, в «Спартаке» — спартаковцы. Попробуйте пересадить цветок в чуждую ему почву — завянет. Я вырос в динамовском клубе, не представляю себя вне рядов этого замечательного спортобщества и всегда гордился офицерскими погонами. Почему никто не возмущается, что есть военные медики, финансисты, строители?

Больше того, убежден: надо крепить связи с трудовыми коллективами, воинскими частями. Игроки «Локомотива» должны чувствовать свою сопричастность с железнодорожным ведомством, торпедовцы — с автозаводом...

— И все же, на что можно надеяться поклонникам команды!

— Надо верить в нас, в наше возрождение. Команде очень нужна поддержка. Сейчас укрепляются связи с клубом болельщиков московского «Динамо». Хотелось бы побольше видеть в нем военнослужащих, сотрудников ведомств, которые мы представляем. В конце прошлого года мы участвовали в Софии в международном турнире по мини-футболу и, хотя не проиграли ни одного матча, были лишь третьими. Впервые вместе с нами выезжали представители клуба болельщиков. Свои призы — а это были радиоприемники «Селенга» — мы передали ребятам подшефного московского детского дома № 50.

— На что рассчитываете в нынешнем сезоне!

— Уверен, команде по силам возвращение на пьедестал.

Интервью вел подполковник М. ГУСЕВ.

**ПЕРВОАПРЕЛЬСКОЕ
ИНТЕРВЬЮ**

ЗВОНУ - БЫТЬ!

**В ОДНОМ ИЗ
ПОДСОБНЫХ
ХОЗЯЙСТВ ВОЙСКОВЫЕ
УМЕЛЬЦЫ ВЫВЕЛИ
НОВУЮ ПОРОДУ КОРОВ,
ПРИСПОСОБЛЕННЫХ
ДЛЯ СОДЕРЖАНИЯ В
САМЫХ
ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ
УСЛОВИЯХ. НАШ
КОРРЕСПОНДЕНТ
ВСТРЕТИЛСЯ С
РУКОВОДИТЕЛЕМ
САМОДЕЯТЕЛЬНОЙ
ГРУППЫ
СЕЛЕКЦИОНЕРОВ
ПРАПОРЩИКОМ
В. НАХОДЧЕНКО
И ИМЕЛ С НИМ
БЕСЕДУ**

— Сразу же хочу спросить: чем, товарищ прапорщик, была вызвана необходимость тратить столько сил и энергии на то, чтоб в ваших коровниках появился «Звон» — так, кажется, вы назвали это животное?

— Сразу же хочу ответить: все работы мы вели в свободное от службы и учебы время. А занялись селекцией по рекомендации комбата. Тому, видно, начальство по телефону накачку дало, вызвал он меня и как... И вдумчиво, спокойно повел речь о том, как в свободное от службы и занятий время улучшать

работу подсобного хозяйства. То есть, как выполнять планы по мясу и молоку, не задевая при этом личный состав на хозяйственные работы. Вот мы с энтузиастами и задумались. Перво-наперво определили цель: корова должна быть такой, чтоб сама себе вымя массирила, сама, без дояра, доилась, сама себя чистила и была не слишком разборчивой в еде. Засучили рукава — и добились своего. Вот она, наш «Звон», у яслей стоит. Как видите, упитанная и жизнерадостная скотинка.

— Кстати, а почему «Звон»?

ВИТРАЖИ И МУЛЯЖИ

ФЕЛЬЕТОН

ПРИБЫВ в командировку и сразу же став на котловое довольствие, я в обеденное время вошел в помещение, над которым сияла вывеска: «Солдатская чайная». Вошел и поразился интерьеру: тут тебе и телевизор, и искусно сделанные витражи на окнах, и два старинных крутобоких самовара... Словом, и покушать можно, и душой отдохнуть. Сижу, значит, обедаю — вкусно здесь повара готовят! — и гадаю: сколько «голубых огоньков» здесь войны провели, сколько встреч с интересными людьми, сколько дней рождения отпраздновали!.. Ведь условия для всего этого в чайной прямо-таки идеальные.

И вроде как специально, чтобы подсластить мои впечатления от царящей здесь атмосферы, смотрит на меня с витрины буфета красивая конфетная коробка с надписью «Черри» — «Вишня» по-нашему. Чего ж, думаю, не купить дефицит, если

местный военторг предлагает. Но солдатик в белом халате разъяснил: муляж, мол, это, для красоты только коробка выставлена.

Я не очень огорчился. Не в конфетах ведь счастье, а все остальное — телевизор, витражи, удобные столики — настоящее, и этому надо радоваться. Опять, значит, прикидываю: есть где и небольшому ансамблю разместиться, и книги разложить, если литературный вечер проводить...

День, значит, гадаю да прикидываю, два... Да начинаю замечать, что не вижу что-то солдат в солдатской чайной. Посетителей тут вроде предостаточно: кроме меня, столуются еще участники сборов начальников одной из служб тыла, представительная комиссия довольствующего органа, продавцы из здешнего магазина военторга... А воинов нет. В чем дело?

Обратился я с этим вопросом к заместителю командира части по тылу майор А. Борисову. И поведал он, что проводились здесь раньше культурные мероприятия и солдат-посетителей много было, и торговали в чайной выпечкой, сигаретами, молочными продуктами... Да как-то недостача вышла — и закрыли торговлю. А поскольку в недостаче солдат-продавец виноват оказался, то теперь тем, кто срочную службу служит, заходить сюда не ре-

Мелкие дребезги

ПИТАТЫ ИЗ РУКОПИСЕЙ

Когда мотоциклист снял шлем, Николай понял, что это вовсе не мотоциклист, а девушка с длинными волосами.

Ремнями кожаными, верстами дорог стирали в кровь ладони рук и ног!

Ефрейтор Гусев вспомнил: в тот день он совершил несколько рейсов. Вывозил мусор в виде битого кирпича, шифера, стружек и прапорщика Семенова.

Его мускулистая фигура вызывала уважение: и руки, и ноги, и, конечно же, голова.

Стекло разбилось в мелкие дребезги.

— Зорька Войсковая Неприхотливая — так расшифровывается название.

— Значит, вы говорите, времени для ухода за животными у вас было мало-мало?

— Я так сказал? Да если начальство узнает... Вычеркните те слова. Свободного от службы и учебы времени у нас, это каждый знает, хватает. И в журнале так часто пишут, и специалисты тыла так говорят. Кроме того, есть у нас субботы и воскресенья, и мы все как один, сами понимаете, с большим удовольствием готовы работать на заготовке кормов, в подшефном колхозе, чем, скажем, идти в увольнение на свидание с девушкой или сидеть в библиотеке. Викторины разные, соревнования — это напрасная трата времени. Лучше взять в руки вилы, и все как один...

— А чем конкретно питается «Звон»?

— В свободное от службы и учебы время мы зачитываем корове, сколько чего по рациону она должна съесть. О концентрации говорим, о свежем се-

не, о витаминных добавках, о силосе... Специальное приспособление, изготовленное нашими умельцами в свободное от службы и учебы время, внушает ей, что все это она уже съела — и баста! Как видите, ничего сложного. А надох от «Звона» получаем точно такие, как и предусмотрено планами, и привесы наращиваются соответственно планам. А планы повысятся — скажем корове, что она стала больше корма получать.

— Да, трудно переоценить ценность вашего изобретения. Но на достигнутом вы, думаю, не остановились, над чем-то работаете и сейчас?

— Выводим новые породы кур, свиней, бычков. В перспективе — создание таких теплиц, которые бы давали нам горы продукции, не требуя никакого ухода. Нас окрыляет то, что, как кажется, подобные разработки нужны не только нашей части, их с радостью будут внедрять во всех войсках в свободное от службы и учебы время.

Капитан И. КОЗЛОВ.

Рисунки В. Тамаева.

комендовано. Штатного же работника найти трудно, да и военторг чайную принимать не хочет, поскольку нет тут горячей воды...

Вон сколько причин, и все вроде бы объективные, весомые — как с ними не согласиться!

А соглашаться не хочется. Ведь чайная все-таки солдатская. Для того строилась, для того интерьером обзаводилась, для того и вывеска над ней висит соответствующая. И жаль, честное слово, жаль, что стала эта вывеска таким же муляжом, как и конфетная коробка. Коробка, правда, для красоты, а витрина — для отчетности, видно: заботимся, мол, о личном составе... Бор. ДУДИНСКИЙ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. Когда уже материал был подготовлен к печати, редакция получила информацию, что в солдатской чайной, о которой идет речь, солдаты наконец-то начали появляться. Составлен и план культурно-массовых мероприятий, которые здесь будут проводиться. Тем не менее мы решили опубликовать этот материал. Во-первых, чтобы ускорить процесс позитивных изменений по отношению к быту воинов в данной части. А во-вторых, чтобы и другим командирам, политработникам напомнить: заботу о подчиненных нужно проявлять конкретную, а не бумажную.

ТАКТИЧЕСКАЯ ОШИБКА

ЮМОРЕСКА

ПРИБЫЛ к нам служить рядовой Сергей Яя. Интересная фамилия, не правда ли? Перо так и просится обыграть ее как-то, но все это обыгрывание было бы уже небывальщиной, выдумкой. Я же, признаюсь, на выдумки не горазд и пишу только о том, что было. А было с рядовым Яя и без литературных фантазий много чего смешного. Хотя бы, к примеру, история о том, как совершил он тактическую ошибку.

В одно из зимних воскресений проводились у нас соревнования по лыжным гонкам. Яя — родом южанин, лыжи видел в основном по телевизору да в магазине, но тут — куда же деваться? — стал на них. То коленями, то спиной лыжню себе «торит».

Пробежать надо было всего-то один круг, но большой, правда, — пять километров вокруг лесопарка. Ни опыта, ни зачатки соответствующей, повторюсь, у солдата не было, но зато хитрости — хоть отбавляй. Правда, позже Сергей всех уверял, что не в хитрости дело, а в хорошем знании законов геометрии, но так или иначе, решил он осуществить тонкий тактический ход. Свернул с лыжни, прокрался незамеченным под носом наблюдателей через лесок и вышел, таким образом, сразу же на финишную прямую. Обрадовался, что затея удалась, но и огорчился, увидев, что группа лыжников все равно уже впереди него, метрах в тридцати. «Ладно, — подумал, — они уставшие, а у меня сил много, авось сокращу отставание».

И вправду, почти догнал их. Да только не сразу догадался, почему, хоть и последним бежал, все ему руки жмут, а командир роты даже по плечу хлопает, секундомер над головой поднимает. Вслушался в слова вокруг говорящих рядовой Яя и понял, что так быстро, как он, в этом сезоне никто в Европе не пробегал и что сегодня же будет он включен в список спортсменов на республиканские соревнования.

Тут только сообразил наш Сергей, что пристроился он к лыжникам другого взвода, того, который старт гораздо раньше, чем он, принял.

Что ему оставалось делать, нетрудно, наверное, догадаться. Покаялся он и перед командиром, и перед сослуживцами в том, что обмануть всех хотел, и стал с тех пор серьезно на трассе тренироваться. Сейчас о европейских рекордах ему, конечно, думать рано, но разрядником он стал, на сей раз без всяких хитростей.

Прапорщик О. УСОВ.

ЧИТАЙТЕ

— Я агент КГБ.
— А я вас давно вычислил.
— Как!! — осужденный вскочил, тем самым чуть было не выдал себя.

— О, это просто, — Писуков широко улыбнулся. — Я ведь «опер». Не лишен, так сказать, интуиции.

Операция «Боцман», или
Гипноз глупости.

Хроника почти
детективной истории,
происшедшей совсем недавно
в одном из ИТУ при «участии»
командира роты.

Взводные, ротные, замполиты —
сплошь лейтенанты.

Такую идею поначалу одобрили
не все...

Заметки с учебного сбора.

В СЛЕДУЮЩЕМ

«...Я ехал туда, начитавшись нашей литературы, очерков об Америке и американской армии, что это сборище убийц и наркоманов, — разложившаяся армия. Но приехал и увидел...»

Артем Боровик, специальный корреспондент «Огонька» дает интервью нашему журналу.

«Завербуйте Рэдля, и больше нам ничего не надо от вас...» Генштаб вскоре же получил от Марченко исчерпывающую характеристику на Рэдля...»

Валентин Пикуль

«Выстрел в отеле «Кломзер»».

НОМЕРЕ

■ Киномеханик рядовой Сергей Бабаджанян не только демонстратор фильмов. Он настоящий пропагандист советского киноискусства.

■ Саморегулируемые артисты с успехом выступили на сцене. А их представление со зрителями продолжилось на территории военного городка — еще один танец, еще одна песня, еще один снимок на память о встрече.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

«НА БОЕВОМ ПОСТУ»

ОФОРМИВ ПОДПИСКУ НЕ ПОЗДНЕЕ МАЯ НЫНЕШНЕГО ГОДА, ВЫ БУДЕТЕ ПОЛУЧАТЬ ЖУРНАЛ СО ВТОРОГО ПОЛУГОДИЯ.

УЖЕ СЕГОДНЯ МОЖНО ПОЗАБОТИТЬСЯ И О ПОДПИСКЕ НА 1990 ГОД – СОВЕТУЕМ ВАМ СДЕЛАТЬ ЭТО ЗАРАНЕЕ.

КАЖДЫЙ НАШ ЧИТАТЕЛЬ НАЙДЕТ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА ИНТЕРЕСНЫЕ И ПОЛЕЗНЫЕ ДЛЯ РАБОТЫ ПУБЛИКАЦИИ:

- статьи, рассказывающие о ходе перестройки в деятельности войск на современном этапе,
- передовой опыт командиров, политорганов, штабов, партийных и комсомольских организаций, специалистов служб тыла,
- очерки о лучших людях войск, мастерах боевой службы, активистах-общественниках, прославленных спортсменах-динамовцах,
- письма читателей по самым разнообразным вопросам, консультации и справочный материал,
- литературные произведения известных писателей В. Пикуля, В. Ардаматского, О. Горчакова, Н. Леонова, а также проза и поэзия войсковых авторов.

ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ НЕОБХОДИМО:

- Пересылку заказов и расчеты с редакцией производить через финансовые органы в порядке подчиненности.
- Заказ составлять на все войска по управлению (соединению, училищу) с приложением списка адресов частей, подразделений и указанием количества экземпляров журнала на год и полгода.
- Бюджетную и индивидуальную подписку оформлять одним заказом.
- В адресе для доставки журнала указывать почтовый индекс, номер почтового отделения, район, область, край, республику.
- Заказы в редакцию высылать как можно раньше и не позднее срока, указанного в настоящем объявлении. При невозможности выслать заказ к установленному сроку необходимо предупредить об этом редакцию.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 12 МЕСЯЦЕВ – 4 р. 80 к.

Заместителям командиров частей по политической части и общественным распространителям печати следует контролировать поступление журнала в войсковую часть, проверять, все ли подписчики его получили. В случае несвоевременной доставки номеров журнала обратиться к начальнику почтового отделения или начальнику городского агентства „Союзпечать” и сообщить по адресу: 111250, Москва, редакция журнала „На боевом посту”.